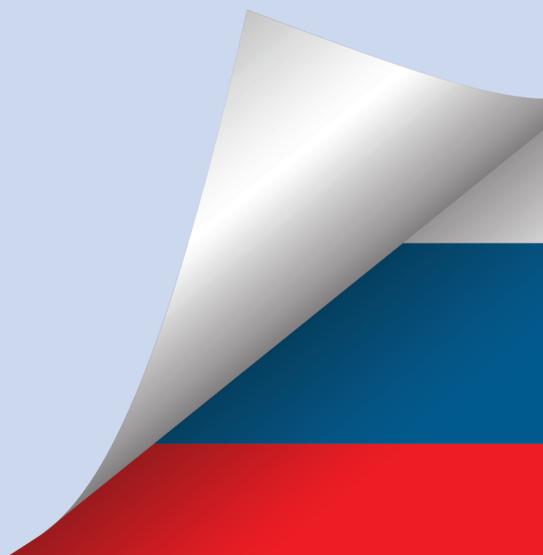

Научный журнал

СОЦИОЛОГИЯ И ПРАВО

№ 4 (46) · 2019

ISSN 2219-6242

Научный журнал
СОЦИОЛОГИЯ И ПРАВО

№ 4 (46) · 2019
ISSN 2219-6242

СОЦИОЛОГИЯ И ПРАВО № 4 (46) • 2019

Главный редактор

О. Г. СМЕШКО, ректор Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики, доктор экономических наук, доцент

Заместитель главного редактора

Г. А. КОСТИН, проректор по научной работе, доктор технических наук, доцент

Редакционный отдел

*М. В. РЫБКИНА, доктор юридических наук, профессор
Н. Н. ПОКРОВСКАЯ, доктор социологических наук, профессор*

Редакционный совет

- Г. А. о. АГАЕВ, профессор Государственного университета аэрокосмического приборостроения, доктор юридических наук, профессор*
- В. БЕРГМАНН, вице-президент Европейской академии наук и искусств, член правления форума «Петербургский диалог», доктор юридических наук, профессор*
- В. М. БОЕР, проректор по учебно-воспитательной работе Государственного университета аэрокосмического приборостроения, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, почетный работник высшего профессионального образования РФ*
- С. С. БРАЗЕВИЧ, профессор Санкт-Петербургского государственного университета, доктор социологических наук, профессор*
- Н. В. БУГЕЛЬ, профессор Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики, доктор юридических наук, профессор*
- Е. В. ВОСКРЕСЕНСКАЯ, директор Юридического института Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики, доктор юридических наук, доцент*
- И. И. ЕЛИСЕЕВА, руководитель сектора Социологического института РАН (Санкт-Петербург), доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент РАН*
- Н. Н. ЖИЛЬСКИЙ, заведующий кафедрой правового регулирования градостроительной деятельности Санкт-Петербургского государственного архитектурно-строительного университета, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ*
- С. Ю. КОСАРЕВ, заведующий кафедрой криминалистики Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого, доктор юридических наук, профессор*
- Р. А. КОСТИН, заведующий кафедрой социологии и социальной работы Санкт-Петербургского государственного экономического университета, доктор социологических наук, профессор*
- А. В. МАЛЬКО, директор Саратовского филиала Института государства и права РАН, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ*
- Я. А. МАРГУЛЯН, профессор Санкт-Петербургского государственного экономического университета, доктор социологических наук, профессор*
- А. А. МАРКОВ, профессор Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики, доктор социологических наук, профессор*
- Ю. В. МИШАЛЬЧЕНКО, профессор Санкт-Петербургского государственного морского технического университета, доктор юридических наук, профессор*
- С. М. ОГАНЕСЯН, профессор Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики, доктор юридических наук, доцент*
- Е. В. СИЛИНА, заведующий кафедрой предпринимательского права Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина, доктор юридических наук, доцент*
- С. А. ЦЫПЛЯЕВ, декан юридического факультета Северо-Западного института управления РАНХиГС, кандидат физико-математических наук*

Адрес редакции:
190103, Санкт-Петербург,
Лермонтовский пр., д. 44а
Тел.: (812) 448-82-50
E-mail: izdat-ime@yandex.ru

© Коллектив авторов, 2019
© Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики, 2019

SOCIOLOGY AND LAW № 4 (46) • 2019

Chief Editor

O. G. SMESHKO, Doctor of Economics, Associate Professor

Deputy Editor

G. A. KOSTIN, Vice Rector for Scientific Affairs, Associate Professor, Correspondent Member of the International Higher Education Academy of Sciences and Russian Academy of Military Sciences

The Editorial Department

M. V. Rybkina, Doctor of Law, Professor
N. N. Pokrovskaya, Doctor of Social Sciences, Professor

The Editorial Team

G. A. o. AGAEV, Professor of St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Doctor of Law, Professor

B. BERGMANN, Vice-President of the European Academy of Sciences and Arts Letters, Member of the Board of the Forum "Petersburg dialogue", Doctor of Law, Professor

V. M. BOER, Vice-Rector for Teaching and Educational Work of St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Honored Worker of Higher Education of the Russian Federation

S. S. BRAZEVICH, Professor of St. Petersburg State University, Doctor of Social Sciences, Professor

N. V. BUGEL, Professor of St. Petersburg University of Management Technologies and Economics, Doctor of Law, Professor

E. V. VOSKRESENSKAYA, Director of the Institute of Law of St. Petersburg University of Management Technologies and Economics, Doctor of Law, Associate Professor

I. I. ELISEEVA, Head of Department of Sociology Institute of RAS, Doctor of Economics, Professor, Correspondent Member of the Russian Academy of Sciences

N. N. ZHIL'SKIY, Head of Department of St. Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation

S. Yu. KOSAREV, Head of Department of Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, Doctor of Law, Professor

R. A. KOSTIN, Head of Department of St. Petersburg State University of Economics, Doctor of Social Sciences, Professor

A. V. MAL'KO, Director of the Institute of State and Law of RAS, Doctor of Law, Professor, Honored Science Worker of the Russian Federation

Ya. A. MARGULYAN, Professor of St. Petersburg State University of Economics, Doctor of Social Sciences, Professor

A. A. MARKOV, Professor of St. Petersburg University of Management Technologies and Economics, Doctor of Social Sciences, Professor

Yu. V. MISHAL'CHENKO, Professor of St. Petersburg State Marine Technical University, Doctor of Law, Professor

S. M. OGANESYAN, Professor of St. Petersburg University of Management Technologies and Economics, Doctor of Law, Associate Professor

E. V. SILINA, Head of Department of Pushkin Leningrad State University, Doctor of Law, Associate Professor

S. A. TSYPLYAEV, Head of Department of Law of the North-West Institute of Management (branch of RANEPa), Ph. D. in Physical and Mathematical Science

Editorial office:

44/a Lermontovskiy Ave,
St. Petersburg, Russian Federation, 190103
Phone: (812) 448-82-50
E-mail: izdat-ime@spbume.ru, izdat-ime@yandex.ru

© Team of authors, 2019
© Saint Petersburg University
of Management Technologies
and Economics, 2019

СОДЕРЖАНИЕ

Социальные проблемы общества

<i>С. А. Иванов, Н. И. Легостаева, К. А. Платонов, К. В. Светлов.</i> Методология исследования коммуникативных стратегий политических лидеров в онлайн-пространстве	6
<i>В. В. Галиндабаева.</i> Женщины в трудной жизненной ситуации: менеджерские практики социальных служб.	18
<i>Д. М. Шакирова.</i> Понятие и сущность конфликта как социального феномена	26
<i>О. С. Макарова.</i> Роль и значение пропагандистской деятельности работников театрального искусства по формированию общественного правосознания в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.	34
<i>У. Н. Раимжанова.</i> Теории семьи и современные тенденции семейных отношений в обществе.	40
<i>И. О. Федорова.</i> Концептуальное развитие теории миграции: ассимиляция, транснационализм	46

Право в жизни государства и личности

<i>Т. П. Богомоллова, А. А. Шурус.</i> Институты гражданского общества в постсоветской России: основные тенденции и перспективы развития	52
<i>Е. В. Воскресенская, Н. Н. Жильский, Э. А. Шаряпова.</i> Проблемы правового регулирующего недропользования в современной России	60
<i>А. В. Далинин, С. В. Аристов.</i> Понятие осмотра места происшествия как разновидности следственного осмотра	66
<i>Е. Ю. Одинокова, Е. А. Зорина.</i> Понятие национальной безопасности и правовые меры по ее обеспечению	72
<i>А. Б. Черных.</i> Проблема соотношения института коммерческой тайны и смежных правовых категорий	79
<i>Г. Н. Уткин.</i> Особенности проявления связи безусловного и условного в сфере законотворчества	89
<i>Н. Г. о. Халыгов.</i> Проблема определения понятия «злоупотребление правом» в контексте современных теорий	95
<i>Д. А. Швец.</i> Налоговая политика как функция современного российского государства	106

CONTENTS

Social Problems of a Society

<i>S. A. Ivanov, N. I. Legostaeva, K. A. Platonov, K. V. Svetlov.</i> A Methodology for the Research of Communicative Strategies of Political Leaders in Online	6
<i>V. V. Galindabaeva.</i> Women in Difficult Life Situations: Managerial Practices of Social Services	18
<i>D. M. Shakirova.</i> Concept and Essence of Conflict as a Social Phenomena	26
<i>O. S. Makarova.</i> Role and Importance of Propaganda Work of Theatrical Art Workers on Formation of Public Legal Consciousness During the Period Great Patriotic War of 1941–1945	34
<i>U. N. Raimjanova.</i> Theories of the Family and Current Trends in Family Relations in Society.	40
<i>I. O. Fedorova.</i> Conceptual Development of Migration Theory: Assimilation, Transnationalism.	46

The Law in a State and Person Life

<i>T. P. Bogomolova, A. A. Shulus.</i> Civil Society Institutions in Post-Soviet Russia: Main Trends and Development Prospects	52
<i>E. V. Voskresenskaya, N. N. Zhil'skiy, E. A. Sharyapova.</i> Problems of Legal Regulation of Subsoil Use in Modern Russia	60
<i>A. V. Dalinin, S. V. Aristov.</i> The Concept of Inspection of the Scene as a Kind of Investigative Inspection	66
<i>E. Yu. Odinokova, E. A. Zorina.</i> The Concept of National Security and Legal Measures to Ensure It.	72
<i>A. B. Chernykh.</i> The Problem of Correlation Institute Commercial Secrets and Adjacent Legal Categories.	79
<i>G. N. Utkin.</i> Peculiarities of Connection of Unconditional and Conditional Law Enforcement	89
<i>N. G. o. Khalygov.</i> The Problem of Defining the Concept of “Abuse of Law” in the Context of Modern Theories	95
<i>D. A. Shvets.</i> Tax Policy as a Function of the Russian State	106

*С. А. Иванов, Н. И. Легостаева, К. А. Платонов,
К. В. Светлов*

Методология исследования коммуникативных стратегий политических лидеров в онлайн-пространстве

*S. A. Ivanov, N. I. Legostaeva, K. A. Platonov, K. V. Svetlov. A Methodology
for the Research of Communicative Strategies of Political Leaders in Online*

Представлен анализ эволюции концепции политического лидерства. Рассмотрены особенности самопрезентации политических лидеров в связи с развитием цифровых коммуникационных технологий. Разработаны и обоснованы методологические принципы анализа стратегий политических лидеров в онлайн-пространстве. Определены и содержательно раскрыты основные методы исследования, в том числе особенности работы с большими массивами данных (Big data) при анализе цифровой коммуникации политических лидеров. Отдельно рассмотрены современные методы математического моделирования, позволяющие решать проблемы разработки и реализации эффективных стратегий политических лидеров в онлайн-пространстве (вероятностные моде-

The presented study analyzes the evolution of the concept of political leadership; examines the specific features of self-presentation of political leaders associated with development of digital communication technologies; develop and substantiate the methodological principles of analyzing the strategies of political leaders in the online space; identify and describe the major research methods, including the specific aspects of working with big data when analyzing the digital communication of political leaders; examines modern methods of mathematical modeling that make it possible to solve problems in the development and implementation of efficient online strategies for political leaders (probability models, deterministic and stochastic models, models based on game theory, etc.).

Сергей Анатольевич Иванов — заведующий лабораторией изучения социально-экономических и политических процессов современного общества Санкт-Петербургского государственного университета, доктор экономических наук, доцент.

Наталья Игоревна Легостаева — научный сотрудник лаборатории изучения социально-экономических и политических процессов современного общества Санкт-Петербургского государственного университета, кандидат социологических наук.

Константин Аркадьевич Платонов — специалист Центра социологических и интернет-исследований Санкт-Петербургского государственного университета, кандидат социологических наук.

Кирилл Владимирович Светлов — научный сотрудник лаборатории изучения социально-экономических и политических процессов современного общества Санкт-Петербургского государственного университета, кандидат экономических наук.

© Иванов С. А., Легостаева Н. И., Платонов К. А., Светлов К. В., 2019

ли, детерминированные и стохастические модели, модели на основе теории игр и др.).

Ключевые слова: политический лидер, самопрезентация, стратегия, коммуникация, онлайн-пространство, интернет, модели, цифровизация.

Контактные данные: 191124, Санкт-Петербург, ул. Смольного, д. 1/3, 9-й подъезд, каб. 107; (812) 950-57-90; e-mail: ivanov.s@iresras.ru.

Благодарности: статья подготовлена в ходе исследования, проведенного при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) в рамках научного проекта № 19-011-31651 «Коммуникативные стратегии российских политических лидеров в онлайн-пространстве».

Keywords: political leader, self-presentation, strategy, communication, online space, Internet, models, digitalization.

Contact Details: Smol'nogo St. 1/3, the 9th entrance, St. Petersburg, Russian Federation, 191124; (812) 950-57-90; e-mail: ivanov.s@iresras.ru.

Acknowledgements: This study was funded by the Russian Foundation for Basic Research (RFBR) within the framework of project No. 19-011-31651 Communication strategies of Russian political leaders in the online space.

Введение

Развитие современных информационных технологий, появление интернета сформировали новое пространство коммуникаций, в том числе пространство самопрезентации политических лидеров, их взаимодействия как со сторонниками, так и с противниками. При этом общество становится свидетелем возрастающего влияния онлайн-пространства не только на коммуникацию, но и на поведенческие установки различных слоев населения.

Однако предварительный анализ используемых российскими политиками федерального и регионального уровня коммуникативных стратегий показывает, что образы этих лидеров в цифровом пространстве, в том числе представителей власти различного уровня, далеко не всегда обладают необходимыми атрибутами для их социального одобрения и поддержки.

Помимо несовершенства собственной коммуникативной стратегии на образ политического лидера в онлайн-пространстве все более активное влияние оказывают боты, тролли, различные «клоны» официального аккаунта политика в социальных сетях, принимающие на себя роль квазисубъектов коммуникации.

В этих условиях актуализируется проблематика разработки эффективной коммуникационной стратегии политических лидеров, формирование ими своего привлекательного имиджа как фактора конкурентоспособности на политической арене, роста электорального потенциала. При этом подобные исследования возможны лишь на основе междисциплинарного подхода, поскольку разработка подобных стратегий для использования в онлайн-пространстве требует привлечения специалистов из разных отраслей знания: политологии, социологии, психологии, специалистов по моделированию социально-экономических процессов и реакций общества на действие внешних факторов.

Эволюция концепции политического лидерства

«Лидерство» как категория социальной науки появилась еще в конце XVIII века. Однако развитие фундаментальных научных исследований этого феномена началось только в XX в. [1]. Принципиальными дефинициями для понимания сущности и содержания категории лидерства являются положения о влиянии и его результатах, объясняемые через определенные процессуальные и содержа-

тельные предпосылки, в частности поведение или личностные характеристики человека [2]. Современные авторы интерпретируют лидерство в рамках нескольких ключевых парадигм: теории атрибуции, психодинамических и харизматических концепций, символической модели и ряда других [3].

Усложнение социальной структуры, переход к экономике знаний обусловили интеграцию лидера в сложные системы, актуализировав интерес к изучению способности людей влиять на аудитории за пределами рамок бюрократии [4]. Трансформация коммуникационного пространства, связанная с компьютеризацией и развитием онлайн-взаимодействий, заставляет вновь переосмысливать концептуальные положения теории лидерства, в контексте уже цифрового лидерства [5].

В современной политической коммуникации занятие политическим лидером своего места в онлайн-пространстве является уже не просто преимуществом, а жизненной необходимостью. По состоянию на начало 2019 г., согласно данным аналитической системы «Медиадиагностика», все блогеры из топ-10 по цитируемости так или иначе являются политиками [6]. Коммуникативные практики политических лидеров в онлайн-пространстве уже стали объектом исследования. Но до настоящего времени результатов глубоких фундаментальных исследований не появилось, хотя ряд направлений, связанных с этой проблематикой, разрабатывается достаточно давно. Особого внимания заслуживают исследования публикационной активности американских конгрессменов в Twitter [7], Instagram [8] и на персональных сайтах [9], а также анализ политической коммуникации в ходе выборов [10], деятельности протестных лидеров в ходе цифровых кампаний [11].

Перетекание политических процессов в цифровое пространство предполагает использование в исследовании в качестве главного источника информации данных из сети Интернет, в первую очередь персональных страниц политических лидеров в социальных сетях. Однако уже сейчас можно отметить, что процессы активного внедрения информационных технологий и развитие новых форм цифрового участия политических лидеров не всегда и не везде приносят ожидаемые результаты.

Во-первых, в мире сохраняется свое влияние цифровой разрыв между странами и даже между регионами внутри крупных стран — разрыв в степени освоения населением цифровых технологий, владения цифровыми навыками. Во-вторых, есть серьезные различия между странами в масштабах инвестирования в цифровые технологии и, как следствие, в степени развития цифровых технологий. В-третьих, играет роль низкая цифровая компетентность многих политических лидеров. В-четвертых, усиливаются риски киберпреступлений, цифрового мошенничества и др. [12; 13; 14; 15]. Аккаунты лидеров в цифровом пространстве выступают как аналоги средств массовой информации, как инструменты PR и политтехнологий. А это создает новые возможности и продуцирует риски. При этом, по данным всероссийских опросов, доверяет информации в блогах и социальных сетях меньше половины жителей страны [16; 17].

В настоящее время социальные сети, наряду с другими коммуникационными площадками в интернете, не только выполняют роль платформ для межличностного общения, но и выступают в качестве профессиональных площадок, где разворачивается политическая деятельность и формируется диалог между институтами власти и населением. По мере развития цифровых технологий меняется как коммуникационная среда общения, так и сама структура коммуникации политических лидеров в сетевом пространстве [18; 19].

Нельзя не сказать и о том, что развитие цифровых коммуникационных технологий, с одной стороны, влечет за собой развитие новых форм государственного управления [20; 21], а с другой — активизирует участие граждан в политической жизни общества, открывая для людей все новые перспективы благодаря

цифровизации процессов коммуникации [22, 23]. В связи с этим темы политического лидерства, популярности и престижа в социальных сетях выходят на первые позиции в современной повестке научных дискуссий [24; 25].

Так, Lassen и Brown [26] сосредоточили внимание на анализе влияния социально-демографических характеристик политических лидеров на принятие ими новых технологий. Появились отдельные исследования, посвященные профессиональной и личной коммуникации в социальной сети Twitter между политическими лидерами [27]. Yoon и Park изучают политиков, представленных в социальной сети Twitter, поднимают вопросы, связанные с процессами формирования онлайн-популярности политических лидеров и сети политической поддержки [25].

В целом собственно коммуникативные стратегии политических лидеров в интернет-пространстве остаются явлением относительно малоизученным, хотя и встречаются отдельные работы, представляющие результаты прикладных исследований, связанных с классификацией и анализом таких стратегий. Как правило, они построены на данных веб-сайтов, а также кодировании информации из публикаций аккаунтов в Twitter и Facebook [28; 29].

Ключевая задача данного исследования заключается в углублении понимания процессов формирования и структуры коммуникативных стратегий политических лидеров в онлайн-пространстве. Новизна этой задачи состоит в развитии методологических принципов анализа коммуникативных стратегий самопрезентации политических лидеров в онлайн-пространстве, создании и обосновании комплексного подхода с широких междисциплинарных позиций к формированию эффективной стратегии их презентации, определении критериев эффективности структуры и содержания этих стратегий. Практическая значимость такого исследования заключается в возможности выработки конкретных процедур позиционирования политических лидеров в современном онлайн-пространстве с учетом сложившихся традиций, стереотипов и факторов восприятия образа политического лидера в массовом сознании.

В условиях усиления многопараметрического воздействия цифровых технологий на социально-политическую стабильность, возникновения угрозы лавинообразных эффектов деструктивного массового поведения на первый план как в теоретическом, так и практическом аспекте выходит задача разработки методологии, методов и инструментария использования цифровых технологий для эффективного эксплицитного и имплицитного представления в онлайн-пространстве формальных и неформальных политических лидеров, их программ и реального вклада в устойчивое социально-экономическое и общественно-политическое развитие страны и ее регионов.

Ключевые методологические принципы

Комплекс вопросов, решение которых необходимо для проведения анализа коммуникативных стратегий политических лидеров в онлайн-пространстве, сосредоточен в проблемных областях нескольких отраслей технического и гуманитарного знания (политологии, социологии, социальной психологии и пр.). Действительно, интернет — это не просто опосредованный техническими устройствами процесс межличностного общения. Глобальная сеть — это пространство формирования общественного мнения, площадка, на которой активно действуют субъекты продуцирования паттернов массового сознания. Адресатами новых паттернов становятся пользователи интернета. Сама эта система все больше приобретает признаки системы целенаправленного воздействия.

В этих условиях одной из важнейших фундаментальных проблем становится проблема самопрезентации в онлайн-пространстве формальных и неформальных

политических лидеров, разработка для этой цели эффективных коммуникативных стратегий как фактора, от которого также зависит социальная и политическая стабильность, устойчивость развития общества.

Приходится констатировать, что использование современными российскими политическими лидерами цифровых технологий находится на крайне низком уровне. Являются исключениями хорошо проработанные и в визуальном аспекте эффективно представленные в онлайн-пространстве блоги и паблики в социальных сетях, презентующие современных политических лидеров, особенно регионального уровня. Отставание в использовании официальными политическими лидерами современных цифровых технологий как инструмента расширения и развития своего коммуникативного пространства создает опасность утраты ими реального лидерства в традиционном публичном пространстве, формируемом и традиционными средствами массовой информации, аудитория которых снижается.

Применительно к проблематике комплексного изучения стратегий политических лидеров в онлайн-пространстве, получению актуальных данных о сущности, содержании, структуре коммуникативных стратегий, используемых политическими лидерами, федерального и регионального уровня, следует выделить следующие принципы, которыми необходимо руководствоваться при проведении такого анализа. Важнейшим общеметодологическим принципом является принцип системности. Данный принцип применительно к изучению стратегий политических лидеров в онлайн-пространстве означает, что позиционирование образа этого лидера в данном сегменте публичной сферы необходимо исследовать в единстве всех используемых им механизмов целенаправленного воздействия на аудиторию. Иными словами, принцип системности при изучении стратегий политических лидеров в онлайн-пространстве предполагает необходимость учета как явных, так и латентных инструментов влияния на массовое сознание, в том числе учета особенностей восприятия результатов этого влияния отдельными возрастными категориями населения.

Не менее важным является принцип комплексности. Руководствуясь этим принципом, процесс изучения стратегий политических лидеров в онлайн-пространстве необходимо осуществлять в комплексе, единстве оценки влияния на аудитории отдельных элементов общей стратегии политического лидера. В частности, влияния используемых в стратегии инструментов рационального и эмоционального воздействия на массовое сознание, манипулятивных приемов и технологий, барьеров противодействия вбросам фейковых новостей и активности ботов. При этом необходимо анализировать структуру и форму реакций адресатов целенаправленного воздействия стратегии политического лидера.

Третьим важнейшим принципом, которым следует руководствоваться в процессе изучения стратегий политических лидеров в онлайн-пространстве, является принцип детерминации социальной действительностью характера восприятия образа политического лидера реципиентами его стратегии в онлайн-пространстве, а также драйверов формирования, составляющих его образ. На процесс формирования и конструирования в общественном сознании целостного образа политического лидера влияет значительное число факторов, в том числе действующих вне пространства влияния этого лидера и не зависящих от него (условия жизни, возраст, здоровье, настроение людей и др.).

Еще одним принципом, которым необходимо руководствоваться при изучении стратегий политических лидеров в онлайн-пространстве, является принцип условной репрезентации. Аккаунт в социальной сети обладает модифицированной субъектностью, поскольку за ним может стоять не только и не столько сам лидер, но и пресс-служба, политическая партия, агентство. Несмотря на то что некото-

рые политики ведут аккаунты самостоятельно, в целом невозможно точно определить, является ли контент профиля продуктом работы одного человека или группы специалистов. В связи с этим одной из исходных предпосылок должно быть понимание того, что, изучая стратегии политических лидеров по открытым публичным данным, мы имеем дело с конструктами, а площадки, где размещается контент, репрезентируют именно онлайн-составляющую этой стратегии. При исследовании стратегий также важно использовать принцип компаративного анализа, поскольку системное описание всего разнообразия стратегий политических лидеров, действующих в онлайн-пространстве, невозможно без четкого выделения их сходств и различий, а также построения схемы их классификации с определением наиболее значимых критериев дифференциации.

Естественным и необходимым для получения адекватного представления о сильных и слабых сторонах стратегии политического лидера в онлайн-пространстве является учет принципа функциональной согласованности, означающий необходимость оценки этой стратегии как комплекса взаимосвязанных направлений действия. Соблюдение этого принципа требует учитывать и сопоставлять согласованность и взаимовлияние различных инструментов воздействия на массовое сознание, в том числе выявляя факты и факторы рассогласований в функционировании каждого из инструментов.

Помимо общесистемных методологических принципов, на которые следует опираться в исследовании стратегий политических лидеров в онлайн-пространстве, можно выделить и ряд специфических принципов, отражающих особенности функционирования самого онлайн-пространства, форм и приемов взаимодействия в нем социальных субъектов и ботов, методов сбора и обработки данных из онлайн-пространства. Речь идет о таких принципах, как учет неполной репрезентативности аудитории реципиентов в онлайн-пространстве, активности и влияния бот-технологий и других. Ряд важных принципов также касается непосредственно работы с данными. При работе с большими массивами данных, собранных из социальных сетей, используется принцип контроля целостности (полноты) данных. Это правило отражает идею о том, что на определенном отрезке времени с учетом заданных поисковых критериев при сплошной выборке должны быть представлены все доступные единицы наблюдения. Данный принцип реализуется как при работе с наведенными данными, к которым авторы относят конкретные профили пользователей в социальных сетях, группы/сообщества/страницы, так и при сборе данных, не локализованных в конкретном месте размещения контента, но ограниченных ключами поиска. При нарушении данного принципа запускается процесс по добавлению в рабочее задание процедур по докачиванию информации для ключевых слов, по которым нет целостности данных (заполнение «пробелов», которые возникли в связи с расширением периода исследования или из-за технических сбоев при обращении к программному обеспечению, отвечающему за сбор данных).

Среди важных правил работы с наведенными данными особое место занимает принцип аргументированной выборки источников. Для соблюдения этого принципа необходимо проведение предварительного анализа событий, мероприятий, сравнительного анализа топов аналитических агентств, систем и т. д., чтобы подобрать набор источников, площадок, аккаунтов, информация в которых релевантна и в наибольшей мере отвечает заявленной задаче. Работа с данными, не локализованными в конкретных местах размещения контента (профили пользователей, группы/страницы/события), включает в себя важный принцип аргументированного подбора ключевых слов. Списки ключевых слов и ключевых пар формируются на основании разведывательного анализа интернет-СМИ, резуль-

татов опросов, фокус-групп, отчетов, рейтингов, новостного контента социальных сетей, топов слов по частоте упоминаемости за определенный промежуток времени из конкретного информационного ресурса.

Основные методы исследования

Комплексное исследование стратегий политических лидеров в онлайн-пространстве должно начинаться с разведывательного анализа в формате desk research, предполагающем сбор и обобщение различных научных и аналитических источников, вторичных данных, публичных отчетов по заданной проблематике, наиболее значимых кейсов, связанных с реализацией политических коммуникативных стратегий онлайн (case study).

Ключевым классическим социологическим методом для онлайн-стратегий политиков в целом является массовый опрос, который может быть реализован в различных форматах: от традиционного квартирного опроса до CATI/CAWI. С помощью данных, полученных по результатам опроса, можно проанализировать общую картину общественного мнения по заявленной проблематике. В контексте решаемой задачи переменные, заложенные в анкету опроса, должны учитывать следующие задачи.

- Оценка осведомленности о присутствии публичных профилей политических лидеров в социальных сетях.
- Оценка самого феномена «выхода политика в социальные сети» с точки зрения эмоциональных и рациональных аспектов восприятия.
- Оценка уровня востребованности публичных профилей политических лидеров как источников информации. Уровень доверия к подобной информации.

В качестве дополнительного метода при изучении проблематики стратегий политических лидеров в онлайн-пространстве может быть использован экспертный опрос. В выборку информантов для этого блока могут входить различные специалисты: исследователи, журналисты, политические консультанты, политтехнологи, специалисты по связям с общественностью. В экспертный опрос закладывается ряд задач, специфичных для метода.

- Оценка представленности различных политических лидеров в социальных сетях.
- Оценка эффективности использования публичных профилей в социальных сетях как площадки и инструмента коммуникативной стратегии.
- Оценка типичных ошибок, допускаемых политиками при построении коммуникационных стратегий в социальных сетях.

Комплексное исследование коммуникативных стратегий политических лидеров в онлайн-пространстве включает в себя метод цифрового профайлинга (digital profiling) аккаунтов политических лидеров, а также метод анализа сетевой публикационной активности по темам, связанным с политическими лидерами, и метод анализа контента размещаемых публикаций.

Метод цифрового профайлинга состоит из статистических [30; 31; 32] и поведенческих индикаторов [33; 34] аккаунта. В ряде исследований также используется комбинированный подход [35]. Данные индикаторы активно применялись в исследованиях бот-технологий в политическом онлайн-пространстве [36].

К статистическим индикаторам относятся следующие:

- картинка (аватар) профиля;
- имя аккаунта;
- скрин нейм аккаунта;
- количество зарегистрированных аккаунтов;
- дата создания профиля;

- открытость/анонимность профиля;
- полнота заполнения полей профиля;
- количество друзей профиля;
- количество подписчиков/последователей профиля;
- наличие/отсутствие уникальных фотографий профиля;
- группы/страницы, в которых состоит/подписан профиль.

К поведенческим индикаторам относятся:

- количество публикаций аккаунта;
- количество ре-публикаций (репостов/ретвитов) аккаунта;
- частота (timing) размещения публикаций;
- места размещения публикаций;
- количество просмотров публикаций аккаунта;
- количество лайков/дизлайков постов/комментариев аккаунта.

Метод анализа сетевой публикационной активности предполагает учет следующих индикаторов:

- количества и содержание уникальных ключей;
- количества и тайминг всплесков по определенной тематике;
- количества размещенных постов;
- количества размещенных комментариев;
- мест размещенных постов/комментариев;
- контента размещенных публикаций;
- потенциальной аудитории постов (по числу просмотров);

Анализ контента публикаций включает в себя следующие индикаторы:

- структуру контента (текст, текст+ссылка, текст+фото, текст+ссылка+фото, хэштег+ссылка и т. д.);
- период размещения контента;
- тиражируемость контента;
- уникальность контента.

Данные, полученные в результате комбинирования трех методов, обобщаются, а контент, публикуемый политическими лидерами (как официальными, так и тиражируемыми профилями), классифицируется посредством комбинированной (ручной и машинной) обработки и разметки текстов.

Отдельную группу представляют современные методы математического моделирования. Они позволяют решать различные проблемы, связанные с разработкой, реализацией и анализом стратегий политических лидеров в онлайн-пространстве. Практическая ценность данных моделей состоит в возможности получения количественной оценки эффективности для выбранной стратегии представления политика в цифровой среде, а также выработать рекомендации по совершенствованию имеющихся стратегий. Объединяющий фактор для данных моделей заключается в том, что предметом их описания являются человеческие мнения, оценки и ожидания.

Среди данных моделей можно выделить следующие:

1. Вероятностные модели, первоначально использовавшиеся в таких областях науки, как биология и генетика, и позволяющие описать процессы формирования мнений, а также дать численную оценку инструментам управления мнениями. Более того, благодаря им появляется возможность описывать такие феномены, как, например, «стадное» поведение пользователей цифрового пространства. В первую очередь к ним можно отнести «муравьиную» модель Кирмана [37; 38] и всевозможные ее обобщения. Кроме того, можно выделить целый пласт моделей формата «хищник-жертва» из области биологии [39].
2. Детерминированные и стохастические модели, описывающие при помощи аппарата дифференциальных уравнений (как обыкновенных, так и стоха-

стических) процессы информационного противоборства и распространения информации и мнений в обществе [40].

3. Модели, привлекающие аппарат теории игр для решения задач информационного управления сообществами индивидов [41].
4. Модели, описывающие процессы диффузии информации в социальных сетях [42; 43; 44]. Данные модели непосредственно работают с такими объектами цифрового публичного пространства, как социальные сети. Благодаря им исследуются вопросы формирования и подавления слухов, «вбросов» и прочих дестабилизирующих воздействий.

Все перечисленные модели могут быть применены к решению задач, возникающих при разработке и анализе политических стратегий в цифровом пространстве. Их принципиальное различие, помимо использования различных математических аппаратов, состоит в том, что в ряде моделей (например, детерминированные теоретико-игровые модели или же модели, основанные на дифференциальных уравнениях) возможно получить наглядное аналитическое представление исследуемых процессов, и на основании этого более глубоко исследовать их природу. Другие же позволяют точнее описать существующую картину мира, однако их работа устроена по принципу черного ящика или связана с получением информации лишь о возможных распределениях случайных величин и функционалов от них.

Результаты

Стратегии политических лидеров в онлайн-пространстве представляют собой сложный и многоаспектный феномен, требующий междисциплинарного подхода при его анализе и сочетании методов, обладающих взаимной верификацией. Концептуализация проблемы, а также анализ существующих подходов и концепций позволил обобщить методологию комплексного исследования и определить ряд ключевых принципов.

Помимо обобщенных принципов системности, комплексности и социальной детерминации, не менее значимы и ряд специфичных концепций: принципы условной репрезентации, компаративного анализа, функциональной согласованности. Отдельный блок представляют собой идеи, определяющие правила работы с данными: это принципы целостности массива данных, аргументированной выборки источников и ключевых слов. Для анализа стратегий политических лидеров в онлайн-пространстве могут применяться различные методы, однако, наиболее ценными на данном этапе могут считаться следующие: массовый опрос (опционально, с подкреплением в виде экспертного опроса) и профайлинг в комплексе с анализом публикационной активности и соответствующего контента (с использованием математического моделирования в части анализа данных).

Комплекс методов позволяет получить полную картину проблематики стратегий политических лидеров в онлайн-пространстве, что сочетает в себе фундаментальную и прикладную ценность. Фундаментальная составляющая заключается в углублении знаний и понимании особенностей политического лидерства в современной России, его трансформации и адаптации под обновляемые инструменты ведения информационных компаний. Прикладная ценность состоит в возможности применения данных для построения систематизированных описаний и в известной степени универсальных критериев классификации стратегий, их моделирования и прогнозирования. Ценность комплексной методики изучения коммуникативных стратегий политических лидеров в онлайн-пространстве состоит в том, что перечисленные методы выступают в роли базиса комплементарных исследований, результаты которых

позволят разработать наиболее точные индикаторы конструирования эффективных коммуникативных стратегий политических лидеров в онлайн-пространстве.

Анализ опыта успешных и провальных стратегий политических лидеров позволит пресс-службам и политтехнологам создавать более точные рекомендации на основе понимания влияния деятельности политика в соцсетях на репутацию и внимание аудитории. Такие данные могут быть использованы для решения аналитических и консалтинговых задач, связанных с электоральными процессами, конфликтами и публичным обсуждением различных инициатив и проектов. Одним из ограничений цифрового профайлинга аккаунтов политических лидеров в части изучения статистических и поведенческих индикаторов выступает изолированность данного метода от количественных и качественных параметров структуры и содержания политического контента, размещаемого не только в поле профиля, но и в других местах публикаций. Ограничением метода исследования сетевой публикационной активности выступает отсутствие истории профиля, которая является ценной для «цифровой автобиографии» и легенды профиля политического лидера. При этом грамотность формирования и оформления контента могут иметь значимость в исследовании вопросов, связанных с критериями «тиражируемости» и «топовости» контента.

Выводы

В условиях цифровизации современного общества происходит резкая актуализация проблемы коммуникации в онлайн-пространстве. Особую социальную значимость эта проблема приобретает в сфере политической жизни, непосредственно влияющей на устойчивость и стабильность развития сообществ на федеральном и региональном уровнях.

Обобщение результатов показывает, что для успешной реализации углубленного исследования политического лидерства в онлайн-пространстве необходимо соблюдение целого комплекса методологических принципов, которые касаются общей логики исследования, социологических особенностей предмета, различных стандартов и правил корректной работы с данными. Методически исследование представляет сложность в части необходимости учета большого числа индикаторов, описывающих стратегии как качественно, так и количественно. Для достижения оптимальной валидности необходимо использовать комплекс методов, работая как с классическими данными, описывающими общественное мнение, так и с цифровыми, отражающими контентную активность целевых страниц политических лидеров. Предлагаемый подход к исследованию коммуникативных стратегий политических лидеров в онлайн-пространстве позволяет подойти к интерпретации этих стратегий с системных междисциплинарных позиций, расширить предмет и инструменты анализа, и, как результат, выявить и систематизировать их сильные и слабые стороны, разрабатывать рекомендации по оптимизации стратегии презентации политических лидеров в онлайн-пространстве.

Литература

1. *Van Seters D. A., Field R. H.* The evolution of leadership theory // *Journal of organizational change management*. 1990. Vol. 3 (3). P. 29–45.
2. *Day D. V., Antonakis J.* Leadership: Past, present, and future. The nature of leadership, 2012. P. 3–25.
3. *Winkler I.* Contemporary leadership theories: Enhancing the understanding of the complexity, subjectivity and dynamic of leadership. Springer Science & Business Media. 2010.

4. *Uhl-Bien M., Marion R., McKelvey B.* Complexity leadership theory: Shifting leadership from the industrial age to the knowledge era // *The leadership quarterly*. 2007. Vol. 18 (4). P. 298–318.
5. *Wilson III E. J., Goethals G. R., Sorenson G., Burns J. M.* Leadership in the digital age // *Encyclopedia of leadership*. 2004. 1, 4.
6. Medialogy. TOP 15 most cited Russian bloggers – January 2019. URL: <https://www.mlg.ru/ratings/socmedia/bloggers/6516/> (дата обращения: 23.09.2019).
7. *Golbeck J., Grimes J. M., Rogers A.* Twitter use by the US Congress // *Journal of the American Society for Information Science and Technology*. 2010. Vol. 61(8). P. 1612–1621.
8. *O’Connell D.* #Selfie: Instagram and the United States Congress. *Social Media+ Society*, 2018. 4(4), 2056305118813373.
9. *Jarvis S. E., Wilkerson K.* Congress on the Internet: Messages on the Homepages of the US House of Representatives, 1996 and 2001 // *Journal of Computer-Mediated Communication*. 2005. Vol. 10(2), JCMC1024.
10. *Bossetta M.* The digital architectures of social media: Comparing political campaigning on Facebook, Twitter, Instagram, and Snapchat in the 2016 US election // *Journalism & mass communication quarterly*. 2018. Vol. 95(2). P. 471–496.
11. *Gerbaudo P.* Social media teams as digital vanguards: the question of leadership in the management of key Facebook and Twitter accounts of Occupy Wall Street, Indignados and UK Uncut // *Information, Communication & Society*. 2017. Vol. 20(2). P. 185–202.
12. *Liden G.* Inequality in Local Digital Politics: How Different Preconditions for Citizen Engagement Can Be Explained // *Policy & Internet*. 2016. Vol. 8 (3). P. 270–291.
13. *De Blasio E., Selva D.* Why Choose Open Government? Motivations for the Adoption of Open Government Policies in Four European Countries // *Policy & Internet*. 2016. Vol. 8 (3). P. 225–247.
14. *Dumoulin L., Licoppe C.* Videoconferencing, New Public Management, and Organizational Reform in the Judiciary // *Policy & Internet*. 2016. Vol. 8 (3). P. 313–333.
15. *Severo M., Feredj A., Romele A.* Soft Data and Public Policy: Can Social Media Offer Alternatives to Official Statistics in Urban Policymaking? // *Policy & Internet*. 2016. Vol. 8 (3). P. 354–372.
16. VCIOM. Internet versus television: the battle continues. Press release. No. 3367, 03.05.2017. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116190> (дата обращения: 26.09.2019).
17. FOM. Trust of Russian media. 30.04.2015. URL: <https://fom.ru/posts/12140/> (дата обращения: 26.09.2019).
18. *Dubois E., Gaffney D.* “The Freeman, C. 1978/1979. “Centrality in Social Networks/Conceptual Clarification” // *Social Networks*. 2014. Vol. 1. P. 215–239.
19. *Gonzalez-Bailon S., Wang. N.* Networked Discontent: The Anatomy of Protest Campaigns in Social Media // *Social Networks*. 2016. Vol. 44. P. 95–104.
20. *Bingham L. B., Nabatchi T., O’Leary R.* The New Governance: Practices and Processes for Stakeholder and Citizen Participation in the Work of Government // *Public Administration Review*. 2005. Vol. 65 (5). P. 547–558.
21. *Ceron A., Negri F.* The ‘Social Side’ of Public Policy: Monitoring Online Public Opinion and Its Mobilization During the Policy Cycle // *Policy & Internet*. 2016. Vol. 8 (2). P. 131–147.
22. *Smith G., Richards R. C., Gastil J.* The Potential of Participedia as a Crowdsourcing Tool for Comparative Analysis of Democratic Innovations // *Policy & Internet*. 2015. Vol. 7 (2). P. 243–262.
23. *Barros S. A. R., Sampaio R. C.* Do Citizens Trust Electronic Participatory Budgeting? Public Expression in Online Forums as an Evaluation Method in Belo Horizonte // *Policy & Internet*. 2016. Vol. 8 (3). P. 292–312.
24. *Vishwanath A., Barnett A.* 2011. The Diffusion of Innovations: A Communication Science Perspective. NY: Peter Lang; *Dubois E., and D. Gaffney.* 2014. “The Freeman, C. 1978/1979. “Centrality in Social Networks/Conceptual Clarification.” *Social Networks* 1. P. 215–239.
25. *Yoon H. Y., Park H.* Strategies Affecting Twitter Based Networking Pattern of South Korean Politicians: Social Network Analysis and Exponential Random Graph Model // *Quality and Quantity*. 2014. Vol. 48 (1). P. 409–423.

26. *Lassen D. S., Brown A. R.* Twitter: The Electoral Connection? // *Social Science Computer Review*. 2011. Vol. 29 (4). P. 419–436.
27. *Conover M. D., Ratkiewicz J., Francisco M., Goncalves J. M., Flammini F., Menczer F.* Political Polarization on Twitter // *Proceedings of the Fifth International AAAI Conference on Weblogs and Social Media*. Barcelona: AAAI, 2011. P. 89–96.
28. *Enli G. S., Skogerbo E.* Personalized campaigns in party-centred politics: Twitter and Facebook as arenas for political communication // *Information, communication & society*. 2013. Vol. 16(5). P. 757–774.
29. *Lilleker D. G., Koc-Michalska K.* Online political communication strategies: MEPs, e-representation, and self-representation // *Journal of Information Technology & Politics*. 2013. Vol. 10(2). P. 190–207.
30. *Chu Z., Gianvecchio S., Wang H., Jajodia S.* Detecting automation of Twitter accounts: Are you a human, bot, or cyborg? // *IEEE Transactions on Dependable and Secure Computing*. 2012. Vol. 9(6). P. 811–824. DOI:10.1109/TDSC.2012.75, 20.
31. *Grimme C., Preuss M., Adam L., Trautmann H.* Social Bots: Human-Like by Means of Human Control? // *Big data*. 2017. Vol. 5(4). P. 293–279.
32. *Howard P. N., Woolley S., Calo R.* Algorithms, bots, and political communication in the US 2016 election: The challenge of automated political communication for election law and administration // *Journal of Information Technology & Politics*. 2018. Vol. 15. No. 2. P. 81–93. Doi: 10.1080/19331681.2018.1448735
33. *Bolsover G., Howard P.* Chinese computational propaganda: automation, algorithms and the manipulation of information about Chinese politics on Twitter and Weibo // *Information, Communication & Society*. 2018. P. 1–18. DOI: 10.1080/1369118X.2018.1476576
34. *Howard P. N., Kollanyi B.* Bots, #Strongerin, and #Brexit: Computational propaganda during the UK-EU referendum. 2016; 1. Oxford, UK: Project on Computational Propaganda. [cited 2018 Sep 07]. DOI:10.2139/ssrn.2798311
35. *Varol O., Ferrara E., Davis C. A., Menczer F., Flammini A.* Online human-bot interactions: Detection, estimation, and characterization // *Eleventh international AAAI conference on web and social media*, 2017. P. 280–289.
36. *Vasilkova V. V., Legostaeva N. I.* Social bots in political communication // *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Sociology*. 2019. Vol. 19(1). P. 121–133.
37. *Kirman A.* Ants, rationality, and recruitment // *The Quarterly Journal of Economics*. 1993. Vol. 108(1). P. 137–156.
38. *Alfarano S., Lux T., Wagner F.* Estimation of agent-based models: the case of an asymmetric herding model // *Computational Economics*. 2005. Vol. 26(1). P. 19–49.
39. *Leslie P. H., Gower J. C.* The properties of a stochastic model for the predator-prey type of interaction between two species // *Biometrika*. 1960. Vol. 47(3/4). P. 219–234.
40. *Mikhailov A. P., Petrov A. P. H., Pronicheva O. G., Panchev G. B., Moravcova N. A.* Modeling periodic destabilizing influences in information confrontation in society. Preprints of the Institute of applied mathematics. M In Keldysh ran, (0). 2016. P. 16–13.
41. *Barabanov I. N., Novikov D. A.* A dynamic model of the excitation control of the crowd in discrete time // *Automation and telemechanics*. 2016 Vol. 10. P. 123–139.
42. *Wang Y., Theodorou E., Verma A., Song L.* A Stochastic Differential Equation Framework for Guiding Online User Activities in Closed Loop. In *International Conference on Artificial Intelligence and Statistics*. 2018, March. P. 1077–1086.
43. *Suo S., Chen Y.* The dynamics of public opinion in complex networks // *Journal of Artificial Societies and Social Simulation*. 2008. Vol. 11(4). P. 2.
44. *Fotakis D., Palyvos-Giannas D., Skoulakis S.* Opinion Dynamics with Local Interactions. In *IJCAI*. 2016, July. P. 279–285.

В. В. Галиндабаева

Женщины в трудной жизненной ситуации: менеджеральные практики социальных служб

V. V. Galindabaeva. Women in Difficult Life Situations: Managerial Practices of Social Services

Рассматривается проблема менеджериализации практики социальных служб в России и за рубежом на примере проведения оценочных исследований сервисов для женщин в трудной жизненной ситуации. Женщины в трудной жизненной ситуации стали выделяться в отдельную категорию клиентов социальных служб, работа с которыми требует открытия специализированных отделений и разработки специальных программ. В статье проведен обзор зарубежных эвалюаторных исследований услуг для данной категории. Существуют программы, ценность которых рассматривалась как очевидная и не требующая доказательств, но они оказались нерезультативными. В то же время большинство программ оказывают положительный эффект на жизнь клиентов. Следствием менеджериализации социальной сферы за рубежом стало резкое увеличение числа оценочных исследований социальных программ. Описана типология оценочных исследований, которую предлагают зарубежные ученые.

Ключевые слова: менеджериализация, социальные услуги, социальные учреждения, женщины в трудной жизненной ситуации, оценочные исследования.

Контактные данные: 190005, Санкт-Петербург, Красноармейская ул., д. 25/14; (911) 011-51-88; e-mail: vgalindabaeva@gmail.com.

The problem of managerialization of the social services practice in Russia and abroad is considered on the example of conducting evaluation studies of services for women in difficult life situations. Women in difficult life situations began to stand out in a separate category of social services clients, work with which requires the opening of specialized departments and the development of special programs. The article provides an overview of foreign evolutionary research services for this category. There are programs which value were considered obvious and not requiring evidence, but they turned out to be ineffective. At the same time, most programs have a positive effect on clients' lives. One of the consequences of managerialization the social sphere abroad was the proliferation of evaluative studies of social programs. The author also considered the typology of evaluative research, which is offered by foreign scientists.

Keywords: managerialization, social services, social institutions, women in difficult life situations, assessment studies.

Contact Details: Krasnoarmeyskaya St. 25/14, Saint-Petersburg, Russian Federation, 190005; (911) 011-51-88; e-mail: vgalindabaeva@gmail.com.

В России первые отделения помощи женщинам в трудной жизненной ситуации стали создаваться в государственных учреждениях социального обслуживания и некоммерческих организациях в 90-е гг. XX в. В специализированных отделениях предоставляется социальная помощь женщинам, находящимся в опасном для здоровья состоянии, в состоянии развода, а также находящимся в конфликте с семьей, подвергшимся психологическому или физическому насилию, несовер-

Вера Валериевна Галиндабаева — старший научный сотрудник Социологического института РАН (Санкт-Петербург), кандидат социологических наук.

© Галиндабаева В. В., 2019

шеннолетним матерям с младенцами, несовершеннолетним беременным, женщинам, употребляющим психоактивные вещества (ПАВ), с положительным ВИЧ-статусом.

Женщины в трудной жизненной ситуации стали выделяться в отдельную категорию клиентов социальных служб, работа с которыми требует создания специальных программ. В зарубежных странах накоплен значительный опыт подготовки и реализации программ по работе с (многодетными или беременными) женщинами, подвергшимися насилию, проживающими в условиях крайней бедности, страдающих зависимостью.

Однако оценочных исследований, в которых была бы проанализирована результативность программ по работе с данной категорией населения, крайне мало. Например, в США действует более 900 разных программ для женщин, подвергшихся насилию, но не проведено ни одного контролируемого исследования, которое проверило бы эффективность этих программ. Этический вопрос, по мнению авторов ряда работ, становится главным препятствием при вовлечении женщин в оценочное исследование. Социальным работникам часто трудно мотивировать женщину воспользоваться социальными услугами, поэтому практики рассматривают ценность таких программ как очевидную [16].

Оценочные исследования сегодня являются важнейшим инструментом в управлении социальными программами и проектами. Данные исследования позволяют понять работу программы/проекта, производимый ею эффект и сравнение достигнутых результатов с заданными критериями [1]. В целом интервенции социальных работников эффективны, что подтверждает метаанализ 279 публикаций, посвященных оценке социальных программ и услуг. Почти 80 % клиентов, которые взаимодействовали с социальным работником, были успешнее в решении своих проблем, чем те, кто отказался от помощи социальных служб [6].

Рассмотрим несколько исследований об оценке эффективности социальных услуг для женщин в трудной жизненной ситуации. Результаты программы по борьбе с домашним насилием против женщин «Партнерство ради Мира», которая реализована некоммерческой организацией в восточно-карибских странах при активной поддержке ООН в 2005–2011 гг., стала объектом такого эвалуаторного исследования. Программа нацелена на работу с мужчинами, применяющими насилие в семье. Осужденные за насилие мужчины могли выбрать альтернативу заключению или штрафу добровольное участие в шестнадцати сессиях программы на протяжении шестнадцати недель. В данном эвалуаторном исследовании использовался так называемый дизайн смешанных методов, когда применяются разные методы эмпирического сбора данных. Этот дизайн напоминает кейс-стади, когда автор использует разные методы сбора данных, чтобы получить комплексное представление о явлении/случае. Полуструктурированные интервью с участниками программы, специалистами и организаторами послужили основным методом сбора данных. Кроме интервью авторы применяли метод анализа документов программы, метод включенного наблюдения. На заключительной стадии исследования проводились интервью с женщинами, которые проживали с мужчинами, участвовавшими в программе. По итогам анализа собранного материала исследователи пришли к выводу, что критически важной в реализации программы была роль некоммерческой организации, которая смогла наладить рабочие отношения с судами, социальными службами и исполнительными органами. Благодаря усилиям НКО, локальное сообщество относительно хорошо восприняло данную программу [10].

В исследовании эффективности программы SKILLZ Street, направленной на профилактику ВИЧ и насилия против женщин и детей, в странах Южной Афри-

ки также использовался смешанный дизайн. Целевая группа программы — девочки от 11 до 16 лет, обучающиеся в 7 и 8 классах. Игра в футбол выбрана в качестве основной формы занятий с участницами. В начале оценочного исследования анализировались основная логика программы, краткосрочные и долгосрочные цели. Для сбора информации применялись как количественные методы сбора (анкеты) и анализа данных, так и качественные (интервью и дневники наблюдения). В итоге исследователи выявили, что у девочек, прошедших программу, улучшились оценки в школе, а главное — изменились представления о своем здоровье, изменились и гендерные установки [12].

Аллен Рубин предложила первое оценочное исследование программы по работе с женщинами, подвергшимися насилию, проведенное по методу оценочного кейс-стади. Объектом исследования выступили группы поддержки. В исследовании приняли участие шесть женщин от 24 до 38 лет, пять из которых работали на производстве, одна была безработной. С ними проводились телефонные интервью на протяжении периода посещения ими групп поддержки в центре для женщин, подвергшихся насилию в Техасе. Основная цель исследования заключалась в оценке положительного влияния посещения данных групп на поведение и эмоции клиентки. Автор не смогла однозначно положительно интерпретировать эффект данного вида интервенции на поведение женщин. Дело в том, что измерения во время интервенции указывали на улучшение ситуации только в короткие промежутки времени. Эти улучшения могли быть обусловлены не интервенцией, а другими факторами, например, разводом с мужчиной, применяющим насилие. Отсутствие постоянной позитивной динамики ставит под вопрос эффективность групп поддержки для женщин, подвергшихся насилию. На основе полученных данных исследователь смогла только выдвинуть гипотезы для дальнейших исследований в данной области [16].

Охарактеризуем еще один случай эвалюаторного кейс-стади практики работы с женщинами, попавшими в трудную жизненную ситуацию. Карла Дженсен, социальный работник, описала результаты работы с женщинами, страдающими депрессией. Цель исследования заключалась в апробации интервенций, которые давали бы результат в более короткий промежуток времени и не требовали бы медикаментозного лечения. Для работы с депрессией Карла Дженсен выбрала сочетание двух подходов: когнитивно-поведенческой терапии и межличностной психотерапии. Подробно описан случай одной клиентки Джоди. 26-летняя клиентка Джоди, у которой полное среднее образование, низкие доходы, двое детей, есть опыт употребления ПАВ, испытывала насилие в родительской семье и в отношениях с партнером. Джоди обратилась в социальную службу, так как испытывала сильнейшую депрессию. Интервенция включала в себя восемь терапевтических сеансов. В течение первых двух сеансов терапевт и Джоди анализировали историю клиентки и ее отношения с родителями. Следующие четыре сессии клиентка получала домашние задания, которые выполняла и потом обсуждала с терапевтом. Домашние задания нацелены на стимулирование изменения беспомощного стиля поведения Джоди. Последние две сессии использовались для закрепления достигнутых результатов. В итоге за восемь недель терапии уровень депрессии у клиентки значительно снизился. На всех терапевтических сессиях клиентка заполняла опросник депрессии Бека. Результаты изображались графически. Таким образом, новая форма сочетания разных терапевтических техник позволила достигнуть результата за восемь, а не шестнадцать недель, и без привлечения антидепрессантов [9].

Менеджериализация практик социальной работы является сегодня одним из главных стимулов проведения оценочных исследований и повышения эффектив-

ности социальных программ для разных категорий населения, в том числе для женщин в трудной жизненной ситуации. Эвалюаторные исследования, с одной стороны, позволяют специалисту объективно оценить результаты своей практики и внести необходимые изменения в нее, с другой — помогают управляющему персоналу в долгосрочном и краткосрочном планировании деятельности социального учреждения. Перечисленные исследования показывают, что зачастую такая традиционно оказываемая услуга, как, например, организация анонимных групп поддержки, не достигает цели, которая была запланирована.

Логика менеджериализации в экономике, нацеленная на усовершенствование производства и снижение материальных затрат, в социальной сфере ведет к постоянному поиску новых решений и усовершенствованию программ работы с разными категориями, в том числе с женщинами, оказавшимися в трудной жизненной ситуации. Рассмотрим кратко историю введения менеджмента в организацию социальных услуг. Исследователи рассматривают период после окончания Второй мировой войны до 1960-х гг. как время бурного развития менеджмента, которое значительно изменило систему общественных отношений: менеджеры стали главным звеном во всех процессах контроля над производством, оценке производительности, продуктивности и прибыльности [5]. Вместе с тем менеджериализм сегодня представляет собой не просто набор технологий и практик управления, целью которых является повышение экономической эффективности, а особую идеологию [4].

С 1980-х гг. менеджериальные практики, применяемые в рыночной сфере и корпоративном управлении, заимствуются для управления государственными службами, образованием, здравоохранением и другими организациями общественного сектора в странах Европы и Северной Америки. Неоменджерализм, или подход нового общественного управления (New Public Management), или NPM-подход, переносит практики управления частным сектором в общественный сектор в целях максимизации производительности организаций и их доходов с помощью снижения затрат, более жесткого нормирования труда, передачи оказания услуг в частные руки, модернизацию и менеджмент основанный на эмпирических доказательствах [1].

В России начало менеджериализации социальной сферы ознаменовалось введением в 1995 г. Федерального закона № 195-ФЗ «Об основах социального обслуживания населения Российской Федерации». Закон требует введения оценки качества и эффективности предоставляемых услуг. В 2013 г. принят новый закон «Об основах социального обслуживания населения Российской Федерации» № 442-ФЗ. Новый закон вводит понятие поставщика социальных услуг, которым может быть организация любой формы собственности: государственная, негосударственная, некоммерческая и коммерческая.

В российском государстве оценочные исследования в социальной службе вводятся последние несколько лет. Сегодня наблюдается большая разница в развитии оценочных исследований в России и странах Запада, обусловленная различиями в условиях формирования профессиональной группы специалистов по социальной работе. Государство в нашей стране играет главную роль в развитии профессии социального работника, разработке стандартов социального обслуживания и, соответственно, внедрении оценочных исследований. Государственные стандарты оказания социальных услуг предлагают определения качества и эффективности, но определение критериев и индикаторов эффективности социальных программ становится задачей специалистов социальных сервисов [2]. Зарубежные страны прошли период менеджериализации социальной сферы еще до появления профессии социального работника в России и накопили богатый опыт, который российские специалисты могут заимствовать и успешно развивать.

Далее предлагаем обратиться к зарубежному опыту проведения оценочных исследований и рассмотреть основные дизайны оценочных исследований социальных программ и профессиональной практики социального работника. Выделяются два типа оценочных исследований: экономически ориентированные и клиентоориентированные. В оценочных исследованиях, относящихся к экономически ориентированному типу, учитываются расходы/издержки и используются разнообразные дизайны, чтобы оценить продуктивность и эффективность программы. В оценочных исследованиях клиентоориентированного типа влияние программы оценивается исходя из нужд и потребностей целевой группы населения: оценивается реальное влияние программы на повседневную жизнь потребителей услуг [3; 2].

Рассмотрим типологию моделей оценочных исследований программ/проектов и типологию методов самооценивания, которые выстроены на основе анализа зарубежной и отечественной литературы, посвященной оценочным исследованиям. Приведем семь моделей оценочных исследований для социальных программ.

Модель оценки несоответствий/противоречий (*discrepancy evaluation research model*). Специалисты, используя системный анализ, пытаются обнаружить, соответствует ли функционирование и результаты программы стандартам или ожидаемым результатам. Цель — найти несоответствие и понять на основе логических заключений, почему программа реализована именно в таком ключе. Исследование проводится в пять этапов: оценка проекта программы (предполагаемые цели, планируемые затраты и результаты), оценка процесса внедрения программы на начальном этапе, оценка процесса функционирования программы, оценка результатов, оценка эффективности затрат. Основная проблема использования данной модели состоит в том, что не всегда существуют единообразные стандарты, цели программы не всегда эксплицированы, не позволяет оценить незапланированные результаты [14].

Модель без поставленных целей (*goal-free model*), в отличие от всех остальных, не определяет изначально критерии оценки работы программы. Оценщик рассматривает все изменения и результаты, которые повлекла или к которым привела программа. Данная модель позволяет оценить и запланированные и незапланированные последствия программы. Требуется применения исключительно качественной методологии, например, кейс-стади [17; 2].

Цель транзакционной модели (*transaction model*) состоит не в том, чтобы оценить влияние программы на клиентов и их поведение, а в том, чтобы понять, как изменилась роль социального работника, который реализует программу, его восприятие программы. Переменные исследования связаны не с целями программы, а с психологическими и коммуникативными аспектами реализации программы. Социальные работники в процессе и по итогам оценочного исследования ознакомлены с результатами. Оценщик должен быть частью программы. Данная модель призвана разрешать конфликты, которые, по мнению авторов, возникают часто из-за того, что некоторые члены персонала воспринимают изменения, принесенные программой, как угрозу своему положению в сложившейся системе. Авторы выделяют две фазы реализации данной модели: 1) определение источника конфликтов; 2) на основе аргументов противников и защитников программы создается план оценочного исследования, который реализуется с привлечением помощи профессионального исследователя-оценщика [15; 2].

Модель принятия решения (*decision-making model*), или CIPP, нацелена на оценку четырех аспектов: условий (*context*), инвестиций (*input*), процесса (*process*) и результатов (*product*) программы. В итоге специалисты получают информацию для принятия адекватного решения о будущем программы или проекта, особен-

но если речь идет об урезании финансирования. CIRP разработана для того, чтобы соединить процесс оценки программы с управлением этой программой. Поэтому данная модель рекомендуется для того, чтобы направлять процесс создания, реализации и оценки социальных проектов, а также обеспечивать обратную связь между менеджерами программы и непосредственными ее исполнителями [18].

Модель системного анализа (systems analysis model) рассматривает затраты, которые произведены для введения программы в действие (клиенты, ресурсы, условия и т. п.), производство, или что происходит во время действия программы (деятельность социальных работников и клиентов, доступность ресурсов), результаты (результат программы в изменении поведения клиентов и повышении эффективности работников). Также производит оценку соотношения экономических затрат и результатов [11; 2].

Модель искусства критики (art criticism model), где оценку производит квалифицированный эксперт, имеющий опыт работы в подобной программе и который во всех деталях знаком с процессом ее реализации. Эффективность модели зависит от умения эксперта оценивать объективно. Цель — критическая рефлексия по поводу реализации программы и повышение стандартов обслуживания [8].

Модель оппонентов (adversary model), при которой собирается комитет оценщиков. Он выслушивает мнения людей о данной программе, собирает как положительные, так и отрицательные отзывы о ней. Комитет использует множество критериев оценки. Данная модель помогает принять решение об оценке в условиях разногласия по поводу эффективности программы [13].

Кроме моделей оценочных исследований социальных программ и проектов зарубежные авторы разработали модели для оценки практики социального работника, чтобы специалист мог сам контролировать и совершенствовать свои методы интервенции. Первая модель, эмпирически обоснованная практика социальной работы, или «подход, основанный на фактах» [2] (evidence-based practice, ЕВР), т. е. комбинация исследовательских интервенций, клинического эксперимента, ценностей и предпочтений клиента, которая помогает практикующим специалистам повысить эффективность своей деятельности. Данная модель ориентирована на то, чтобы специалист в процессе разработки стратегии интервенции опирался не только на научно обоснованные данные, но и учитывал свой профессиональный опыт и культурные и иные особенности своих клиентов [7; 20]. Вторая модель (single-system research design, SSRD) — это вид эвалюаторного кейс-стади, объектом которого выступает поведение одного клиента. Данная модель использует объективные измерения поведения клиента в целях исследования эффективности интервенций. Предмет исследования — определенное поведение. Методы исследования обычно качественные, но связаны с построением графических изображений. Основным методом самооценивания, по мнению авторов, является the basic AB design = single system design, где А — этап измерения исходных показателей; В — этап, когда собираются данные в ходе лечения или интервенций. Специалист может чередовать этапы и удлинять цепочку, производя повторные измерения. В этом случае дизайн приобретает следующий вид: АВА, АВАВ design [19].

Самым простым типом эвалюаторного кейс-стади считается В-дизайн. Данный тип исследовательской программы социальный работник использует, если ищет ответ на вопрос о том, наблюдаются ли улучшения у клиента после начала интервенции. Специалист может воспользоваться косвенными данными (информацией об оценках в школе, медицинской картой), чтобы ответить на данный вопрос, или предложить клиенту пройти небольшой тест. Этап «В» означает

период времени, когда интервенция реализуется. Социальный работник производит измерение в процессе работы с клиентом. Полученные измерения изображаются графически: периоды времени по горизонтальной оси, измерения результатов по вертикальной оси. По получившемуся графику делается заключение о том, улучшается ли положение клиента или не улучшается. Нет необходимости выяснять статистическую значимость полученных результатов, достаточно графического изображения [19].

Таким образом, нами показано, что менеджериализация социальной сферы стимулирует развитие оценочных исследований социальных программ и проектов. Эвалуаторные исследования являются одним из главных методов управления социальными проектами и профессиональной практикой социального работника. Менеджериализация социальных услуг за рубежом происходила намного раньше, чем в России, поэтому российским специалистам доступен опыт зарубежных коллег. Зарубежный опыт оценки программ для женщин, оказавшихся в трудной жизненной ситуации, демонстрирует, что существуют значительные барьеры для вовлечения клиентов данной группы в исследование. Ощущается дефицит статей по данной теме в научных изданиях. Вместе с тем те немногие эвалуаторные исследования, которые нами приведены в статье, являются примером того, как специалисты по социальной работе, используя научный инструментарий, определяют эффективность программ и своей практики. В заключительной части статьи целесообразно, на наш взгляд, обратиться к инструментарию, который наработан зарубежными и отечественными коллегами в области оценочных исследований. Типология дизайнов оценочных исследований предлагает широкий набор готовых комбинаций стратегий и методов.

Литература

1. *Абрамов Р. Н.* Менеджериализм: экономическая идеология и управленческая практика // Экономическая социология. 2007. Т. 8, №. 2. С. 93–102.
2. *Романов П. В., Ярская-Смирнова Е. Р.* Новая идеология и практика социальных услуг: оценка эффективности в контексте либерализации социальной политики // Журнал исследований социальной политики. Т. 3, № 4. С. 497–522.
3. *Cheetham J., Mullen E. J., Soydan H., Tengvald K.* Evaluation as a Tool in the Development of Social Work Discourse. National Diversity or Shared Preoccupation? Reflections From a Conference // *Evaluation*. 1998. Vol. 4. No. 1. P. 9–24.
4. *Deetz S.* Democracy in an Age of Corporate Colonization: Developments in Communication and the Politics of Everyday Life (SUNY series in Communication Studies). Albany: SUNY, 1992. 399 p.
5. *Drucker P. F.* Management: Tasks, Responsibilities, Practices. New York: Harper & Row, 1973. 864 p.
6. *Gorey K. M.* Effectiveness of Social Work Intervention Research: Internal Versus External Evaluations // *Social Work Research*. 1996. Vol. 20. No. 2. P. 119–128.
7. *Hofstede G.* Culture's Consequences: Comparing Values, Behaviors, Institutions, and Organizations Across Nations. Thousand Oaks, CA: Sage, 2001. 596 p.
8. *House E. R.* Assumptions Underlying Evaluation Models // *Educational researcher*. 1978. Vol. 7. No. 3. P. 4–12.
9. *Jensen C.* Psychosocial Treatment of Depression in Women. Nine Single-subject Evaluations // *Research on Social Work Practice*. 1994. Vol. 4. No. 3. P. 267–282.
10. *Jeremiah R. D., Quinn C. R., Alexis J. M.* Lessons Learned: Evaluating the Program Fidelity of UNW omen Partnership for Peace Domestic Violence Diversion Program in the Eastern Caribbean // *Evaluation and Program Planning*. 2018. Vol. 69. P. 13–41.
11. *Maddox G. L., Dellinger D. C.* Assessment of Functional Status in a Program Evaluation and Resource Allocation Model // *The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science*. 1978. Vol. 438. No. 1. P. 59–70.

12. *Merill K. G., Merrill J. C., Hershow R. B., Barkley C., Rakosa B., DeCelles J., Harrison A.* Linking at-risk South African Girls to Sexual Violence and Reproductive Health Services: A mixed Methods Assessment of Soccer-based HIV Prevention Program and Pilot SMS Campaign // *Evaluation and Program Planning*. 2018. No. 70. P. 12–24.
13. *Popham W. J., Carlson D.* Deep Dark Deficits of The Adversary Evaluation Model // *Educational Researcher*. 1977. Vol. 6. No. 6. P. 3–6.
14. *Provus M.* Discrepancy Evaluation. Berkley, California: McCutchan, 1971. 380 p.
15. *Rippey R. M.* Studies in Transactional Evaluation. McCutchan Pub. Corp; Second Edition, 1973. 497 p.
16. *Rubin A.* The Effectiveness of Outreach Counseling and Support Groups for Battered Women: a Preliminary Evaluation // *Research on Social Work Practice*. 1991. Vol. 1. No. 4. P. 332–357.
17. *Scriven M.* Prose and Cons About Goal-free Evaluation // *Evaluation Practice*. 1991. Vol. 12. No. 1. P. 55–62.
18. *Stufflebeam D. L.* The CIPP Model for Program Evaluation // *Madaus, F. F., Scriven M. and Stufflebeam D. L. / Eds. Evaluation Models. Evaluation in Education and Human Services*. Springer, Dordrecht. 1983. P. 117–141.
19. *Thyer B. A., Artlet T. A., Shek D. T. L.* Using Single-system Research Designs to Evaluate Practice, Potential Applications for Social Work in Chinese Context // *International Social Work*. 2003. Vol. 46. No. 2. P. 163–176.
20. *Tuler S. Webler T.* How Preferences for Public Participation are Linked to Perceptions of the Context, Preferences for Outcomes, and Individual Characteristics // *Environmental Mangement*. 2010. Vol. 46. No. 2. P. 254–267.

Д. М. Шакирова

Понятие и сущность конфликта как социального феномена

D. M. Shakirova. Concept and Essence of Conflict as a Social Phenomena

В статье конфликт рассмотрен с точки зрения социального феномена, в результате чего были определены основные подходы к изучению данной категории. Согласно одному из них в основе конфликта лежит противостояние определенных интересов, целей, устремлений личности. Второй подход закладывает в конфликт противоречие, в связи с чем он представляет собой результат его обострения, актуализации. По третьему подходу конфликт является разновидностью структурного дисбаланса и характеризуется невозможностью системы или социальных отношений оставаться в том же виде. Еще один подход в основе конфликта рассматривает социальную напряженность, имеющую двоякое значение. Детально изучена структура самого конфликта (объект, субъекты конфликта и др.), а также содержание составляющих его элементов. Разобрана и раскрыта среда, в которой протекает конфликт. В целом статья носит обзорный характер и может быть полезна в качестве теоретико-методологической основы при исследовании конфликта в различных организациях, учреждениях и т. д.

Ключевые слова: конфликт, борьба, противоречие, объект, субъект, конфликтная ситуация, зона разногласий.

Контактные данные: 420066, г. Казань, Красносельская ул., д. 51; (843) 519-42-91; e-mail: dinara.mm@yandex.ru.

The article considers the conflict from the point of view of a social phenomenon, as a result of which the main approaches to the study of this category were identified. According to one of them, the conflict is based on the opposition of certain interests, goals, aspirations of the individual. The second approach puts into conflict a contradiction, in connection with which it is the result of its aggravation and actualization. In the third approach, conflict is a type of structural imbalance and is characterized by the impossibility of a system or social relations remaining in the same form. Another approach at the heart of the conflict addresses social tensions of dual significance. The structure of the conflict itself (the object, the subjects of the conflict, etc.), as well as the content of its constituent elements, are studied in detail. Dismantled and disclosed the environment in which the conflict takes place. In general, the article is of an overview nature and can be useful as a theoretical and methodological basis for the study of conflict in various organizations, institutions, etc.

Keywords: conflict, struggle, contradiction, object, subject, conflict situation, area of disagreement.

Contact Details: Krasnosel'skaya St. 51, Kazan, Russian Federation, 420066; (843) 519-42-91; e-mail: dinara.mm@yandex.ru.

В процессе жизни и становления личности человек так или иначе сталкивается с конфликтами. В следствие этого у каждого формируется собственное представление о данном понятии. Для одних — это способ выражения собственной точки зрения, для других — возможность «разрядиться» и снять напряжение. Причинами разного рода конфликтов являются противоречия интересов и целей, пронизывающие все сферы жизни человека — социально-экономическую, поли-

Динара Марселевна Шакирова — доцент кафедры менеджмента Казанского государственного энергетического университета, кандидат социологических наук.

© Шакирова Д. М., 2019

тическую, духовную. Они проявляются в общении, поведении и целенаправленной деятельности людей.

Согласно проведенному анализу научной литературы можно отметить, что нет определенной единой интерпретации понятия «конфликт». В самом общем виде данную категорию можно представить в виде некоторого столкновения, противоречия, стычки между двумя и более сторонами [1, с. 395]. В словаре С. И. Ожегова тождественными для понятия конфликт приводятся такие слова, как серьезное разногласие, спор [2]. В Большой советской энциклопедии он предстает в виде столкновения противоположных интересов, взглядов, стремлений, ведущего к серьезному разногласию, острому спору или к более сложным формам борьбы [3]. Относительно социологической науки — конфликт определяется в качестве процесса или ситуации, в которой стороны находятся в противостоянии или в открытой борьбе [4].

Наиболее распространенный подход рассматривает конфликт как противоречие, имеющее социальный характер. Здесь противоречие определяется в виде неотъемлемого критерия развития общества и его структурных элементов. В таком понимании конфликт трактуется как нормальное явление общественной жизни. Соответственно, разрешение социальных противоречий достигается путем принятия необходимого консенсуса. Данное трактование категории конфликт можно встретить не только в социологии, но и в других науках. В философии фокус рассмотрения смещен в сторону понимания конфликта как предельного случая обострения противоречий [5], в психологии же — в качестве трудно разрешимого противоречия, сопровождающегося сильными эмоциональными переживаниями [6].

Некоторые исследователи в основу социального конфликта закладывают противоборство интересов и целей, а процесс протекания конфликта ставят в зависимость от тенденций развития социальных субъектов, которое может иметь как явное, так и скрытое состояние, отличаться прямым или косвенным столкновением социальных сил на почве противодействия общественному порядку на данный момент времени [7]. Исследователи данного подхода исходят из того, что человек не существует отдельно от социума. В ходе его развития накапливаются знания, которые накладываются на личностные характеристики и в совокупности образуют его социальный статус. В ходе социального взаимодействия человек, являясь носителем определенного социального статуса, сталкивается с симпатией и антипатией, сотрудничеством и соперничеством, конкуренцией, разностью интересов и желаемых целей. Данное противоборство приводит к возникновению конфликтов [8].

Следует подчеркнуть некоторую зависимость, заключающуюся в том, что конфликт может быть следствием обострения имеющегося противоречия. Например, усиление и нарастание социальных противоречий анализируется в качестве предельного случая конфликта, который проявляется в различных видах противоборства, как между отдельными единицами общества, так и между различными социальными общностями [9]. В соответствии с этим конфликт предстает в виде следствий развития противоречия. Однако при этом просто обострение противоречия не ведет к началу конфликта. Имеет значение момент его осознания противоборствующими сторонами, которое представляет собой субъективную сторону противоречия. Это говорит о том, что конфликт не стоит определять как острую стадию противоречия [10, с. 114]. Наличие противоречий и различий, по сути, недостаточны для развития конфликта. В том случае, когда происходит столкновение сил, являющихся носителями данных противоречий, они перерастают в конфликт. Согласно этому конфликт представляет собой проявление объективных или субъективных противоречий и находит свое выражение в противо-

борстве сторон [11]. Конфликт представляет собой наиболее острый способ разрешения значимых противоречий, которые возникают в ходе взаимодействия. Основа противоречия закладывается в противодействие действующих лиц конфликта и сопровождается негативными эмоциями [12].

Однако рассмотрение конфликта через призму противоречия ведет к игнорированию специфики собственно конфликтных отношений, так как в этом случае происходит подведение частного под общее. Данное явление анализируется в качестве игры противоречивых интересов, ценностей и сил. Подчеркивается, что противоречие представляет собой статический, а конфликт — динамический аспект явления [13]. Следовательно, только при осознании противоречия оно может перейти в следующую стадию, определяющуюся как конфликт. Необходимо также различать открытую конфликтную ситуацию, имеющую возможность непосредственного перетекания в конфликт. Здесь вербальное противоборство интересов переходит в конкретное действие на практике по устранению, ограничению или ликвидации ролей, позиций или потенциала противника [14].

Социальный конфликт сравнивается с силовым воздействием, имеющим свое движение, которое осуществляется двумя или большим числом индивидов или социальных групп. Основой возникновения данного воздействия выступает разногласие интересов ценностей или нехватка ресурсов, которые могут носить как действительный, так и мнимый характер [15]. По А. Г. Здравомыслову, конфликт можно сравнить с клеткой социального бытия, которая выступает важнейшей стороной взаимодействия людей в социуме. Он может происходить как между актуальными, так и между потенциальными субъектами социального действия. В основу он закладывает мотивацию данного действия, которая обусловлена противостоящими ценностями и нормами, интересами и потребностями. При этом под воздействием конфликта происходит модификация некоторой более широкой системы связей, в рамках которой действуют социальные субъекты [16]. В. А. Светлов в определении конфликта осуществил попытку объединения существующих на тот момент представлений и создания «единой теории конфликта». Им разработана форма конфликта, имеющая универсальный характер, согласно которой он представлен в качестве общего эволюционного механизма, имеющего свойство периодически переключать развитие системы с синергетической траектории на антагонистическую и обратно.

Также стоит обратить внимание на еще одну точку зрения, по которой конфликт можно представить в качестве определенного рода социальной системы. Применяя положения синергетического подхода к анализу общества, конфликт представляет собой открытую нелинейную систему, для которой характерны самоорганизация, многомерность и многокомпонентность. При этом подчеркивается его постоянная взаимосвязь с социумом посредством взаимообмена информацией, которая в то же время может стать как его источником, так и привести к разрушению [17].

Стоит рассмотреть еще один методологический подход к исследованию сущности конфликта, основа которого заключается в том, что фокус анализа сводится к социальной напряженности. Под ней понимается состояние потенциального конфликта между субъектами общественной жизни. В основу социальной напряженности закладывается усиление противостояния, которое характеризуются готовностью действующих лиц конфликта защищать значимые для себя ценности, нормы, убеждения. При этом отстаивание может быть как законным, так и незаконным. Подчеркнем, что не стоит проводить аналогию между социальной напряженностью и конфликтом, в связи с тем, что первая является предшественником второго.

Стоит обратить внимание еще на один аспект. Не во всех случаях социальная напряженность обретает отрицательные последствия, которые требуют ликвидации. В большинстве своем она представляет собой естественное состояние социальных отношений. Нехватка ресурсов, различные препятствия в удовлетворении потребностей индивида или группы, отсутствие реализации своих интересов выступают основными причинами, обуславливающими наличие социальной напряженности в обществе [18; 19].

Рассмотрев различные подходы к сущности конфликта его основу можно свести к противоборству интересов и целей в системе отношений. Имеющиеся противоречия могут актуализироваться в определенное время и перейти непосредственно в борьбу для решения той или иной проблемы. В конфликте отправной точкой, безусловно, становится осознание имеющихся противоречий, которое служит переходом к непосредственному конфликту. В основе противоречий может быть заложена разница интересов, противоположные потребности и противостоящие ценности. Не стоит исключать и присутствие социального напряжения, которое предполагает противостояние и возможность субъектов отстаивать значимые для них ценности, взгляды и пр.

У конфликта как явления есть своя структура, и протекание его возможно благодаря слаженной работе структурных элементов, образующих совокупность устойчивых связей. Согласно научной литературе, в любом объекте совокупность частей, элементов и связей, отношений между ними будет представлять его структуру [20; 21]. Под структурой конфликта понимается совокупность его устойчивых связей, которые служат особенностью, отличающей его от иных явлений и процессов социальной жизни. Таким образом, структура выступает основой существования конфликта, которая формирует его в качестве целостной системы, отличающейся своей динамичностью и взаимосвязанностью [22; 23].

Рассматривая структуру конфликта, можно определить, что конфликтная ситуация в данном случае является одной из составных элементов конфликта. Конфликтная ситуация концентрирует в себе накопление и обострение противоречий в процессе социальных взаимодействий. Данная ситуация представляет собой особое стечение жизненных обстоятельств и пересечение интересов отдельных лиц и социальных общностей, которые своим поведением формируют предпосылки для возможного между ними столкновения. В связи с этим конфликтная ситуация предстает в качестве сложной субъективно-объективной реальности, где объективные составляющие представлены в виде субъективного восприятия и личностной значимости для участников ситуации [24].

В свою очередь, конфликтная ситуация также состоит из определяющих ее составных элементов: участников, среды протекания, предмета спора [25]. Научный анализ конфликтной ситуации сосредоточен на поиске управления ее механизмами с целью последующего разрешения и прихода к консенсусу. И здесь варианты решения зависят от области, в которой непосредственно разворачивается конфликтная ситуация [26; 27]. Таким образом, в качестве участников конфликта выступают индивиды, которые имеют определенные интересы, цели или придерживаются значимых для них ценностей.

В научной литературе указывается на то, что поведение участников конфликта зависит от выбранной или случайно выпавшей им роли. Ее исполнение осуществляется сознательно и выступает в качестве модели поведения социального субъекта, определяемой социальным статусом. Исполнение роли находит свое выражение в поведении участников социального конфликта и обусловлено интересами, амбициями, характером, менталитетом и пр. Определенный фактор вносит ситуация, в которой разворачивается противостояние конфликтующих сторон [28].

Присутствует различие и в степени участия в конфликте, оно может быть как непосредственным, так и выражаться в опосредованном влиянии на ход самого конфликта. Данная степень находит свое выражение в разделении на основных участников конфликта, группу поддержки и других участников. Именно основные участники конфликта есть его субъекты, которые противостоят, возражают друг другу. В основе данных действий заложено несовпадение интересов, взглядов и установок [12]. Иные, в определенной степени косвенные участники, как правило, избегают открытого участия в конфликтных действиях. Но при этом они втянуты в противостояние, активно поддерживают процесс конфликта и способствуют его эскалации. Однако их действия могут иметь и положительный характер, стремящийся к урегулированию конфликта путем достижения компромисса. Таким образом, они выполняют разнообразные роли и тем самым оказывают различное воздействие на исход конфликта [29].

Итак, можно определить следующую структуру конфликта и ее составляющие компоненты:

- конфликтная ситуация, которая характеризуется как накопление и обострение противоречий, стечение жизненных обстоятельств, пересечение интересов социальных субъектов;
- субъекты конфликта, которые выступают главными действующими лицами, установки, ценности, взгляды которых противоречат друг другу;
- участники, не участвующие в открытых конфликтных действиях, но тем не менее влияющие на протекание конфликта тем или иным способом.

В основе любого конфликта лежит определенная причина, выступающая в роли побуждающей силы возникновения конфликтных действий, проявляющаяся при необходимости удовлетворения определенной потребности. Таким образом, именно причина будет являться объектом конфликта. Суть проблемы может быть достаточно разнообразной, содержать в себе различные ценности: материальные, духовные, объективные, личные, статусные, моральные, культурные и т. д. Объект же конфликта сопряжен с интересами участников конфликта, противостоящими друг другу. При этом объект конфликта может быть как очевидным, так и скрытым. В связи с этим, определение объекта конфликта чаще всего может быть затруднительно. Действительные мотивы могут носить латентный характер. Выявление основного объекта представляет собой главное условие регулирования любого конфликта. Субъекты конфликта обладают средствами давления. Они, как правило, информированы о проблеме, которая требует решения, осведомлены о позициях оппонентов. Для выигрыша в конфликтной борьбе они могут использовать статусное положение его участников, его нравственные приоритеты; финансовые и иные ресурсы [30].

Интенсивность в социальном конфликте является совокупностью непосредственно используемых и потенциальных средств и ресурсов, дающих и определяющих возможность сторон воплощать свои цели, несмотря на противостояние соперника по конфликту.

Ведущими действиями, рассматриваемыми одной из конфликтующих сторон в качестве конфликтных, имеющих враждебный характер и направленных против нее, выступают определенные препятствия для осуществления желаемых целей. К ним относятся, например, неисполнение имеющихся обязанностей и обязательств, включающих также и присвоение того, что, по мнению одной из сторон, должно принадлежать ей. Причинение прямого или косвенного вреда имуществу или репутации, а также действия, направленные на дискредитацию достоинства одной из сторон или иные похожие действия, которые принуждают индивида делать то, что он не желает выполнять [31].

Только четкое представление о предмете и объекте конфликта способствует определению зоны разногласий. Объективно существующая либо воображаемая проблема представляет собой предмет конфликта, она же составляет основу конфликта, которую необходимо решить. Центральным звеном проблемы является объект конфликта. Таким образом, стоит различать объект и предмет конфликта. Разные мотивирующие и движущие силы определяются как объект конфликта. В них содержатся интересы, ценности, установки, которые находятся в условиях противоборства и противостояния. Вкупе они формируют зону разногласия как совокупность различных представлений о мотивах, целях и о сложившейся ситуации в целом.

Рассматривая конфликт как социальный феномен, необходимо учитывать условия, в которых он появляется и протекает, так как именно они определяют возможные действия его участников. Условия конфликта при этом создают ту социальную среду, в которой возникает, существует и развивается конфликт [32]. Среду конфликта формируют условия, в которых непосредственно происходит действие конфликта. Согласно научному анализу можно выделить микро- и макросреду конфликта. Микросреда определяется совокупностью условий, в которых взаимодействуют индивиды (межличностные и межгрупповые конфликты). Подобные конфликты характерны для малой социальной группы. Макросреда включает в себя условия развертывания конфликта, который возможен между большими социальными группами [33]. Однако их не стоит рассматривать отдельно, так как между ними присутствует тесная связь. В частности, макросреда влияет на конфликтность личностей и малых групп, и наоборот, микросреда также накладывает отпечаток на противоборство больших групп [28].

По природе составляющих ее компонентов выделяют три разновидности среды конфликта: физическую, общественно-психологическую и социальную. В совокупности они обнаруживаются на микро- и макроуровне социальной системы и могут выступать не только в качестве условий конфликта, но и в роли объекта [34]. Физическую среду составляет совокупность следующих факторов и условий, в которых происходит конфликт. К ним относятся физические, географические, климатические и экологические. На микроуровне физическая среда конфликта определяется совокупностью таких внешних условий взаимодействия людей, как чистота воздуха, тепловой режим, уровень освещенности и шума в месте дислокации конфликтных действий. Макроуровень физической среды представлен географическими, климатическими и экологическими факторами. В общественно-психологическую среду конфликта входят настроения, мнения, чувства и переживания, которые не только сопровождают конфликт, но и могут влиять на его исход. Они носят объективный характер для участников конфликта, так как носят независимый характер.

Таким образом, стоит различать условия (среду), в которых возникает и впоследствии развивается конфликт. В научной литературе присутствует разделение на макро- и микросреду. Первая охватывает большие социальные группы, вторая — малые группы и межличностное взаимодействие. Присутствует деление на физическую, общественно-психологическую и социальную среду. В первую входят географические, климатические, экологические и прочие условия. Вторая представляет собой совокупность условий социального взаимодействия, настроение, мнения, чувства и пр. Третья сфокусирована на нормах, ценностях и установках, принятых в обществе. Социальная среда представляет собой совокупность общественных условий, в которые входят господствующая культура, принятые в обществе нормы и ценности, стандарты поведения, общественно-экономические условия жизни и социально-политическое устройство общества. В совокупности

все обозначенные факторы будут не только оказывать влияние на динамику и способы разрешения конфликтных ситуаций, но и определять потенциальную возможность их возникновения.

Литература

1. Большой иллюстрированный словарь иностранных слов. М.: Русские словари, 2004. 957 с.
2. Ожегов С. И. Словарь русского языка. М.: Рус. яз., 1984. С. 252.
3. Большая советская энциклопедия. Т. 22. 2-е изд-е. М.: Большая советская энциклопедия. С. 493.
4. Гришагина Н. В. Конфликт // Социология: энциклопедия; сост. А. А. Грицанов, В. Л. Абушенко, Г. М. Евелькин, Г. Н. Соколова, О. В. Терещенко. Мн.: Книжный дом, 2003. С. 458.
5. Философская энциклопедия. Т. 3. С. 55.
6. Психологический словарь / под ред. В. В. Давыдова, А. В. Запорожца, Б. Ф. Ломова и др.: научно-исслед. ин-т общей и пед. психологии Акад. пед. наук СССР. М.: Педагогика, 1983. С. 161.
7. Запрудский Ю. Г. Социальный конфликт. Ростов н/Д, 1992. С. 54.
8. Лебедев Н. Ю. Уголовно-процессуальные конфликты, возникающие в ходе расследования преступления: характеристики, функции, виды // Вестник Томского государственного университета. 2008. № 306. С. 84–87.
9. Бабосов Е. М. Основы конфликтологии. Мн.: 1997. 227 с.
10. Рыжов О., Ларченков В. Управление социальным конфликтом // Власть. 2012. № 5. С. 114–117.
11. Дмитриев А. В. Конфликтология. М.: Альфа-М, 2003. 336 с.
12. Аницупов А. Я., Шипилов А. И. Конфликтология. М.: ЮНИТИ, 1999. 551 с.
13. Козер Л. А. Функции социального конфликта. М.: Идея-Пресс. 2000. 205 с.
14. Желтухин А. И. Социологическая концепция конфликта. М.: Просвещение, 1994. 140 с.
15. Зайцев А. К. Социальный конфликт на предприятии. Калуга: Калужский ин-т социологии, 1993. С. 21.
16. Здравомыслов А. Г. Социология конфликта. М., 1996.
17. Сыбенова Н. Н. Конфликт как открытая самоорганизующаяся социальная система: исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение // Вопросы теории и практики. 2011. № 4-3. С. 158–161.
18. Иванов О. И. Социальная напряженность и социальный конфликт // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. Политология. Международные отношения. 2005. № 3. С. 24–30.
19. Осеев А. А. Социальная напряженность и социальные конфликты в российском обществе: предпосылки, стадии развития и индикаторы // Социальная политика и социология. 2014. № 4 (105). С. 69–83.
20. Зеркин Д. П. Основы конфликтологии. Ростов н/Д: ФЕНИКС, 1998. С. 48.
21. Колотильщикова Е. А., Лысенко И. С., Чехлатый Е. И. Современные представления о конфликтах // Вестник психотерапии. 2010. № 33 (38). С. 90–93.
22. Аницупов А. Я., Малышев А. А. Введение в конфликтологию. Ужгород: МАУП, 1995. 101 с.
23. Аницупов А. Я. Эволюционно-междисциплинарная теория конфликтов // Конфликтология: хрестоматия / сост. Н. И. Леонов. М. Воронеж, 2005. С. 125.
24. Кибанов А. Я., Ворожейкин И. Е., Захаров Д. К., Коновалова В. Г. Конфликтология. М.: ИНФРА-М, 2005. 302 с.
25. Олейник А. Н. Основы конфликтологии. М.: АПО, 1992. 953 с.
26. Берзон Е. Н., Карпова Е. А. Управление конфликтными ситуациями: методы разрешения конфликтов // Наука и образование в современном обществе: вектор развития: сборник науч. трудов по материалам Междунар. науч.-практ. конф.: в 7 частях. Люберцы: ООО «Ар-Консалт». 2014. С. 42–43.

27. *Староверова К. О.* Управление конфликтными ситуациями на предприятиях ЛПК // Вестник Московского государственного университета леса. Лесной вестник. 2008. № 5. С. 222–224.
28. *Кильмашкина Т. Н.* Конфликтология: социальные конфликты. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2004. 279 с.
29. *Фишер Р., Юриш У.* Путь к согласию или переговоры без поражения. М.: Наука, 1990. 158 с.
30. *Бородкин Ф. М., Коряк Н. М.* Внимание: конфликт. Новосибирск: Наука, 1989. 189 с.
31. *Бочарова Ю. Ю.* Ориентация теории и практики образования на продуктивный конфликт (на примере ФРГ): автореф. дисс. ... канд. пед. наук. Красноярск, 2004. С. 54.
32. *Кацва А. М.* Социально-трудовые конфликты в современной России: истоки, проблемы и особенности. М., СПб.: Летний сад, 2002. 200 с.
33. *Карпович О. Г., Ефремова О. Н.* Разрешение конфликтов в мировом политическом процессе. Теоретические и практические аспекты // Закон и право. 2013. № 12. С. 19–26.
34. *Буртовая Е. В.* Конфликтология. М., 2002. С. 66–87.

О. С. Макарова

**Роль и значение пропагандистской деятельности
работников театрального искусства
по формированию общественного правосознания
в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.**

*O. S. Makarova. Role and Importance of Propaganda Work of Theatrical Art
Workers on Formation of Public Legal Consciousness During the Period
Great Patriotic War of 1941–1945*

В статье изучается проблематика пропагандистской работы, проводимой в годы Великой Отечественной войны, как основы укрепления легитимности правящей коммунистической партии в СССР. Исследуется вклад работников театрального искусства в сплочение советского общества в борьбе с фашизмом. Вводятся в научный оборот новые архивные документы, связанные с проводимой пропагандистской деятельностью советских работников культуры.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, государство, концертные бригады, легитимность, пропаганда, СССР, театр.

Контактные данные: 187650, Ленинградская область, г. Бокситогорск, ул. Вишнякова, д. 22; (962) 984-37-11; e-mail: maisner@rx24.ru.

The article examines the problems of propaganda work carried out during the war as a basis for strengthening the legitimacy of the ruling Communist party in the USSR. The contribution of theater workers to the cohesion of Soviet society in the fight against fascism is investigated. New archival documents related to the propaganda work of Soviet cultural workers are introduced into scientific circulation.

Keywords: Great Patriotic war, the state, concert parties, legitimacy, propaganda, Soviet Union, theatre.

Contact Details: Vishnyakova St. 22, Boksitogorsk, Leningrad Oblast, Russian Federation, 187650; (962) 984-37-11; e-mail: maisner@rx24.ru.

В статье предполагается анализ работы концертных и театральных фронтовых бригад под воздействием советской пропаганды. Автором изучена проблематика не только повышения морального духа советского общества путем осуществления пропагандистских мероприятий, но и обеспечения легитимности, признанности государственной власти в СССР в 1941–1945 гг. Подобная постановка проблематики изучения пропаганды является во многом новой для отечественной историко-правовой науки. В статье представлены материалы нескольких фондов Российского государственного архива литературы и искусства (РГАЛИ): Ф. 962, Оп. 3, Д. 1104 (1), Л. 38; Ф. 2928. Оп. 1. Ед. хр. 484. Л. 1; Ф. 962. Оп. 3. Ед. хр. 951. Л. 31; Ф. 2932. Оп. 3. Ед. хр. 398. Л. 1. Источники богаты фотографиями, на которых отображены выступления артистов, декорации и костюмы, сценарные зарисовки, документы разных гражданских лиц, связанных с театральным делом.

В Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ, Ф. 5508. Оп. 3. Д. 103. Л. 1) сохранилось директивное письмо от 6 июля 1941 г., где подробно прописываются указания по сокращению и объединению отдельных театральных

Олеся Сергеевна Макарова — преподаватель Бокситогорского института (филиала) Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина.

© Макарова О. С., 2019

трупп. Это ценная информация для понимания принципов формирования творческих коллективов в период Великой Отечественной войны 1944–1945 гг.

При написании статьи использовано периодическое издание «Правда», а точнее публикация о статистике московских художественных бригад, что говорит о грандиозном военном проекте, организованном органами советской пропаганды. Особый интерес вызывает статья Л. В. Шапошниковой «Театрально-концертная деятельность фронтовых бригад на Северном флоте и в г. Полярный в годы Великой Отечественной войны». Данный труд о помощи морякам-североморцам со стороны тружеников тыла, среди которых были и работники культуры: «Каждое выступление на фронте — это своя маленькая история». Агитация имела массовый характер и распространялась по всей стране.

Н. П. Герасимова в диссертации «Патриотическая деятельность московских театров в годы Великой Отечественной войны» дополнила аналитическую сторону данной статьи своими зарисовками о повседневности московских театральных бригад, о быте и их перемещениях на всех фронтах [1]. По собранному массиву восстанавливаются отдельные факты жизни концертных и театральных фронтовых бригад, формируются их основные функции, воссоздается пропагандистская работа советского руководства.

Великая Отечественная война побудила творческую интеллигенцию к объединению сил. Театральные работники, как и представители других профессий, добровольно уходили в ряды действующей армии. Советская власть подошла к этому вопросу выборочно, не всем позволила оставить сценическое поприще. Многим творческим деятелям пришлось свой талант применять как оружие, но в политической пропаганде.

Легитимность государственной власти означает ее признанность народом. В этой связи важная роль принадлежит целенаправленному воздействию на общественное сознание. Ведущую роль в этом процессе играет пропаганда. Пропаганда оказывала воздействие на разные уровни общественного правосознания. Она была обращена как на интеллектуальную, так и на духовно-нравственную сферу общественного правосознания. В этой связи функции (основные направления), которые выполняла пропаганда, охватывали все составляющие общественного правосознания: правовую идеологию и правовую психологию советского общества в годы Великой Отечественной войны. Театральное и концертное творчество на фронте как раз и выполняло ряд данных функций, которые были необходимы советской элите для повышения уровня своей легитимности, сплочения общества для победы над врагом. Функций было много, необходимо выделить ряд основных. Все они относятся к области социальных и историко-культурных явлений, которые оказывали решающее воздействие на формирование общественного правосознания, пронизанного духом патриотизма и любви к своей стране, и в то же время на формирование убежденности в непререкаемости авторитета правящих вождей коммунистической партии, без руководства которых будет невозможна победа в войне.

Познавательная функция отражала познание мира в образах. Они были положительные и отрицательные, но отражали действительность времени. Советская власть на военной сцене — в образах друга и наставника. Сталин в обращении к народу употребил христианскую формулу «братья и сестры». Гитлеровцы — звери, фашисты, нацисты, бесчеловечные изверги, ненавистные враги, выступающие против всех возможных норм человеческого общежития, как принятых советской властью, так и основанных на базовых морально-нравственных, духовных ценностях уважения к человеческой личности. В этой связи христианские мотивы в обращении И. В. Сталина были не случайны.

Воспитательная функция давала оценку тому, что творческий коллектив изображает, что хочет выразить своим действием, а выражал он, как правило, то, что диктовало советское руководство. Формировался конкретный образ должного поведения советского человека в условиях войны. Высшей добродетелью выступает подвиг, когда человек отдает жизнь, защищая свою страну, соотечественников и в целом мир на Земле перед угрозой бесчеловечного врага. Самоотречение ради общего блага и спасения родины является важнейшим залогом победы и жизни будущих поколений.

Важной была и коммуникативная функция, которая тесно связана с потребностью человека в обычном общении. Она восполняла недостающие для каждой личности эмоциональные впечатления и переживания. Благодаря этой функции происходил диалог с поразившими воображение персонажами литературы, спектакля, танца и т. д. Каждый человек должен был воспринимать себя, прежде всего как часть одного большого коллектива, всего советского общества. Каждый должен жертвовать своими интересами ради жизни других людей, но и, оказавшись даже, казалось бы, в безвыходной ситуации, каждый должен чувствовать борьбу всего советского общества, армии, правительства за жизнь этого человека. Не обреченность положения, а вера в неизбежность победы должна была формироваться у бойцов партизанских движений, жителей осажденного Ленинграда, удерживавших плацдармы, с которых должно было развертываться неизбежное наступление и освобождение советской родины. В этой связи ни один человек не должен быть одинок. Он должен постоянно чувствовать заботу страны о нем и борьбу за его жизнь, жизнь близких ему людей.

Следует отметить, что артисты старались быть максимально задействованы не только по своему основному профессиональному предназначению. Они помогали медработникам в госпиталях, а также хоронили тех, кто умер. Погибли в рядах сражавшихся войск многие из выдающихся деятелей культуры и искусства. На аэродромах часть потенциальных зрителей находилась в воздухе. Для членов экипажей, вернувшихся с заданий, одна и та же программа раз за разом повторялась в течение дня. Многочисленные лекции после зрелища и конечно агитация, агитация, агитация, которая распространялась в гарнизонах, военных частях и т. д. Советскому руководству потребовалось меньше суток, чтобы в рамках политической пропаганды организовать первые концертные бригады. В Москве состав таких бригад насчитывал около 700 человек, они сыграли более 450 концертов. На фронте побывали 3 685 художественных бригад. В организации этих мероприятий принимали участие свыше 42 000 творческих работников [2, с. 1].

Например, участники 13-й фронтовой концертной бригады, выехали на фронт 13 сентября 1941 г. Среди них Р. И. Бригиневич, Р. Г. Корф, И. Л. Лебедев, А. К. Макеев, В. К. Макеев, А. С. Бугров, И. С. Мирсков, Я. М. Рудин, В. Г. Токарская, Р. М. Холодов и другие. Р. Г. Корф и Я. М. Рудин погибли в октябре 1941 г., так как попали в окружение, потом в плен, фашисты их повесили в концлагере в Ельне. С Р. И. Бригиневич произошла фантастическая история. Она попала в плен к немцам и находилась в артистической группе, разъезжавшей в фургоне, сопровождаемом автоматчиками, несмотря на подозрения, что она еврейка. Ее как пособницу нацистов расстреляли партизаны вместе с немцами неподалеку от Смоленска. Из всей группы после войны остались лишь двое: Р. М. Холодов и В. Г. Токарская — артисты Театра эстрады [3]. Концертные бригады давали сборные выступления, которые могли состоять из различных цирковых номеров, отрывков из оперных или драматических спектаклей, песен, сатирических рассказов и т. д.

В директивном письме от 6 июля 1941 г. дано указание по сокращению и объединению отдельных театральных трупп [4, с. 11]. Разноплановые (артисты всех жанров) и очень быстро сформированные театральные бригады отправились в мобилизованные пункты.

Приведем фрагмент из докладной записки режиссера-постановщика Л. М. Егорычева заместителю председателя Всесоюзного комитета по делам искусств при СНК СССР об эстрадно-кукольной бригаде № 5: «В начале июля было организовано 3 бригады кукольного театра, в основном из состава театра под упр. Образцова, но по ряду причин (мобилизация основных артистов и выезд из Москвы отдельных артистов по эвакуации) 2 бригады распались, и сохранилась только одна бригада кукольников. Бригада работает в составе 6 артистов... Программа бригады очень интересна, агитационно-целеустремленна («Как Вася Теркин болтуну язык прищемил», «Как Вася Теркин немца перехитрил» и т. д.) [5].

Театральные учебные учреждения сформировали фронтовые театры и концертные бригады. При ГИТИСе в октябре 1941 г. было создано сразу 5 таких творческих коллективов. Мгновенно к ним присоединились студенты из училища им. Щепкина. Юнцы, рискуя жизнью, выступали в окопах, в землянках либо на открытых полянах. Выпускники 1942 г. фронтового театра ГИТИС дали выступления на 7 фронтах, было отыграно 1 172 спектакля. Например, в 1944 г. в Мурманске бойцы, работники тыла, получившие небольшую передышку, тепло встречали молодых артистов, вкладывавших в свои выступления весь свой талант, всю душу и задор молодых сердец. Сценой служило любое пространство, где можно было собрать людей [6, с. 43].

В самом начале войны у фронтовых бригад отсутствовало какое-либо специальное оборудование. Артисты играли при дневном свете, не имея даже занавеса. Вскоре ситуация изменилась. Для перевозки сценического реквизита, костюмов были выделены грузовики, большинство которых с откидными бортами. Все, что было за бортом грузовика — это зрительские места, обычно в форме полукруга. После представления все элементы сценографии и костюмы паковались обратно в машину. Далее этот коллектив ожидали новые зрители, которые размещались также вблизи от линии фронта. Линия фронта часто смещалась, и случалось так, что бригада оставалась без своего зрителя [1].

В театральной труппе состояло от 12 до 25 человек. Работа строилась по принципу взаимозаменяемости, каждый участник творческого коллектива имел по 2–3 обязанности. Например, артист, костюмер и администратор или артист и монтировщик сцены и т. д. Все концертные и театральные бригады без исключения имели таких артистов, как баянист и танцоры. Репертуар тоже перестраивался под возможности. Многоактные пьесы заменялись новыми одноактными либо объемные произведения значительно сокращали. По действию длительность таких спектаклей не должна была превышать полутора часов. Многие представления, которые давались в лесу, воспроизводились шепотом, чтобы враг не обнаружил их. Отдельные артистические труппы получали помещения, где сегодня ставили и репетировали спектакли и концерты, а завтра играли их на зрителя в полевой локации.

Некоторые театры становились фронтовыми только потому, что к ним в город пришла война, другие бригады (вне фронта) сами стремились в пекло. Из отчета военно-шефской работы Московского музыкально-драматического цыганского театра «Ромэн» (1944 г.): «Бесконечные переезды, оторванность театра от Москвы, мешала ему долгое время добиться отправки бригад на фронт. И только летом 1942 г., во время пребывания на Северном Кавказе, после долгих обращений к командованию Южного фронта, театру было разрешено отправить бригады на

фронт. Были организованы 2 бригады... Вся работа бригад была подчинена условиям фронта, концерты проводились в самое различное время дня и ночи. Ни один концерт, ни одно выступление не было сорвано, несмотря на то, что обе бригады попадали под сильнейший артобстрел и воздушные бомбардировки» [7]. Часто актеров внезапно вооружали, и тогда многие из них гибли в боях.

Комитет по делам искусств при Совете народных комиссаров (СНК) СССР и Управление по делам искусств при Совете народных комиссаров РСФСР возглавляли организационную работу всех творческих бригад. Театры изменили структуру работы, теперь за организацию выступлений отвечали штабы. В каждом театре таким штабом руководил начальник, который планировал работу с заведующим литературной частью. А связь с общественностью поддерживал диспетчер, что было удобно при сотрудничестве с другими организациями.

Отделы фронтов и армий отправляли заявки в ГПУ РККА, где происходил расчет численности бригад, составлялись маршруты. Затем в ГПУ РККА составлялась общая заявка, которая направлялась в оперативную группу Комитета по делам искусств при СНК СССР, где составлялся план выезда бригад на текущий месяц. Эти планы получали театральные коллективы, они составляли предварительные списки артистов. Все списки утверждались этим же Комитетом. Все творческие бригады проходили Смотровую комиссию, которая отслеживала актуальность и художественный уровень программ [8].

Ленинградский режиссер Н. П. Акимов говорил: «Искусство — это средство общения между людьми. Это — второй особый язык, на котором о многих важнейших и глубочайших вещах можно сказать лучше и полнее, чем на обыкновенном языке» [9, с. 28]. Доказывает правоту данного суждения тот факт, что исполнителей любили все, их ждали везде. Сохранились благодарственные письма и просьбы о повторных выступлениях. На фронте не было одинаковых спектаклей. Каждое представление имело индивидуальные черты, актеры не могли предсказать, где будет даваться следующее представление. Бригадам приходилось двигаться вместе с войсками, и каждая импровизация могла случиться в самых опасных точках сражения. Мобильность и способность выступать в любых условиях — главные достоинства театральных и концертных бригад в военное время. Свыше 3 000 деятелей искусства были награждены медалями и боевыми орденами СССР.

Концертные и театральные бригады не несли никакой новизны, но они удивляли своим разнообразием форм. Художественное коллективное творчество в 1941–1945 гг. обладало большими возможностями, формируя высшие чувства, воспитывало любовь к Родине, закладывало фундамент нравственности, развивало художественный вкус, подсознательно фиксируя морально-нравственные установки. Особое внимание политическая пропаганда уделяла идентификации каждого советского человека, которого специально погружали в художественный мир спектакля или концерта патриотической направленности. Объектами идентификации выступали персонажи, которые воздействовали на зрителя и вызывали у них новые чувства.

Легитимность государственной власти является одним из ее основополагающих начал. Поддержание популярности правящей партии в годы войны, особенно в периоды тяжелых поражений, являлось труднодостижимой задачей. Но советская власть обращалась ко всем уровням общественного правосознания. Организация на фронте профессиональных концертных и театральных выступлений сыграла важную роль в поддержании морального духа сражающихся войск. Каждый советский человек, независимо от своего места нахождения и тяжести положения, должен был чувствовать сопричастность общей борьбе. Каждый советский гражд-

данин воочию должен был видеть, что именно он является важнейшим звеном в обеспечении победы и что именно советская власть мобилизует народ на военные и трудовые подвиги. Пропаганда была обращена как к эмоциям, чувствам, переживаниям человека, так и к его разуму, логическому мышлению. Легитимность, поддержка правящей коммунистической партии укреплялась не только благодаря мобилизации материальных ресурсов и объединению всех граждан в желании жертвовать своей жизнью ради общей победы. Организация профессиональных выступлений выдающихся деятелей культуры в прифронтовой полосе воочию показывала уважение правящей партии к гражданам страны. Забота об удовлетворении потребностей людей, причем не только в быту, но и в культуре непосредственно в зоне военных действий, оказывала действенное воздействие на общественное правосознание. Подобная политика правящей партии позволяла каждому гражданину чувствовать себя не орудием, выполняющим чужую волю, а гражданином, сражающимся за свою страну и свободу. Воля правящей партии должна была быть волей народа, и данная задача, благодаря действенной пропаганде в годы Великой Отечественной войны была достигнута.

Литература

1. Герасимова Н. П. Патриотическая деятельность московских театров в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: дис. ... канд. ист. наук. / Моск. гос. ист.-арх. ин-т. М., 1988. 218 с.
2. Правда. 1941. 2 июля. С. 1.
3. РГАЛИ. Ф. 2932. Оп. 3. Ед. хр. 398. Л. 1.
4. ГАРФ. Ф. 5508. Оп. 3. Д. 103. Л. 1.
5. РГАЛИ. Ф. 962. Оп. 3. Ед. хр. 951. Л. 31.
6. Шапошникова Л. В. Сопричастность // Искусство в боевом строю. Воспоминания. Дневники. Очерки. М.: Искусство, 1985. С. 40–46.
7. РГАЛИ. Ф. 2928. Оп. 1. Ед. хр. 484. Л. 1.
8. РГАЛИ. Ф. 962, Оп. 3, Д. 1104 (1), Л.38.
9. Искусство и педагогика: хрестоматия / сост. М. А. Верб. СПб.: Образование, 1995. 293 с.

У. Н. Раимжанова

Теории семьи и современные тенденции семейных отношений в обществе

*U. N. Raimjanova. Theories of the Family and Current Trends
in Family Relations in Society*

Статья посвящена современным тенденциям семейных отношений, значимости государственных органов в сохранении и укреплении института семьи. Во многих странах мира политика власти по отношению к семье как ячейке общества проводится в зависимости от вековых традиций, нормативно-правовой базы, уровня социально-экономического развития и проблем, характерных для уклада семейной жизни в данном государстве.

Ключевые слова: семья, общество, семейные ценности, семейные традиции, духовная основа.

Контактные данные: 100140, Республика Узбекистан, Ташкентская область, Кибрайский район, Университетская ул., д. 2; (998-71) 260-48-00; e-mail: tuag_info@edu.uz.

In modern conditions, a special role in strengthening family relations can be played by the state, interested in preserving and strengthening the institution of the family. In different countries, the state policy towards the family depends on the traditions, the legislative framework, the level of economic development and the problems that characterize the course of family life in a given state.

Keywords: family, societies, family values, family traditions, spiritual basis.

Contact Details: Universitetskay St. 2, Kibrayskiy Distr., Tashkent region, Republic of Uzbekistan, 100140; (998-71) 260-48-00; e-mail: tuag_info@edu.uz.

Рост свободы функционирования групп, а также конкретных индивидов является особенностью современной жизни. Семейные традиции, которые сложились исторически, уже не настолько влияют на человеческое сознание и поведение, как раньше. Сегодня человек стремится к самостоятельному определению вариантов реализации собственных интересов и нужд, останавливая свой выбор на культуре, способствующей более полному раскрытию его индивидуальных качеств. Особая актуализация данного процесса, который начался полтора столетия назад, производится в современных условиях. Его результатом становится качественное изменение не только политической, экономической жизни различных стран и народов, но и жизнедеятельности некой малой общности, которой является семья.

По мнению Г. А. Курбанова, с одной стороны, семья представляет собой наиболее устойчивую форму организации человеческой совместной жизнедеятельности, которая позволяет обеспечивать воспроизводство человеческого рода на протяжении тысячелетий [1]. С другой стороны, как отмечает отечественный ученый Ф. Ф. Хидирова [2, с. 131], результатом глубоких преобразований во всех областях человеческого воспроизводства и развития, происходящих в мировом сообществе, стала существенная перестройка системы отношений семьи не толь-

Угилхон Намановна Раимжанова — преподаватель кафедры гуманитарных наук Ташкентского государственного аграрного университета.

© Раимжанова У. Н., 2019

ко с социумом в целом, но и с субъектами, являющимися составляющими этой малой общности. Последние десять лет в развитых мировых государствах характеризуются возникновением острого противоречия между постоянством, которое традиционно свойственно межличностным отношениям в семье и permanently меняющимся реалиям, определяющим человеческую деятельность вне семьи.

Высокие темпы обновления данных, содержания знаний, умений, а также отношений, которые появляются между человеком и окружающим его миром, невольно переносятся на современную семью. В результате семья теряет ту устойчивость связей, которая на протяжении многих столетий выступала в качестве основы ее существования.

В настоящее время происходит уход современной семьи от положения, традиционно заложенного в обществе в течение длительного исторического периода, при котором способы создания, формы существования, а также выполнение основных функций семьи определялось обществом посредством законодательной и образовательной системы, а также церкви и общественного мнения. Современные семьи стремятся к самостоятельному регулированию сексуальных отношений, времени их юридического оформления, вопросов, связанных с рождением детей, их количеством, характером отношений в бытовых вопросах, вопросах воспитания подрастающего поколения. Они в большей мере, чем прежде, самостоятельным образом решают вопросы, относящиеся к материальному обеспечению семьи, трудовому самоопределению ее членов, развитию семейного бизнеса. Семья характеризуется противоречивым процессом перехода к самоопределению всех форм ее жизнедеятельности [3, с. 40]. Под влиянием социокультурных и социально-экономических факторов, действующих в различных странах мира в те или иные исторические периоды, изменяются формы организации семьи и сама семья. Процесс преобразования отношений в семье в Узбекистане в XX столетии определялся в существенной мере сменой капитализма социализмом и возвратом к предыдущему устройству в экономической жизни. Это сопровождалось возникновением особого симбиоза организации семейной жизни, утверждавшейся идеологией коммунизма, а также реалиями перехода к экономике рыночных отношений в жестком виде.

Характеристикой трансформации узбекского общества является утверждение различных свобод, а также свободы семьи в реализации собственных функций. Семья самостоятельно, в одних случаях в вынужденной форме, а в других — в добровольном порядке, определяет число и временные рамки рождения детей, способы их воспитания, уровень получения ими образования, распределяет обязанности между супругами в бытовой жизни, формы досуга и др. Характеристики современного российского общества заключаются в расслоении и поляризации общества, увеличении количества разводов, неполных семей, обострении проблем, связанных с сиротством, безнадзорностью и беспризорностью. Противоречие, характерное для многих семей, проживающих в Узбекистане, касается требований долга выполнения членами семьи собственных обязанностей супружеского, родительского, бытового характера, правил общения с родственниками и желанием выполнения их всеми членами малой группы [4, с. 185]. Фиксируется рост обособленности в организации жизнедеятельности тех семей, которые руководствуются личным видением способов и форм обеспечения семейных комфортных условий, а не исторически сложившимися моральными принципами и религиозными представлениями.

Происходит усиление тенденции к организации жизни в семье при учете индивидуальных супружеских, родительских и детских желаний и представлений. Имеется пять приоритетных направлений развития Узбекистана с 2017 по 2021 г.,

в соответствии с которыми на глобальном уровне рассматривается развитие узбекской семьи в рамках Целей устойчивого развития ООН, а также в рамках Стратегии действий. Наряду с этим полноценная реализация реформ, которые проводятся в вопросах укрепления семейного института, и достижение установленных целей сталкиваются с препятствием, выражаемым в наличии системных недостатков и проблем, которые делают невозможным эффективность проведения политики государства в данной области, в частности:

- отсутствует действенная система координации и контроля за деятельностью тех или иных ведомств и организаций, а партнерство между государством, институтами гражданского общества и частным сектором по вопросам семейного развития характеризуется низким уровнем;
- научные исследования в вопросах укрепления семейного института являются узкопрофильными, оторванными от жизненных реалий, а внедрение их результатов характеризуется слабым практическим уровнем;
- изменяется демографическое развитие семьи, увеличивается количество разводов, исследования, обосновывающие причины проблем и негативных тенденций в данной области, не проводятся в достаточном количестве;
- ослабляется применение потенциальных возможностей культурно-исторического наследия в семье, школах, а работа по предупреждению влияния идей и взглядов, чуждых национальному менталитету, проводится неэффективно;
- законодательные основы укрепления семейного института характеризуются определенным несовершенством, отсутствует прочная правовая основа в вопросах семейной защиты и поддержки на основе изучения правоприменительной практики и передовой практики иностранных государств;
- имеется недостаток в количестве специалистов и низкая квалификация кадров, механизм прогнозирования необходимости в специалистах в образовательной системе является неналаженным, учебные программы по укреплению и развитию семейного института характеризуются несовершенством [5].

Для улучшения ситуации в данных вопросах должны реализовываться комплексные меры, связанные с совершенствованием семейного института, должно обеспечиваться тесное сотрудничество и активная роль граждан, государственных органов и институтов гражданского общества. Принимаемые меры соответствуют Указу Президента Узбекистана от 2 февраля 2018 года № УП–5325 «О мерах по коренному совершенствованию деятельности в сфере поддержки женщин и укрепления института семьи» [6]. В ходе социологического опроса «Ижтимоий фикр» [7] были выявлены наиболее важные тенденции по вопросам, связанным с семьей и браком, рождением и воспитанием детей. Эффективная государственная политика, проводимая в рамках Стратегии действий в Узбекистане, касается вопросов укрепления семейного института, духовно-нравственных принципов и норм, профилактики и предотвращения конфликтов в семьях и разводов. Современное узбекское общество в своем большинстве считает, что семья представляет собой главную жизненную ценность для граждан. Представление, доминирующее в общественном мнении, говорит о семье как о союзе людей, которые объединены родственными узами, и в качестве основания которого выступают брак между мужчиной и женщиной, а также совместное воспитание детей. По мнению большинства представителей гражданского общества (более 71 %), семья представляет собой основу государства и общества, один из фундаментальных факторов, который позволяет обеспечивать общественную и государственную стабильность.

Возраст лиц, вступающих в брачный союз, является важным критерием, который влияет на создание семьи. Респонденты считают, что мужчинам оптимально создавать семью в 24–25 лет, а женщинам — в 21–23 года. Ведь в этом возрасте молодые люди обычно уже успевают закончить обучение, приобрести профессию и стать самостоятельными и независимыми в экономическом плане [7, с. 112].

По мнению большинства узбекистанцев (более 93 %), лица, вступающие в брак, должны обязательно проходить медицинское обследование, поскольку оно является способствующим фактором для создания условий при формировании здоровой семьи, а также предупреждает о рождении детей, имеющих наследственно-генетические и врожденные заболевания. Как показали результаты исследования, по мнению абсолютного большинства граждан (почти 99 %), процедура регистрации в загсе при заключении брачного союза считается обязательной. Этот показатель является стабильным и находится на данном уровне уже в течение нескольких лет. Кроме того, большинство респондентов выступают за обязательное совершение при вступлении в брак религиозного свадебного обряда «нихох» или прохождение обряда венчания в церкви. Единство взглядов было продемонстрировано узбекистанцами в вопросах значения и необходимости благословения родителей в процессе их вступления в брак. Абсолютное большинство граждан Узбекистана (более 99 %), вне зависимости от таких критериев, как возраст, этническая принадлежность, уровень материального благополучия, называют родительское благословение обязательным условием и залогом семейного счастья, благополучия молодых людей, которые вступают в брак. Наличие детей представляет собой основной смысл и семейную ценность для большинства граждан. Более 68 % опрошенных считают, что семья с двумя или тремя детьми считается полноценной, самодостаточной и счастливой. Как было выявлено по результатам опроса, наиболее оптимальным возрастом женщины, рождающей первого ребенка, является 22–25 лет.

По мнению большинства участников опроса (более 87 %), минимальный интервал между родами должен составлять от двух до трех лет. Как считают 58 % женщин и почти 47 % мужчин, данный интервал должен составлять более трех лет [7, с. 113]. Решение о рождении очередного ребенка в большинстве семей Узбекистана обычно принимается мужем и женой. Желание иметь двух и более детей вне зависимости от пола остается основным фактором, который влияет на принятие решения о рождении очередного ребенка. Как было подтверждено исследованием, совместное проживание супругов, которые состоят в официально зарегистрированном браке, является традиционным и самым распространенным принципом семейно-брачных отношений в Узбекистане: более 87 % лиц, участвующих в опросе, отметили, что они состоят в браке. Около половины семей Узбекистана (почти 45 %) являются нуклеарными, то есть в их состав входят супруги и дети. Распространение также получили многопоколенные семьи: каждый третий респондент отметил, что в состав его семьи входят не только супруги и их дети но также и бабушки и дедушки [7, с. 113].

По результатам опроса, в качестве главы большинства семей выступает мужчина, которому принадлежит право на принятие окончательных решений по основным вопросам, касающимся как каждого члена семьи, так и семьи в целом. Именно мужчина вносит основной вклад в семейный бюджет и решает все финансовые дела, разрешает конфликтные ситуации в семье. Распределение обязанностей и функций в узбекской семье осуществляется в традиционной форме: мужчина отвечает за материальное обеспечение семьи, женщина — за воспитание детей, обеспечение комфортных жизненных условий для каждого члена семьи.

Как было выявлено в рамках исследования, в последнее время семейные отношения узбекистанцев демократизируются, фиксируется появление семьи нового типа, которая основывается на принципах равенства между мужем и женой. В качестве основания для распределения ролей и обязанностей между супругами выступает норма о равной ответственности. Увеличивается количество респондентов, которые отмечают, что женщина и мужчина в их семьях в одинаковой мере должны принимать важные решения по вопросам семейной жизни, вносить вклад в бюджет семьи, участвовать в распределении материальных ресурсов.

Как показали данные опроса, в чуть меньше половины семей (42 %) фиксируется возникновение конфликтов и ссор. Респонденты говорят, что основные их причины заключаются в отсутствии взаимопонимания между членами семьи; материальных трудностях; безответственном отношении к собственным обязанностям членов семьи; стремлении мужа или жены навязывать собственную волю, добиваться стопроцентного подчинения; пренебрежении интересами и мнением иных участников семейных отношений; равнодушии между членами семьи; пристрастии одного из супругов к алкоголю, наркотическим средствам, азартным играм; болезни одного из членов семьи и связанными с этим проблемами. Больше всего конфликтные ситуации в семейных отношениях возникают между супругами. Второе место по частоте их появления занимают отношения между невесткой и свекровью. В последнем случае причины конфликтов заключаются в деспотизме, стремлении свекрови к власти, неподготовленности невестки к жизни в семье, а также нежеланию уступать друг другу в определенных вопросах. Жители Узбекистана имеют сформированную нетерпимость отношения к насилию, проявляемого внутри семьи, а также к его самой распространенной форме — насилию к женщине: негативное отношение к семейному насилию высказали более 97 % участников опроса. Однако наряду с осуждением данного позорного явления, люди высказывают мнение о большей приоритетности сохранения семьи по сравнению с правом женщины на равноправие, защиту достоинства и безопасность.

Немаловажным фактором для большинства граждан (более 64 %) при согласовании их действий, жизненного образа и манеры поведения выступают правила и нормы, принятые в махалле. Это является свидетельством того, что она представляет собой социально значимый институт, который оказывает влияние на человеческую жизнь, характеризуется важной воспитательной и духовной ролью. Более 38 % респондентов выразили надежду на оказание морально-психологической помощи в случаях возникновения сложных семейных обстоятельств, а около 20 % респондентов отметили имеющуюся у них необходимость в материальной поддержке.

Проведенное исследование показало наличие в общественном мнении узбекистанцев установки, связанной с созданием прочных семейных отношений и сохранением долгосрочных отношений между ее членами в уважительном и доверительном порядке. Семейные разводы у большинства людей (70 %), проживающих в республике, вызывают крайне негативные эмоции. Семья для жителей Узбекистана имеет большое значение для общества в социально-нравственном плане, а супружество и родственные связи можно назвать приоритетными в системе гражданских ценностей [7, с. 112–113].

Социологический опрос показал, что узбекская семья является крепким и дружным союзом, в качестве основания которого выступают чувства любви и духовного родства, взаимоуважения и взаимопонимания между ее членами. Характеристики счастливой семьи представлены гостеприимством, трудолюбием, огромной любовью к детям, высочайшим уважением к старшему поколению. Практические меры, которые были приняты по инициативе Президента Узбеки-

стана Шавката Мирзиёева и направлены на то, чтобы укрепить семейный институт, регулировать взаимоотношение супругов, родителей и детей, нашли полную поддержку у узбекистанцев. Абсолютное большинство жителей республики выражают согласие с тем, что преобразования, происходящие в Узбекистане, способствуют повышению роли и значения семьи в обществе, а также позволяют укреплять и делать более здоровой духовно-нравственную атмосферу в семьях, позволяют создавать благоприятные и гармоничные отношения в них. Также данные преобразования, по мнению людей, участвующих в опросе, являются способствующим фактором к укреплению материального положения семей и воспитанию подрастающего поколения в духе общечеловеческих и национальных ценностей.

Литература

1. Шоумаров Ф. Б. Оила психологияси. (Академик лицей ва касб-хунар коллежлари ў увчилари учун ў ув улланма). Т.: Шарк, 2008. 296-б.
2. Хидирова Ф. Ф. Оилада кизларни мустакил оилавий х,аётга тайёрлашнинг педагогик шарт-шароитлари. пед. фан. ном. ... дис. Т., 2007. 131-б.
3. Каримова В. М. Социальные представления об узбекской семье у юношей и девушек: автореф. дис. ... док. псих. наук. Т.: 1994. С. 40.
4. Акрамова Ф. А. Оилада софлом психологик мухитни таркиб топтиришнинг ижтимоий-психологик асослари. Т.: Шамс АСА, 2014. 185-б.
5. О стратегии действий по дальнейшему развитию Республики Узбекистан: указ Президента Республики Узбекистан № УП-4947 от 7 февраля 2017 г.
6. О мерах по коренному совершенствованию деятельности в сфере поддержки женщин и укрепления института семьи: указ Президента Узбекистана от 2 февраля 2018 г. № УП-5325.
7. Убайдуллаева Р. А. Семья в Узбекистане: Традиции и современные тенденции // Мониторинг общественного мнения. 2005. № 3 (75). С. 113–114.

И. О. Федорова

Концептуальное развитие теории миграции: ассимиляция, транснационализм

I. O. Fedorova. Conceptual Development of Migration Theory: Assimilation, Transnationalism

В статье рассмотрено развитие концепций миграционной теории, делается акцент на актуальные сегодня теоретические рамки ассимиляции и транснационализма. Анализируются проблемы и трудности, с которыми сталкиваются исследователи в изучении миграции согласно современным теориям. В качестве примера приводится критика «группизма».

Ключевые слова: миграция, теория ассимиляции, транснационализм, «группизм», сегментная ассимиляция.

Контактные данные: 191000, Санкт-Петербург, ул. Марата, д. 27; (812) 602-23-24; e-mail: iriska-hime@yandex.ru.

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-311-90027.

The development of concepts of migration theory with focuses on the current theoretical framework of assimilation and transnationalism is analyzed in this article. The difficulties in the study of migration faced by researchers according to modern theories are analyzed. The critique of “groupism” is cited as an example.

Keywords: migration, the theory of assimilation, transnationalism, groupism, segmental assimilation.

Contact Details: Marata St. 27, St. Petersburg, Russian Federation, 191000; (812) 602-23-24; e-mail: iriska-hime@yandex.ru.

Acknowledgements: The reported study was funded by RFBR, project number 19-311-90027.

Международная миграция является одним из важных и непростых вопросов современности [1]. Экономические, демографические, социальные факторы, процессы глобализации, распространение транспортных и коммуникационных технологий влияют на интенсификацию миграционных потоков и сам характер миграции. Международная миграция охватывает миллионы людей по всему миру, влияя как на мигрантов, так и на коренное население. Сложность изучения миграции как процесса и мигрантов как объектов приводит ученых к необходимости применения междисциплинарного подхода. За последние десятилетия социология миграции превратилась в динамичную и многогранную область исследований.

Миграция выходит за пределы политических, социальных, экономических и правовых границ. Процесс изучения феномена миграции должен носить междисциплинарный характер. Кроме междисциплинарности, миграцию также необходимо изучать системно, мультиметодологически. Так, многие исследовательские проекты, связанные с изучением миграции, объединяют в себе количественные и качественные методы [2].

Э. Равенштейн был первым, кто попытался определить «миграционные законы» [3], которые описывают логику мобильности населения. Его подходы на-

Ирина Олеговна Федорова — аспирант кафедры социологии и управления персоналом Санкт-Петербургского государственного экономического университета.

© Федорова И. О., 2019

ходят отражение в современных неоклассических моделях, объясняющих миграционные движения. Так, 11 миграционных законов Равенштейна и его подходы явились базой для формирования следующих научных подходов: географического, объясняющего причины миграции воздействием географических факторов (К. Тейлор, Дж. Беккер), который впоследствии включал в себя социальные и экономические факторы (В. Кларк, П. Жеорж, Х. Джонс); экологического, принявшего во внимание постепенность миграции (С. А. Стоуффер, Г. К. Зипф); поведенческого (Э. Ли) и системного, являющегося сейчас приоритетным направлением в изучении миграции.

Неоклассические модели неоднократно подвергались критике. Во-первых, ученые утверждают, что решения о миграции обычно принимаются не отдельными лицами, а группами людей, главным образом внутри семей [4]. Во-вторых, эта концепция тесно связана с представлением о том, что миграция обычно происходит в рамках существующих сетей или в рамках установленной системы. В-третьих, ученые утверждают, что модели “pull and push” (притяжения и выталкивания) сталкиваются с парадоксом, почему некоторые люди решают мигрировать, при этом многие другие, сталкивающиеся с абсолютно аналогичными условиями, этого не делают [5].

Большое значение в исследованиях миграции за последние десятилетия приобрело изучение поведения мигранта на новом месте в контексте его взаимодействия с принимающим обществом. Ранняя работа по постмиграционным процессам была предпринята Томасом и Знанецким, которые в монографии «Польский крестьянин в Европе и Америке» пришли к выводу, что польские мигранты не остаются «польскими» и не становятся «американскими», а скорее, образуют новую этническую группу «польских американцев» [6]. На основе этого далее были разработаны более совершенные теории процессов ассимиляции мигрантов. Милтон М. Гордон предложил многоступенчатую модель, определяющую фазы, через которые мигранты проходят во время типичного процесса ассимиляции, приводя к полной идентификации с принимающим обществом. В своей книге «Ассимиляция в американской жизни», написанной в начале 1960-х гг., М. Гордон выделяет семь этапов ассимиляции [7]: аккультурацию (принятие норм и ценностей), структурную ассимиляцию (включение в институты принимающего общества), брачную ассимиляцию (появление и распространение смешанных браков), идентификационную ассимиляцию (связь меньшинства с большинством), поведенческую ассимиляцию (отсутствие дискриминации в отношении меньшинства), ценностную ассимиляцию (связана с отсутствием предрассудков) и гражданскую ассимиляцию (связана с отсутствием конфликта между внутренними представлениями индивида и ценностями принимающего общества). Важно заметить, что в те годы ассимиляция представлялась как единственный, естественный и неизбежный способ включения представителей иных культур в общество.

Гордон уделял большое внимание первым двум этапам — аккультурации и структурной ассимиляции. Согласно Гордону, аккультурация может происходить без других типов ассимиляции, и она может длиться бесконечно. Р. Альба и В. Ни (2003) представили свою «новую теорию ассимиляции», в которой они подчеркивают, что ассимиляция также влечет за собой адаптацию со стороны принимающего общества и его институтов [8]. Пересмотренная теория ассимиляции в понимании Р. Альбы и В. Ни предполагает сокращение культурных и этнических границ между мигрантами и принимающим сообществом. Авторы не отрицают существование доминирующей культуры. Хотя некоторые современные теории ассимиляции весьма сложны, многие исследователи миграции по-прежнему опасаются их обоснованности и их нормативных оснований.

Эти траектории в исследовании миграции населения и связанных с ней процессов оказали сильное влияние на развитие науки. Они определили ключевые направления исследований в области социологии миграции. За последние 30 лет область миграционных исследований значительно расширилась. В настоящее время исследования в области миграции подразделяются на множество специализированных областей, различающихся по формам и моделям миграции (например, вынужденной, нерегулярной, сезонной); регулированию миграции и мобильности со стороны институтов власти (например, режимами миграции и управлением миграцией) и по социальным последствиям миграции, которые касаются вопросов формирования миграции, общественного развития и политики идентичности.

В анализе процесса ассимиляции предполагается, что мигранты представляют собой группу с присущими ей чертами и свойствами. Однако в последнее время данный тезис подвергся разумной критике. Современные социологи, основываясь на большом массиве собранных данных, утверждают, что эмпирические исследования не зафиксировали у мигрантов ни групповую солидарность, ни целостность субъекта поведения, отсутствует эффективная коммуникация внутри ограниченного коллектива [9, с. 72–78].

Критика «группизма» в анализе процессов ассимиляции была поднята в исследованиях Р. Брубейкера, утверждающего, что «группа представляется беспроблемным, само собой разумеющимся понятием, которое будто бы не требует специального разбора или разъяснения. В результате мы начинаем считать само собою разумеющимся не только понятие группы, но и «группы» — мнимые вещи-в-мире, к которым относится это понятие» [10, с. 23]. С точки зрения социологии необходимо критически переосмыслить понятие группы в контексте изучения понятия «мигрант», так как он будет представлять собой человека, которого можно отнести к категории «мигрант» по ряду характерных признаков.

В конце 90-х г. в Европе получила распространение новая концепция объяснения миграции — транснационализм. Данная концепция, основываясь на объективных предпосылках повсеместного развития сети Интернет, интенсификации авиасообщений, развитии технологий для общения между людьми, говорит о том, что этнических групп и диаспор, о которых велись рассуждения ранее, больше не существует. Существуют транснациональные сети и сообщества. Мигранты в данной теории проявляют зависимость от контактов как в стране исхода, так и в новой среде. К примеру, мигранты, проживающие на территории другой страны, могут инвестировать в развитие бизнеса на родине. Транснациональные мигранты оказывают влияние как на принимающую страну, так и на страну исхода. Концепция транснационализма отражена в работах Н. Г. Шиллера [11], Н. Глазера и Д. Мойнихана [12] и др.

Если в традиционном представлении миграция характеризуется биполярной связью между страной исхода и прибытия, представляет собой индивидуальный поиск новых экономических возможностей и политических свобод, а мигранты преимущественно занимают низкоквалифицированные рабочие места, не внося значительных изменений в принимающее общество, то с точки зрения концепции транснационализма картина выглядит иначе. Миграция концептуализируется как потоки трансграничной экономической, политической и социально-культурной деятельности (быть здесь и там); миграция представляет собой результат глобализации, глобальных связей и геополитических интересов. Мигранты при этом не являются самой бедной категорией населения, они не приходят из беднейших государств. Тенденции на рынке услуг и интенсификация современных технологий создают возможности как для низкоквалифицированных, так и для высококвалифицированных специалистов-мигрантов. Важной особенностью яв-

ляется и то, что мигранты продолжают поддерживать связь со страной исхода. И миграция при этом порождает общества с более богатой культурной средой, как видно на рисунке.

Рис. 1. Активности транснациональных иммигрантов и социальные поля [13]

Благодаря развитию технологий и широкой доступности транспорта и связи, мигранты могут поддерживать более частые контакты с родными обществами, чем это было осуществлено ранее. Помимо технологий, важным фактором, способствующим транснационализму, является демографическая ситуация развитых стран. Миграция позволяет заполнять демографические пробелы, которые вызваны сокращением населения в развитых странах. Сегодня на миграцию приходится 3/5 прироста населения западных стран в целом, и данная тенденция продолжает сохраняться. В рамках концепции транснационализма, когда мигранты занимаются транснациональной деятельностью, они формируют социальные поля, которые связывают страну исхода с новой страной. Эти социальные поля представляют собой результат ряда взаимосвязанных экономических, политических и социально-культурных действий. Концепция транснационализма представляет собой идею включения людей более чем в одно сообщество. Мигранты становятся участниками особого, транснационального социального пространства, при этом самостоятельно выбирая вектор включения в общественную жизнь [14].

Одной из ключевых особенностей транснационализма является трансграничная деятельность мигрантов и мигрантских организаций. Как неформальные, так и институционализованные сети мигрантов стремятся поддерживать связи со странами исхода и в то же время развивать транснациональные связи между двумя или более обществами. Транснациональные сети мигрантов оказывают существенное влияние на глобальные модели миграции. В результате появляются новые формы транснационального предпринимательства, политического и социального участия. Диаспоры и сети мигрантов могут играть определенную роль в укреплении социальных, культурных и коммерческих связей между странами.

Экономическая транснациональная деятельность, такая как инвестиции предприятий в страну исхода и денежные переводы, распространена особо широко. Так, по оценкам Межамериканского банка развития (МБР) [13, с. 4], в 2006 г. мигранты-жители развитых стран отправили домой эквивалент 300 миллиардов долларов в виде денежных переводов, что более чем в два раза превышает уровень международной помощи. По сути, этот интенсивный приток ресурсов может означать, что для некоторых стран дальнейшее развитие неразрывно связано с экономической деятельностью их диаспор.

Политическая транснациональная деятельность может варьироваться от сохранения членства в политических партиях в стране происхождения и участия в выборах до проведения выборов на политический пост. Социально-культурная транснациональная деятельность охватывает широкий спектр социальных и культурных взаимодействий, посредством которых происходит обмен идеями и смыслами.

В целях активизации интеграционных процессов произошли важные изменения в области управления мигрантами и оказания им поддержки. Некоторые государственные органы используют телекоммуникационные технологии для более эффективного содействия интеграции мигрантов в принимающее общество. В Нидерландах и Швеции, например, применяют информационно-коммуникационные технологии для видео- и аудиообучения мигрантов. Согласно докладу Международной организации по миграции (ИОМ) [15], мигранты смогли быстрее овладеть языком принимающего населения благодаря этим технологиям, поскольку большинство из них используют мобильные и интернет-приложения на смартфонах. Германия недавно запустила приложение для смартфонов под названием «Ankommen» (прибытие), чтобы помочь мигрантам и беженцам в их интеграции. Приложение предлагает своим пользователям базовый курс немецкого языка, информацию о процессе подачи заявления о предоставлении жилья и о том, как найти работу или обучающие курсы, а также информацию о немецких ценностях и социальных нормах и обычаях. Благодаря технологическим достижениям цифровой эпохи, органы власти могут воспользоваться новым набором инструментов для лучшего понимания потребностей обслуживаемого ими населения и взаимодействия с ним. Веб-порталы или мобильные приложения на разных языках призваны улучшить доступ к государственным услугам. Так, например, в Нью-Йорке был разработан интерактивный онлайн-сервис самообслуживания NYC311, который доступен на 50 языках. Эта веб-платформа позволяет всем жителям подавать заявки на обслуживание, оставлять жалобы и получать доступ к общественной информации анонимно и конфиденциально.

Транснационализм является ключевым фактором в современном управлении миграцией. Хотя продолжающаяся и устойчивая деятельность мигрантов сама по себе не является чем-то новым, рассмотрение вопроса о том, как адаптировать миграционную политику, традиционно жестко ориентированную на национальную сферу, к управлению транснациональными связями, еще не полностью реализовано. Миграционная политика должна основываться на реалиях транснационализма, как позитивного, так и негативного, с тем, чтобы использовать преимущества, которые может принести транснационализм.

Хотя существуют неоспоримые проблемы, можно утверждать, что в целом, мигранты, занимающиеся транснациональной деятельностью, делают многое для обогащения многочисленных пространств, которые они занимают. Непосредственное участие различных заинтересованных сторон, включая правительства стран исхода и принимающих стран, местные органы власти, мигрантов и их семьи, сети мигрантов, гражданское общество и частный сектор, имеет решающее зна-

чение для укрепления партнерских связей, которые обеспечивают наилучшие результаты для всех участников миграционного процесса.

Принимая во внимание развитие обеих концепций в современной науке, можем утверждать, что миграция, как социальный феномен, побуждает нас подвергать сомнению определенные концептуальные и методологические основы социологической теории и наши представления о социальном мире. Несмотря на критику, теоретические рамки ассимиляции и транснационализма в настоящее время являются наиболее актуальными. В современных условиях под воздействием глобализации и других транснациональных явлений, еще предстоит решить много вопросов, связанных с концептуальным пониманием миграции.

Литература

1. *Castles S., Miller M. J.* The age of migration: International population movements in the modern world. 4th ed. Houndmills: Palgrave Macmillan, 2009.
2. *Vargas-Silva C.* 2012. Handbook of research methods in migration. Cheltenham: Edward Elgar.
3. *Grigg D. B. E. G.* Ravenstein and the “laws of migration” // *Journal of Historical Geography*. 1977. No. 3. P. 41–54.
4. *Taylor J. E.* The New Economics of Labour Migration and the Role of Remittances in the Migration Process // *International Migration*. 1999. No. 37. P. 63–88.
5. *Everett S. Lee* A Theory of Migration // *Demography*. 1966. Vol. 3. No. 1. P. 47–57.
6. *Thomas W., Znaniecki F.* The Polish peasant in Europe and America. New York, 1958. P. 741.
7. *Gordon M. M.* Assimilation in American Life: The Role of Race, Religion, and National Origins. New York: Oxford University Press, 1964.
8. *Alba R., Nee V.* Remaking the American mainstream: Assimilation and contemporary immigration. Cambridge. Mass.: Harvard University Press, 2003. 359 p.
9. *Луцицын П. П., Ермакова М. А.* «Группизм» в изучении миграции: плюсы и минусы категориального подхода. – Актуальные проблемы социологии и управления: межвузовский сб. науч. трудов. СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2017.
10. *Брубейкер П.* Этничность без групп. М.: Высшая школа экономики, 2012.
11. *Glick Schiller N., Basch L., Szanton Blanc C.* From Immigrant to Transmigrant: Theorizing Transnational Migration // *Anthropological Quarterly*. 1995. Vol. 68. No. 1. P. 48–63.
12. *Glazer N., Moynihan D.* Beyond the Melting Pot, Second Edition: The Negroes, Puerto Ricans, Jews, Italians and Irish of New York City. Cambridge: MIT Press, 1970.
13. *Alvaro Lima.* Transnationalism: A New Mode of Immigrant Integration // The Mauricio Gastón Institute, University of Massachusetts Boston, 100 Morrissey Boulevard, Boston, MA 02125. URL: <http://www.bostonplans.org/getattachment/b5ea6e3a-e94e-451b-af08-ca9fcc3a1b5b/> (дата обращения: 12.08.2019).
14. *Amelina A.* Transnationale Migration jenseits von Assimilation und Akkulturation: Transnationale Inklusion und hybride Wissensordnungen als konzeptionelle Alternativen zur Assimilations und Akkulturation debate // *Berliner J. fur Soziologie*. B., 2010. Bd.20, H.2. P. 257–279.
15. *McAuliffe M., Goossens A. M., Sengupta A.* Mobility, Migration and Transnational Connectivity // IOM (2017) World Migration Report 2018, IOM: Geneva.

Т. П. Богомолова, А. А. Шулуc

Институты гражданского общества в постсоветской России: основные тенденции и перспективы развития

Т. П. Bogomolova, A. A. Shulus. Civil Society Institutions in Post-Soviet Russia: Main Trends and Development Prospects

Статья посвящена теоретическим и практическим вопросам формирования и функционирования институтов гражданского общества в современной России. Выделены четыре основные группы этих институтов: политические, экономические, социальные, духовные. Охарактеризованы основные проблемы и тенденции их развития в постсоветской России.

Ключевые слова: гражданское общество, правовое государство, институты гражданского общества, проблемы функционирования институтов гражданского общества, перспективы развития институтов гражданского общества.

Контактные данные: 119330, Москва, Мосфильмовская ул., д. 35; (499) 348-20-00; e-mail: rector@imes.su.

The article is devoted to theoretical and practical issues of civil society and its institutions in modern Russia. Four main groups of these institutions — political, economic, social, and spiritual — are characterized. The authors outline main problems and trends of their development in post-Soviet Russia.

Keywords: civil society, law-based state, civil society institutions, civil society institutions' functioning problems, civil society institutions' development prospects.

Contact Details: Mosfil'movskaya St. 35, Moscow, Russian Federation, 119330; (499) 348-20-00; e-mail: rector@imes.su.

Идеи гражданского общества зародились еще в античный период и получили свое развитие в итальянских городах-республиках эпохи Ренессанса [8, с. 164]. В Новое время на эволюцию соответствующих концепций оказали большое влияние представители либеральной англо-американской традиции (А. Фергюсон, Дж. Локк, А. Смит, Т. Пейн и др.) [9, с. 75]. Ставшая классической трактовка гражданского общества как особой негосударственной сферы социума утвердилась в мире после выхода в свет в 1835 г. произведения Алексиса де Токвиля «О демократии в Америке».

Татьяна Павловна Богомолова — ректор Института международных экономических связей (ИМЭС), кандидат социологических наук.

Алексей Аннолинарьевич Шулуc — профессор кафедры экономики Института международных экономических связей (ИМЭС), доктор экономических наук, профессор.

© Богомолова Т. П., Шулуc А. А., 2019

По мнению многих исследователей, Россия относится к числу тех стран, где традиционно преобладает ориентация на государство, а не на общество. Данное обстоятельство обусловлено комплексом причин, в том числе естественно-географических (большой протяженностью территории, суровым климатом, дефицитом нормальной инфраструктуры), исторических (постоянной борьбой с внешними угрозами, расширением территорий военными средствами), социально-политических (централизацией хозяйственной и политической жизни, решающей ролью властного центра в решении большинства вопросов) [10, с. 145–146]. Перечисленные факторы оказывают существенное влияние на процессы формирования гражданского общества в России, а также на функционирование его институтов.

Поскольку предметом настоящей статьи выступают институты гражданского общества, представляется необходимым дать их исходное определение. В этой связи следует помнить о том, что одной из сущностных черт гражданского общества является высокая степень его самоорганизации [6, с. 132]. Представляется, это во многом достигается благодаря формированию и функционированию соответствующих социальных структур, получивших название институтов гражданского общества. Таким образом, в самом общем плане последние можно определить как добровольно сформировавшиеся ассоциации и организации граждан, защищенные от прямого вмешательства и произвольной регламентации деятельности со стороны органов государственной власти [7, с. 87]. Лучшему пониманию сущности рассматриваемой категории способствует выявление их соотношения с юридическими институтами: «В отличие от юридических институтов, которые представляют собой совокупность установленных законом норм и правил взаимоотношений между членами общества, социальные институты — это формы существования социальных общностей, призванные организовывать и управлять процессами совместной жизнедеятельности людей в различных сферах и отраслях общества» [3, с. 43].

Прежде чем охарактеризовать институты гражданского общества в России, необходимо сделать два замечания теоретического плана. Во-первых, как показывает история западных стран, гражданское общество возникает до правового государства, становясь важнейшим фактором появления последнего, хотя в дальнейшем их развитие идет во взаимосвязи. В России иная историческая парадигма: государство, формально провозглашенное правовым, «сверху» создавало условия для формирования гражданского общества [2, с. 25]. Данное обстоятельство решающим образом сказалось на характере и перспективах функционирования соответствующих институтов. Вследствие неглубокого и не всегда продуманного заимствования создаваемых социальных структур российское гражданское общество в целом носит преимущественно формальный характер и не обладает реальными механизмами самовоспроизводства и эффективного (а не имитационного) взаимодействия с властью.

Во-вторых, исследуемые институты так или иначе образуют масштабную систему, анализ которой предполагает ее структурирование. Одним из наиболее значимых критериев их классификации становится деление этих институтов на группы по сферам общественной жизнедеятельности. Как правило, в этой связи вычленяются четыре основные группы социальных институтов: политические, экономические, социальные и духовные. При этом следует подчеркнуть некоторую условность данного деления, поскольку один и тот же общественный институт может охватывать несколько общественных сфер. Отталкиваясь от вышеизложенных тезисов методологического плана, можно выделить следующие основные проблемы и тенденции становления исследуемых общественных структур.

В политической сфере в 90-е гг. XX в. наблюдался рост числа партий и возрастание их роли в жизни страны. Недовольство населения проводимой тогдашним президентом и правительством политикой проявлялось в первую очередь в участии в выборах, в том числе в законодательные органы (Госдуму, законодательное собрание того или иного субъекта федерации и т. д.), которые зачастую оказывались оппозиционными. Однако по различным причинам, в первую очередь из-за относительной (по сравнению с президентской) слабости законодательной власти в России, существующий курс в целом так и не был изменен. Тем не менее наличие оппозиционного органа власти заставляло президента и правительство считаться с мнением избирателей и отказываться от попыток проведения многих непопулярных реформ.

С середины 2000-х гг. обозначилась тенденция к некоторому ограничению свободы политических институтов. Так, было запрещено участие в выборах избирательных блоков, существование которых ранее позволяло сравнительно небольшим партиям преодолевать избирательный барьер. Кроме того, с 2007 г. ужесточены требования к политическим партиям: во-первых, повышен минимальный порог их членства (до 50 тысяч участников вместо 10 тысяч, как ранее), во-вторых, увеличен проходной барьер для попадания партии в законодательный орган — с 5 до 7 % (правда, через несколько лет статус-кво восстановлен).

С 2012 г. наблюдается некоторое смягчение ранее введенных ограничений: к примеру, для партий снижена планка минимального числа участников (до 500 чел.). Тем не менее сохраняющиеся по большей части жесткие нормы, а также практика их применения на местах существенно ограничивают электоральную активность небольших партий, движений, объединений граждан.

Негативной тенденцией следует признать фактическое сращивание некоторых ведущих институтов гражданского общества с государством. Прежде всего речь идет о партии «Единая Россия», которая созданной в 2001 г. на базе партии «Единство» и избирательного блока «Отечество — Вся Россия». Государство в лице федерального центра и властей на местах оказывали и оказывают данной партии существенную поддержку, в связи с чем в политический оборот вошел термин «административный ресурс». К сожалению, в современных российских условиях он оказывается куда более мощным фактором, чем личностные качества кандидатов, содержание партийных программ, актуальность их повесток и т. д. Ужесточение норм регистрации партий привело к возникновению феномена неофициальных политических объединений, которые де-факто существуют, но не признаны де-юре. Это также пагубно сказывается на формировании политической культуры и общественной активности граждан. В качестве примера можно привести партию «Другая Россия», а также фактический отказ Минюста перерегистрировать «Партию перемен».

Резюмируя вопрос о политических институтах гражданского общества, следует отметить, что непарламентские партии и движения так и не превратились в России в реальную форму общественной активности. Они значительно уступают официальным партиям по влиянию и сохраняют свое существование в основном благодаря аффилированию с властью. Примером может послужить молодежное движение «НАШИ», созданное в 2005 г. в качестве своеобразной «кузницы кадров» при поддержке администрации Президента РФ. Однако по причине имитационного характера данного объединения оно не стало органичной частью отечественного молодежного движения и сошло на нет уже к 2013 г., когда полностью утратило административный ресурс.

В *экономической сфере* следует отметить рост числа в 1990-х гг. различных предприятий и структур различных организационно-правовых форм. Однако по причине тяжелой экономической ситуации в стране данные институты не стали весомыми субъектами общественной жизни, как их аналоги на Западе. Одним из негативных факторов является следующее обстоятельство: доля малого бизнеса в экономике России почти в пять раз меньше, чем в развитых странах. А ведь именно среда малых и средних фирм с их гибкими креативными форматами производства и сбыта традиционно выступает основой возникновения многочисленных инициатив, объединений, движений экономического профиля, создаваемых «снизу». Следствием этого стала относительная немногочисленность и общественная пассивность так называемого среднего класса, т. е. граждан, занимающих промежуточное (между верхним и нижним сегментами) положение по уровню доходов и потребления материальных благ. Еще одним существенным ударом по данной социальной страте стал дефолт августа 1998 г., в результате которого капиталы и накопления миллионов людей резко обесценились. Следует отметить, что с приходом правительства Е. М. Примакова ситуация изменилась к лучшему. Еще одним позитивным фактором стало увеличение мировых рыночных цен на главные экспортные товары России (нефть, газ и прочие ресурсы). Как следствие, сложились более благоприятные условия для воспроизводства среднего класса, роста его доходов.

Таким образом, эффективность и масштабность институтов гражданского общества экономического профиля обусловлена жизнедеятельностью самозанятых россиян, т. е. граждан, не связанных с государственной службой или долгосрочными отношениями с определенными компаниями. К 2014 г. численность данной социальной группы составила 44 %, что кардинально отличается от структуры населения времен социализма, но еще не в полной мере соответствует стандартам развитого современного общества. К сожалению, нет оснований утверждать о наличии позитивных условий для роста этого слоя или о масштабных действиях государства по его поддержке.

По-прежнему сохраняются кризисные тенденции в отечественной экономике, темпы развития которой в два–три раза ниже мировых (1–1,2 % против 3,5 %). Причины этих негативных явлений кроются не во внешнеэкономической конъюнктуре, а в существенных просчетах в государственной экономической политике, которая во многом сдерживает деловую активность населения и рост его доходов (запредельно высокие ставки банковского процента, административный произвол, несоответствие мировым стандартам системы государственных программ и госуслуг, монополизм крупных компаний и госкорпораций).

Характеристику институтов гражданского общества в *социальной сфере* следует начать с семьи, традиционно рассматриваемой в качестве первичной ячейки общества. Это обусловлено тем, что тенденции развития общества вообще и гражданского общества в частности во многом зависят от прочности семейных уз, уровня реализации основных функций семьи: демографической, воспитательной, воспроизводственной и др. При рассмотрении семьи в данном ракурсе следует отметить, что с начала 1990-х гг. этот институт сталкивался с многочисленными проблемами: увеличением разводов, ростом числа аборт, падением доходов, домашним насилием и других. Вследствие этого наблюдалось снижение рождаемости, в итоге происходило постоянное сокращение населения РФ. В контексте вышеизложенного очевидно непреходящее значение комплекса государственных и общественных мер по всемерной и всесторонней поддержке института семьи в современной России.

Помимо семьи к институтам социальной сферы следует отнести большое число разнообразных объединений граждан, имеющих предметом своей деятельности, во-первых, составляющие воспроизводства человеческого потенциала общества, во-вторых, отношения между различными социальными группами. Формат данной статьи не позволяет рассмотреть их подробнее, в связи с чем ограничимся перечислением наиболее активных из них в условиях современной России. К этой группе следует отнести ассоциации ветеранов, комитеты «солдатских матерей», сообщества инвалидов, правозащитные организации.

В последнее время приобрел актуальность вопрос о деятельности некоммерческих организаций (НКО), получающих финансирование из-за рубежа. Ввиду геополитических соображений (в частности, опасений, связанных с большим числом так называемых цветных революций) российское государство проводит в отношении вышеназванных НКО крайне жесткую политику, делая их работу в РФ практически невозможной. К сожалению, зачастую это касается жизненно важных для широких слоев населения проблем. В их числе такие вопросы, как обеспечение непроемкими в нашей стране лекарствами, доступ к высокотехнологической медицинской помощи, усыновление сирот. В данном контексте нередко возникают крайне тяжелые, а порой и неразрешимые ситуации. В этой связи представляется верной следующая позиция: не следует запрещать институты гражданского общества с зарубежной поддержкой в социально значимых областях, пока не будут созданы сопоставимые альтернативные отечественные структуры [4, с. 100].

Еще один актуальный вопрос, обсуждаемый в литературе, связан с проблематикой так называемых социальных лифтов. Данный институт гражданского общества охватывает широкую совокупность инструментов, средств, каналов обеспечения социальной мобильности населения в плане его карьерного продвижения и профессионального роста. К сожалению, эффективность их функционирования в современной России крайне низка с учетом следующих обстоятельств:

- во-первых, укоренившейся практики кадровых назначений на основе лояльности, личных знакомств, а не профессионализма и деловых качеств претендентов;
- во-вторых, закрытости подавляющего большинства государственных структур, отсутствия информации о вакансиях и карьерных перспективах;
- в-третьих, резкого расширения (по сравнению с советским периодом) родственных и клановых связей в кадровой политике.

Все это вызывает отторжение и негативное отношение у большинства членов общества, их демотивацию, а также существенное усиление оттока кадров, в первую очередь высококвалифицированных, за рубеж [2, с. 28]. Процессы, характерные для становления и развития институтов гражданского общества в *духовной сфере*, во многом совпадают с охарактеризованными выше тенденциями. Период 1990-х гг. характеризуется отсутствием значительных ограничений в их деятельности со стороны государства. Этому в большой степени способствовал п. 5 ст. 29 Конституции РФ, запрещающий цензуру [1]. В то же время с 2000-х гг. государство, используя антиэкстремистское и прочее законодательство с нечеткими правовыми нормами, стало ограничивать деятельность многих институтов в данной сфере. Был создан постоянно пополняющийся список литературы, запрещенной для публичного распространения. Кроме того, на основе упомянутого законодательства признаны незаконными такие религиозные объединения, как «Свидетели Иеговы».

В то же время в отношении ряда организаций имеет место режим наибольшего благоприятствования. Это в первую очередь касается Русской православной

церкви (РПЦ), которая будучи де-юре отделенной от государства, фактически зачастую использует значительные бюджетные средства для укрепления инфраструктуры своей деятельности, а также расширения собственности за счет реституции. Кроме того, вызывает большие вопросы на предмет соответствия Конституции РФ активная деятельность РПЦ в средней и высшей школе. При декларируемом светском характере государства и его образовательной политики в действительности получило широкое распространение включение в учебные планы и воспитательную работу дисциплин и занятий религиозного содержания (в первую очередь православной направленности). Формально у родителей и обучающихся существует право выбора, но на практике это нередко оборачивается обязательностью и безальтернативностью.

Немаловажен и такой аспект проблемы: в условиях многоконфессионального общества следует быть особенно осторожными в этих начинаниях, чтобы не допустить ущемления чувств иных верующих, а также атеистов. К примеру, в средней школе в одном классе могут одновременно обучаться представители разных вероисповеданий, и попытка навязать меньшинству мнение большинства фактически означает нарушение конституционных прав первых.

Важную роль в системе социальных институтов гражданского общества играют творческие союзы, чья деятельность с середины 2000-х гг. также стала существенно ограничиваться. Широкое распространение получили случаи внешнего вмешательства в репертуарную политику театров, а также запрет на демонстрацию фильмов и спектаклей спорного содержания, вызывающих полемику в обществе. В качестве примера можно привести острые столкновения в общественном пространстве и попытки снятия с проката кинофильма «Матильда», недавний запрет на постановку в авторской редакции спектакля «Чиполлино».

В контексте рассмотрения институтов социальной сферы вызывает особый интерес вопрос о месте средств массовой информации, а также близких к ним по воздействию социальных сетей и интернет-сообществ. Представляется, они занимают особое место в структуре современного гражданского общества. Во-первых, СМИ, особенно традиционные (печать, радио и телевидение), выполняют важнейшую политическую функцию, что проявляется в предвыборной борьбе партий и кандидатов на выборные должности. Правящие политические структуры активно используют рассматриваемые институты при разработке и проведении тех или иных выводов государственной политики, а также для формирования благоприятного общественного мнения по ключевым вопросам развития страны. Во-вторых, деятельность СМИ имеет значительный экономический эффект в плане создания благоприятного инвестиционного климата, колебаний валютных и биржевых котировок.

В-третьих, несомненна важность социальной роли СМИ и особенно современных социальных сетей по налаживанию межличностных и групповых связей, общественной интеграции индивидов, коллективов, возрастных и социальных страт. Наконец, нельзя не отметить ключевую роль СМИ в воспитании людей, определении их духовных приоритетов и жизненных установок. В свете вышеизложенного представляется логичным подход к СМИ и социальным сетям как мультифункциональным институтам современного гражданского общества. Из этого вытекает тезис об их исключительной значимости, что в свою очередь предполагает необходимость постоянного равноправного диалога между гражданским обществом и правовым государством на предмет текущих и перспективных проблем функционирования этих институтов.

Что касается краткой характеристики тенденций развития отечественных СМИ, то прежде всего следует отметить, что в 1990-е гг. различные виды средств

массовой информации не испытывали ограничений со стороны власти, но отдельные их сегменты находились под фактическим контролем мощных олигархических структур. В результате имело место использование СМИ в электоральной борьбе конкурирующих властных групп и кандидатов, особенно во второй половине 1990-х гг. С начала 2000-х гг. стали набирать силу тенденции к ограничению свободы средств массовой информации, что проявилось в смене собственников и топ-менеджмента телеканалов НТВ и ОРТ. Из эфиров программ стали постепенно пропадать критические высказывания в адрес руководства страны, особенно президента. В дальнейшем стали осуществляться, с одной стороны, очищенное от негативов освещение ситуации в стране, с другой — тенденциозная подача материалов о ситуации за рубежом. С 2010-х гг. реализован комплекс мер по существенному ограничению и установлению внешнего контроля за активность граждан в интернете. Если ранее санкции затрагивали лишь единичных пользователей, то с 2010-х гг. их объектами уже стали отдельные интернет-издания, а также пользователи сети, которые подверглись наказаниям лишь за репосты чужих материалов.

Хотя антиэкстремистское законодательство в 2018 г. частично декриминализовано, уже на следующий год приняты законы о распространении заведомо ложной информации в СМИ, об оскорблении государственных и общественных институтов. В данных нормативно-правовых актах установлена административная ответственность в виде существенных (не менее 30 тыс. руб.) штрафов либо даже административного ареста. Нечеткость законодательных норм, стремление властей к ограничениям прав граждан и обвинительный по факту уклон в деятельности судебных и следственных органов создают серьезные риски конституционно гарантированному праву на свободу слова и запрету на цензуру.

В завершение статьи следует дать краткую оценку степени влияния разнообразных институтов гражданского общества на вектор развития государства и страны в целом. Представляется, что на современном этапе данное влияние минимально, что свидетельствует о недостаточном (по сравнению с ведущими странами) уровне развития гражданского общества. В качестве аргумента можно привести тот факт, что в России за последние 15 лет проведены практически без обсуждения две крайне непопулярные реформы, негативно коснувшиеся широких масс населения. Речь идет, во-первых, о так называемой монетизации льгот, осуществленной в 2004–2005 гг., во-вторых, о пенсионной реформе 2018 г.

Что касается перспектив развития исследуемых институтов, то магистральный вектор их развития следует сопрягать с переходом от декоративного, во многом имитационного их статуса к реально независимому функционированию на основе частных пожертвований и государственной поддержки, получаемой на прозрачных конкурентных условиях. В политической сфере представляется возможным прогнозировать дальнейшее расширение спектра и нового уровня зрелости политических институтов по отстаиванию прав и интересов приведет в результате к росту деловой активности населения, расширению границ среднего класса и сети экономических институтов. В социальном сегменте представляется принципиально важным усиление внимания к вопросам воспроизводства человеческого потенциала на всех уровнях, а также преодоление неблагоприятных демографических тенденций. В сфере духовной жизнедеятельности общества крайне актуальной в перспективе окажется вопрос о совершенствовании российской модели государственно-религиозных отношений в условиях многоконфессионального общества.

Литература

1. Конституция Российской Федерации: принята всенар. голосованием 12 дек. 1993 г.: с учетом поправок, внесенных законами РФ о поправках к Конституции РФ // Собрание законодательства РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.
2. *Нурлыгаянов М. Ф.* Тенденции развития гражданского общества в современной России // Теория и практика общественного развития. 2015. № 21. С. 25–30.
3. *Голубовский В. Ю., Никодимов И. Ю., Синюкова Т. Н.* Институты гражданского общества в современной России // Научные ведомости. Серия Философия. Социология. Право. 2015. № 20 (217). Вып. 34. С. 43–50.
4. *Носаненко Г. Ю.* Институализация общественных объединений в России // Балтийский гуманитарный журнал. 2013. № 4. С. 98–101.
5. *Растимешина Т. В., Антонов Ф. С.* Становление и развитие институтов гражданского общества и их взаимодействие с государством // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2019. № 1 (21). С. 168–179.
6. *Бахирин А. Б.* Большой юридический энциклопедический словарь. 2-е издание, переработанное и дополненное. М.: Книжный мир, 2008. 792 с.
7. Социологическая энциклопедия: в 2 т. Т. 2 / под ред. В. Н. Иванова. М.: Мысль, 2003. 863 с.
8. Политология: энциклопедический словарь / общ. ред. и сост. Ю. И. Аверьянов. М.: Изд-во Моск. коммерч. ун-та. 1993. 431 с.
9. *Кондрашев А. А.* Идея правового государства в России: конституционная мифология и правовая реальность // Lex Russica. 2017. № 3 (124). С. 74–88.
10. *Никитина Е. С.* Особенности и основные этапы становления гражданского общества в России // Власть. 2010. № 12. С. 145–148.

Е. В. Воскресенская, Н. Н. Жильский, Э. А. Шаряпова

Проблемы правового регулирования недропользования в современной России

E. V. Voskresenskaya, N. N. Zhil'skiy, E. A. Sharyapova. Problems of Legal Regulation of Subsoil Use in Modern Russia

В статье рассматриваются общественные отношения, которые затрагивают спорные вопросы недропользования. Актуальность темы не вызывает сомнений, так как в ст. 9 п. 1 Конституции Российской Федерации [1] определено, что: земля и другие природные ресурсы используются и охраняются в Российской Федерации как основа жизни и деятельности народов. Среди природных ресурсов особое место занимают ресурсы недр, поскольку обладают значительным объемом ценных свойств. В современной экономике России проблема эффективного недропользования, с которым связана необходимость опережающего реконструкции минерально-сырьевой базы и восполнения стратегических запасов полезных ископаемых, должна являться одним из важнейших приоритетов государственной политики России.

Ключевые слова: недропользование, строительство, градостроительная деятельность, земельные участки, полезные ископаемые, защита окружающей среды.

Контактные данные: **Е. В. Воскресенская:** 191119, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., 44а; (812) 313-39-41; e-mail: elenvoskr@mail.ru | **Н. Н. Жильский, Э. А. Шаряпова:** 190005, Санкт-Петербург, 2-я Красноармейская ул., д. 4.

The article deals with public relations that affect controversial issues of subsoil use. The relevance of the topic is not in doubt, since article 9, paragraph 1 of the Constitution of the Russian Federation [1] defines that land and other natural resources are used and protected in the Russian Federation as the basis of life and activities of peoples living in the relevant territory. Among natural resources, a special place is occupied by subsoil resources, as they have a large amount of very valuable properties. In the modern Russian economy, the problem of effective subsoil use, which is associated with the need for advanced reconstruction of the mineral resource base and replenishment of strategic mineral reserves, should be one of the most important priorities of Russian state policy.

Keywords: subsoil use, construction, urban development, land, minerals, environmental protection.

Contact Details: **E. V. Voskresenskaya:** Lermontovskiy Ave 44/A, St. Petersburg, Russian Federation, 190103; (812) 313-39-41; e-mail: elenvoskr@mail.ru | **N. N. Zhil'skiy, E. A. Sharyapova:** 2nd Krasnoarmeyskaya St. 4, St. Petersburg, Russian Federation, 190005.

Предметом постоянных научных дискуссий на протяжении многих лет в современной России являются вопросы экологической безопасности пользования недрами

Елена Владимировна Воскресенская — директор Юридического института Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики, доктор юридических наук, доцент.

Николай Николаевич Жильский — заведующий кафедрой правового регулирования градостроительной деятельности и транспорта Санкт-Петербургского государственного архитектурно-строительного университета, доктор юридических наук, профессор.

Эмма Алексеевна Шаряпова — доцент кафедры правового регулирования градостроительной деятельности и транспорта Санкт-Петербургского государственного архитектурно-строительного университета, кандидат философских наук, доцент.

© Воскресенская Е. В., Жильский Н. Н., Шаряпова Э. А., 2019

[2, с. 17; 3, с. 25; 4, с. 6; 5, с. 10; 6, с. 48; 7]. Однако далеко не все проблемы в этой области решены. В 2018 г. завершена инвентаризация выданных лицензий на пользование недрами, проведенная Минприроды России, которая показала, что каждое второе предоставленное недропользователям месторождение содержится в законсервированном состоянии [8]. Так, в отношении твердых полезных ископаемых по состоянию на 1 января 2019 г. действуют 4 219 лицензий на пользование недрами на геологическое изучение, разведку и добычу полезных ископаемых, а также разведку и добычу полезных ископаемых. По результатам проведенной инвентаризации лицензий на пользование недрами на твердые полезные ископаемые выявлена 541 лицензия, по которым имеются признаки нарушения лицензионных обязательств в части сроков ввода месторождений в эксплуатацию, в том числе в результате нарушения недропользователями сроков представления материалов для проведения государственной экспертизы по результатам завершенных геологоразведочных работ, для дальнейшей подготовки технических проектов на разработку месторождений, а также к распространенным нарушениям относится отсутствие добычи при наличии утвержденных проектных документов и календарного плана добычных работ.

В таблице 1 представлена информация о наличии запасов полезных ископаемых [9].

Таблица 1

Информация о наличии запасов полезных ископаемых в натуральном измерении и их изменении в 2018 г.

Наименование полезного ископаемого	Наличие запасов полезных ископаемых в натуральном измерении по их видам		Изменение запасов полезных ископаемых за год
	на начало отчетного года	на конец отчетного года	
Нефть (тыс. тонн)	903 764,0	9 825 269,8	78 762,18
Газ (млн м ³)	14 466 220,7	14 986 740,7	520 520,0
Золото (кг)	1 406 781,3	1 301 458,6	-105 322,7
Медь (тыс. тонн)	8 326,5	8 921,9	595,4
Руда железная (тыс. тонн)	4 480 210,0	3 916 620,2	-563 589,8
Уголь коксующийся, энергетический (тыс. тонн)	3 658 092,7	2 674 035,5	-984 057,2
Уголь бурый (тыс. тонн)	59 601,9	451 266,0	-144 749,9
Алмазы (тыс. карат)	375 354,0	291 744,8	-83 609,2

По данным открытого статистического сборника стран БРИКС за 2015 г., Российская Федерация обладает значительными запасами минерально-сырьевых ресурсов, включая нефть (29,7 млрд т), природный газ (70,0 трлн м³), уголь (275 млрд т), железную руду (110 млрд т), марганцевую руду (230 млн т), медь (97,8 млн т), свинец (17,8 млн т), цинк (59,8 млн т), бокситы (1,407 млн т), вольфрам (1,335 тыс. т), олово (2165 тыс. т), сурьму (348 тыс. т), золото (13,8 тыс. т), серебро (119 тыс. т), графит (90,4 млн т) как показано в таблице 2. За 2010–2015 гг. по большинству минерально-сырьевых ресурсов наблюдался прирост запасов на 1–13 %. К ним относятся запасы сырой нефти (от 28,2 млрд т в 2010 г. до 29,7 млрд т в 2015 г., или на 5 %), природного газа (от 67,8 трлн м³ в 2010 г. до 70,0 трлн м³ в 2015 г., или на 3 %), угля (от 273 млрд т в 2010 г. до 275 млрд т в 2015 г., или на 1 %), железной руды (от 99 млрд т в 2010 г. до 110 млрд т в 2015 г., или на 11 %), меди (от 89,6 млн т в 2010 г. до 97,8 млн т в 2015 г., или

на 9 %), сурьмы (от 315 тыс. т в 2010 г. до 348 тыс. т в 2015 г., или на 10 %), золота (от 12,2 тыс. т в 2010 г. до 13,8 тыс. т в 2015 г., или на 13 %), серебра (от 112 тыс. т в 2010 г. до 119 тыс. т в 2015 г., или на 6 %), графита (от 88,1 млн т в 2010 г. до 90,4 млн т в 2015 г., или на 3%). По ряду минерально-сырьевых ресурсов отмечается сокращение запасов: марганцевая руда (от 232 млн т в 2010 г. до 230 млн т в 2015 г., или на 1 %), свинец (от 19,6 млн т в 2010 г. до 17,8 млн т в 2015 г., или на 9 %), цинк (от 60,7 млн т в 2010 г. до 59,8 млн т в 2015 г., или на 1 %), бокситы (от 1,437 млн т в 2010 г. до 1,407 млн т в 2015 г., или на 2 %), вольфрам (от 1,481 тыс. т в 2010 г. до 1,335 тыс. т в 2015 г., или на 10 %), олово (от 2 262 тыс. т в 2010 г. до 2 165 тыс. т в 2015 г., или на 4 %) [9].

Таблица 2.

Запасы основных видов минерально-сырьевых ресурсов в Российской Федерации

Показатель	2013	2014	2015
Сырая нефть (млрд т)	29,2	29,4	29,7
Природный газ (трлн м ³)	69,3	70,3	70,0
Уголь (млрд т)	274	274	275
Железная руда (млрд т)	106	109	110
Марганцевая руда (млн т)	230	230	230
Медь (млн т)	90,8	91,9	97,8
Свинец (млн т)	19,3	19,4	17,8
Цинк (млн т)	60,3	60,3	29,8
Бокситы (млн т)	1,421	1,1414	1,407
Вольфрам (тыс т)	1,571	1,557	1,335
Олово (тыс т)	2168	2167	2165
Сурьма (тыс т)	312	344	348
Золото (тыс т)	12,9	13,1	13,8
Серебро (тыс т)	121	122	119
Графит (млн т)	88,1	90,4	–

В Российской Федерации добыча осуществляется по более чем 30 видам полезных ископаемых. По данным Роснедр и Росстата, в 2010–2017 гг. увеличилась добыча нефти (от 506 млн т в 2010 г. до 546 млн т в 2017 г., или на 8 %), природного газа (от 651 млрд м³ в 2010 г. до 692 млрд м³, или на 6 %), угля (от 322 млн т в 2010 г. до 411 млн т в 2017 г., или на 28 %), железных руд (от 306 млн т в 2010 г. до 357 млн т в 2017 г., или на 9 %), алюминия (от 5 412 тыс. т в 2010 г. до 6 000 тыс. т в 2017 г., или на 11 %), меди (от 846 тыс. т в 2010 г. до 850,9 тыс. т в 2017 г., или на 1 %), свинца (от 139,8 тыс. т в 2010 г. до 280 тыс. т в 2017 г., или в 2 раза), цинка (от 354,3 тыс. т в 2010 г. до 450 тыс. т в 2017 г., или на 27 %), олова (от 0,5 тыс. т в 2010 г. до 2,2 тыс. т в 2017 г., или более чем в 4 раза), титана (от 89 тыс. т в 2010 г. до 369 тыс. т в 2017 г., или более чем в 4 раза), золота (от 256,5 т в 2010 г. до 335 т в 2017 г., или на 31 %), серебра (от 1885 т в 2010 г. до 2200 т в 2017 г., или на 17 %), редкоземельных металлов (от 84,2 тыс. т в 2010 г. до 115,8 тыс. т в 2017 г., или на 38 %), фосфора (от 292 тыс. т в 2010 г. до 357,0 тыс. т в 2017 г., или на 22 %), калийных солей (от 7,1 млн т в 2010 г. до 8,5 млн т в 2017 г., или на 20 %), цементного сырья (от 89,8 млн т в 2010 г. до 91,9 млн т в 2017 г., или на 2 %), песков при-

родных (от 123 млн м³ в 2010 г. до 265 млн м³, или в 2,2 раза), гальки, гравия, щебня (от 177 млн м³ в 2010 г. до 247 млн м³, или в 1,4 раза). Сократилась добыча урана (от 3,5 тыс. т в 2010 г. до 3,0 тыс. т в 2017 г., или на 14 %), хромовых руд (от 526 тыс. т в 2010 г. до 509 тыс. т в 2017 г., или на 3 %), марганцевых руд (от 75 тыс. т в 2011 г. до 1 тыс. т в 2017 г., или на 99 %), никеля (от 376,2 тыс. т в 2010 г. до 298 тыс. т в 2017 г., или на 21 %), вольфрама (от 4,1 тыс. т в 2010 г. до 3,5 тыс. т в 2017 г., или на 15%), молибдена (от 5,78 т в 2010 г. до 4,23 т в 2017 г., или на 27 %), алмазов (от 42,9 млн кар в 2010 г. до 40,3 млн кар в 2017 г., или на 16 %), циркония (от 26 тыс. т в 2010 г. до 20,8 тыс. т в 2017 г., или на 20 %) и плавикового шпата (от 100 тыс. т в 2010 г. до 7 тыс. т в 2017 г., или на 93 %) как показано в таблице 3 [10].

Таблица 3

Динамика добычи полезных ископаемых в Российской Федерации в 2015–2017 гг.

Показатель	2015	2016	2017
Нефть (млн т)	535	548	546
Природный и попутный газ (млрд м ³)	634	641	692
Уголь (млн т)	372	386	411
Уран (тыс. т)	3,2	3,1	3,0
Железные руды (млн т)	334,0	333,8	335,0
Хромовые руды (тыс. т)	471	448	509
Марганцевые руды (тыс. т)	9,0	0,0	1,0
Алюминий (тыс. т)	5 661	6 095	6 000
Медь (тыс. т)	870,1	848,1	850,9
Никель (тыс. т)	309,4	289,4	298,0
Свинец (тыс. т)	171,2	272,4	280,0
Цинк (тыс. т)	388,8	42,3	45,0
Олово (тыс. т)	1,6	1,2	2,2
Вольфрам (тыс. т)	4,1	4,0	3,5
Молибден (т)	4,76	4,43	4,23
Титан (тыс. т)	348	368	369
Золото (т)	286,6	324,8	335,0
Серебро (т)	2297	2261	2200
Металлы платиновой группы (т)	143,2	134,8	137,3
Алмазы (млн кар)	42,1	40,1	40,3
Цирконий (тыс. т)	25	25,5	20,8
Редкоземельные металлы (тыс. т)	96,1	96,1	115,8
Фосфор (тыс. т)	336	347,7	357,0
Калийные соли (млн т)	8,4	8,1	8,5
Плавиковый шпат (тыс. т)	1	3	7
Цементное сырье (млн т)	96,6	87,2	91,9
Пески природные (млн м ³)	193	228	365
Галька, гравий, щебень (млн м ³)	224	224	247

Сведения об авариях с разливами нефти на предприятиях топливно-энергетического комплекса в 2018 г. представлены в таблице 4 [11]. Сравнение суммарных значений показателей деятельности нефтегазодобывающих компаний в области охраны окружающей среды за 2017 и 2018 гг. позволяет отметить незначительные снижения по всем показателям физического воздействия на окружающую среду (от 0,4 % по объему оборотной воды до 16,2 % по водоотведению на рельеф), кроме изменения площади нарушенных земель на начало года (рост 37 %). По суммарным финансовым показателям за 2017–2018 гг. наблюдался рост платы за негативное воздействие на окружающую среду (на 9,8 %) и текущих затрат на охрану окружающей среды (на 7 %), при снижении суммарного показателя инвестиций в основной капитал, направляемых на охрану окружающей среды, на 20 %. Объем недобора нефти из-за порывов нефтепроводов в 2018 г. составил 54,9 тыс. т, т. е. 1 % от общего объема добычи нефти и газового конденсата в этом же году.

Таблица 4

**Сведения об авариях с разливами нефти на предприятиях
топливно-энергетического комплекса в 2018 г.**

Предприятия	Порывы трубопроводов, случаев	Порывы нефтепроводов, случаев	Недобор нефти из-за порывов нефтепроводов, т
Нефтяные компании	13 129	7 771	53 151
Прочие производители	483	355	1770
Всего по Российской Федерации	13 612	8 126	54 921

Итак, загрязнение окружающей среды в процессе недропользования происходит в результате аварий в ходе добычи и транспортировки нефти, на опасных производственных объектах предприятий угольной промышленности, на объектах горнорудной промышленности; негативное воздействие происходит также на ликвидированных шахтах в угледобывающих районах [12; 13]. Таким образом, для современного российского государственного строительства главной задачей в пользовании недрами является разработка правовых основ недропользования, которые позволят учесть возрастающие с каждым годом экологические опасности территорий. Поэтому назрела необходимость внесения изменений в Градостроительный кодекс Российской Федерации (далее — ГрК РФ) [14]. Для устранения выявленных правовых пробелов в управленческих процедурах в сфере недропользования для достижения задач, поставленных Стратегией развития минерально-сырьевой базы Российской Федерации до 2035 года [15], предлагается ввести обязательную процедуру государственной экспертизы проектной документации, создание специализированной государственной организации, в полномочия которой будет входить осуществление государственной экспертизы проектно-технической документации. Цель такой экспертизы — проверка обоснованности технических и технологических решений проектной документации на соответствие условий пользования участками недр, соблюдения императивных требований законодательства Российской Федерации. Высказанные предложения вызваны тем, что сегодня существует нечеткость относительно того, на базе какого законодательного акта проводится экспертиза: ГрК РФ, Федерального закона «О промышленной безопасности производственных объектов» [16], Закона РФ «О недрах». Нормативно-правовые требования указанных актов надлежащим образом не согласованы между собой.

А также требуется усиление системы запретительных мер, применение современных технологий для обнаружения, сбора и захоронения опасных отравляющих веществ, углубление экологического мониторинга. Отметим, что отраслевым в сфере недропользования Законом «О недрах» [17] не регламентированы способы и методы в сфере защиты окружающей среды.

Литература

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.
2. *Крассов О. И.* Разрешенное использование и конкретное целевое назначение земельного участка // Экологическое право. 2012. № 2. С. 16–21.
3. *Мазурина Е. В.* О формировании ликвидационных фондов месторождений углеводородного сырья // Нефтегазовая геология. Теория и практика. 2010. № 5. С. 24–32.
4. *Марьин Е. В.* Финансирование охраны окружающей среды и рационального природопользования: бюджетно-правовые и налоговые механизмы // Финансовое право. 2012. № 6. С. 5–9.
5. *Хлуденева Н. И.* Правовое обеспечение экономического стимулирования в области охраны окружающей среды // Журнал российского права. 2013. № 2. С. 5–13.
6. *Шейнфельд С. А.* Зарубежный опыт правового регулирования предоставления земельных участков для целей недропользования // Нефть, Газ и Право. 2012. № 5. С. 45–52.
7. *Voskresenskaya E., Vorona-Slivinskaya L.* Development of national standards related to the integrated safety and security of high-rise buildings // E3S Web of Conferences 33, 03052 (2018) DOI 10.1051/e3sconf/20183303052.
8. О проведении инвентаризации лицензий, выданных в отношении участков недр, не введенных в эксплуатацию: доклад в Правительство Российской Федерации. URL: <https://nangs.org/docs/minprirody-rossii-doklad-v-pravitelstvo-rossijskoj-federatsii-o-provedenii-inventarizatsii-litsenzij-vydannykh-v-otnoshenii-uchastkov-nedr-ne-vedennykh-v-ekspluatatsiyu-ot-06-06-2019-g-docx> (дата обращения: 09.09.2019).
9. БРИКС. Совместная статистическая публикация. 2015; Бразилия, Россия, Индия, Китай, ЮАР/ Росстат. М.: ИИЦ «Статистика России», 2015. 235 с.
10. Российский статистический ежегодник. 2018: стат. сб. / Росстат. М., 2018. 694 с.
11. О состоянии и об охране окружающей среды Российской Федерации в 2018 году: проект Государственного доклада. URL: http://www.mnr.gov.ru/docs/proekty_pravovykh_aktov/proekt_gosudarstvennogo_doklada_o_sostoyanii_i_ob_okhrane_okruzhayushchey_sredy_rossiyskoj_federatsii/ (дата обращения: 09.09.2019).
12. *Voskresenskaya E., Zhilskiy N., Shariapova E.* Legal regulation of land granting for construction in cities with federal status // Matec web of conferences. 2018. Vol. 170. Article Number 01057 DOI 10.1051/matecconf/201817001057
13. *Voskresenskaya E., Snetkov V., Tebryaev A., Askarov Z.* Atypical real estate objects: legal regime and control system // Matec web of conferences. 2017. Vol. 106. Article Number 08055 DOI 10.1051/matecconf/201710608055
14. Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 2004 г. № 190-ФЗ (ред. от 02.08.2019) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.11.2019) // Собрание законодательства РФ. 2005. № 1 (ч. 1). ст. 16.
15. Об утверждении Стратегии развития минерально-сырьевой базы Российской Федерации до 2035 года: распоряжение Правительства РФ от 22 декабря 2018 г. № 2914-р // Собрание законодательства РФ. 2018. № 53 (часть II). ст. 8762.
16. О промышленной безопасности опасных производственных объектов: фед. закон от 21 июля 1997 г. № 116-ФЗ (ред. от 29.07.2018) // Собрание законодательства РФ. 1997. № 30. ст. 3588.
17. О недрах: закон РФ от 21.02.1992 № 2395-1 (ред. от 03.08.2018) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2019) // Собрание законодательства РФ. 1995. № 10. ст. 823.

А. В. Далинин, С. В. Аристов

Понятие осмотра места происшествия как разновидности следственного осмотра

*A. V. Dalinin, S. V. Aristov. The Concept of Inspection of the Scene
as a Kind of Investigative Inspection*

В статье анализируется понятие осмотра места происшествия как разновидности следственного осмотра. Приводятся практические примеры эффективного применения данного следственного действия при расследовании преступлений. Даны рекомендации по методике и тактике его производства.

Ключевые слова: осмотр места происшествия, вещественные доказательства, преступление, следственные действия.

Контактные данные: **А. В. Далинин:** 190103, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 44а; (812) 451-19-13; e-mail: marchenkovspb@mail.ru.

The article analyzes the issues of the concept of inspection of the scene of crime as a kind of investigative inspection. Practical examples of the effective application of this investigative action in the investigation are given in the article. Different recommendations on the methodology and tactics of its production are provided.

Keywords: inspection of the scene, investigation, crime, investigative actions.

Contact Details: **A. V. Dalinin:** Lermontovskiy Ave 44/A, St. Petersburg, Russian Federation, 190103; (812) 451-19-13; e-mail: marchenkovspb@mail.ru.

Осмотр места происшествия является важнейшим видом следственного осмотра, чаще всего используемым на практике. В свою очередь, следственный осмотр по праву может быть назван одним из самых распространенных в системе следственных действий. Это комплекс познавательных действий следователя, заключающихся в непосредственном восприятии состояний, свойств, характерных признаков и связей объектов материального мира, совершаемых с целью установления места происшествия, изучения его обстановки, обнаружения орудий, средств совершения преступления и предметов, служащих вещественными доказательствами, а также в установлении других обстоятельств, которые указывают на совершение преступления или имеют существенное значение для правильного разрешения уголовного дела [1].

Следственный осмотр — единственное следственное действие, при осуществлении которого следователь лично воспринимает последствия события с помощью своих органов чувств. Поэтому еще в XIX в. отечественные и европейские криминалисты и процессуалисты именовали его «личным» [2]. Следственный осмотр является основным, основополагающим следственным действием, обуславливающим производство всех других следственных действий. Практика показывает, что раскрытие наиболее опасных преступлений достигается путем умелого производства осмотра различных материальных объектов, оказавшихся в сфере

Алексей Валерьевич Далинин — заведующий кафедрой управления правоохранительной деятельностью Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики, кандидат юридических наук, доцент.

Сергей Владимирович Аристов — заместитель начальника 12 отдела ОРЧ № 10 ГУ МВД России по Санкт-Петербургу и Ленинградской области, кандидат юридических наук.

© Далинин А. В., Аристов С. В., 2019

действий, связанных с приготовлением, совершением и сокрытием преступлений. Неслучайно один из основателей криминалистики в России Н. П. Макаренко указывал, что «осмотр является краеугольным камнем следственных действий» [3].

Являясь действием познавательным, осмотр дает возможность лицу, производящему его, убедиться в существовании и характере фактов, имеющих доказательственное значение. Осмотр проводится с помощью различных методов познания: описания, наблюдения, измерения, эксперимента, сравнения, моделирования, технико-криминалистических методов со следами и другими вещественными доказательствами. В процессе осмотра существенное (эмпирическое) познание следователем объектов материального мира сочетается с логическим мышлением, анализом и оценкой осматриваемого. Результаты осмотра позволяют правильно определять направление и ход расследования, успех которого зависит от качества анализируемого действия. Однако, как свидетельствует практика, возможности данного действия и его значение в установлении обстоятельств расследуемого события в отдельных случаях не используются [4].

При этом задачи осмотра места преступления существенно зависят от расследуемого преступления. Так, при осмотре места происшествия — совершенного изнасилования можно выделить следующие основные задачи:

- выявить возможности инсценировки изнасилования, уточнить соответствие обстановки места происшествия объяснениям потерпевшей; проанализировать демонстративность обнаруженных следов и отсутствие следов, которые должны быть на данном месте происшествия;
- исследовать обстановку места происшествия с точки зрения возможности осуществления в данных условиях преступления, проверить близлежащие жилые и нежилые объекты на возможность услышать крики потерпевшей;
- выявить, изъять и зафиксировать следы, которые были оставлены преступником и потерпевшей на данном месте происшествия;
- осуществить поиск и выемку следов, указывающих на половой акт или покушение на него, а также выявить следы, вещественные доказательства, свидетельствующие о насильственном характере полового акта [5].

Изначально при осмотре места происшествия необходимо установить предмет и объект преступления, выяснить то, чему был нанесен ущерб и то, на что были направлены преступные действия. Это возможно установить по испорченному имуществу, обгоревшему помещению, по расположению обнаруженного трупа и т. д. При осмотре места происшествия также могут быть выяснены обстоятельства, характеризующих мотив, форму вины и цель преступления. В процессе осмотра по наличию и характеру следов определяются данные о субъекте преступления — лице, его совершившем. К примеру, по форме и размеру следов обуви можно установить пол и рост преступника, а по характеру совершенного поступка, к примеру, при взломе замка гаражной двери, — его навыки и физическую силу. Следы пальцев рук, босых ног либо брошенные документы, помогают выявить признаки лица, совершившего преступление.

Осмотр места происшествия позволяет выяснить обстоятельства, характеризующие объективную сторону преступления, выяснить механизм этого события, время, место, способ его совершения и обстоятельства, способствующие исполнению данного преступления. Например, время совершения преступления можно установить по месту, где был обнаружен труп, его состоянию либо по температуре двигателя машины в момент аварии и т. п.

В решении вопроса о том, при каких обстоятельствах совершено преступление, поможет поза трупа и наблюдающиеся на нем повреждения, брызги крови на

стене либо местоположение предметов обстановки [6]. Осмотр места происшествия имеет важнейшее значение в целях разоблачения инсценировки преступления. Так, например, часто выявляются признаки инсценировки при расследовании квартирных краж. Инсценируя квартирную кражу, лицо изменяет лишь внешние признаки обстановки, пытаясь создать представление о том, что в помещении дома, квартиры была совершена кража.

Приведем пример из следственной практики. Обвиняемый В. Д. Смирнов, обладая информацией о том, что в доме находятся ценные вещи гостей (ноутбук, мутоновая шуба и дамская сумочка), предложил гостям выйти покурить на балкон. Очень громко играла музыка. В. Д. Смирнов сказал, что ему стало плохо, и ушел в ванную комнату. В действительности он собрал ценные вещи гостей и отнес их к соседке. Возвратившись к гостям, он снова предложил сделать перекур, когда гости подошли к двери, то увидели пропажу вещей и открытую дверь. В. Д. Смирнов высказал догадку, что они, по-видимому, забыли закрыть дверь за собой изначально, а поскольку музыка играла громко, то они не услышали, что кто-то заходил. Осмотр места происшествия по данному делу позволил выявить инсценировку данного преступления [7].

Криминалистическая природа того или иного следственного действия определяется неповторимой совокупностью тактических приемов, разработанных криминалистической наукой. Это положение в равной мере относится и к тактике производства осмотра места происшествия. Хотя следует отметить, что некоторые тактические приемы, прежде всего организационного характера, присутствуют в тактике нескольких действий, но это не опровергает вышеизложенное.

Применительно к особенностям тактических приемов осмотра места происшествия следует отметить, что преимущественно они обусловлены тем, что исследуется материальная обстановка, причем ее исследование нацелено на поиск следов преступлений: поведения преступника, потерпевшего, присутствующих лиц, а кроме того — координации действий участников осмотра места происшествия, фиксации хода и результатов, в которой важное место занимает изъятие многочисленных и разнохарактерных объектов, которые могут указывать на преступление. В этом отличие тактической направленности приемов близкого во многом к осмотру места происшествия такого следственного действия, как обыск, поскольку в ходе его производства также исследуется материальная обстановка, но это делается в целях отыскания признаков маскировки скрываемых объектов, например, похищенного.

Среди классификации видов следственного осмотра существенное значение для практической деятельности имеет классификация по объектам осмотра, позволяющим выделить следующие виды осмотра:

- места происшествия;
- помещений и участков местности, не являющихся местом происшествия;
- трупа (его частей) на месте их обнаружения;
- предметов и документов;
- животных и их трупов;
- тела живого лица (освидетельствование);
- транспортных средств;
- компьютерной техники.

Все виды следственного осмотра проводятся в соответствии с требованиями уголовно-процессуального законодательства. Основания и порядок следственного осмотра предусмотрены ст. 176–180 УПК РФ [8].

М. В. Савельева в зависимости от последовательности различает два вида следственного осмотра: первоначальный и повторный [9]. Первоначальный осмотр

совершается немедленно по получении информации о происшествии, когда обстановка места происшествия еще не потеряла следы преступления и преступника. Чтобы обнаружить их, с одинаковой тщательностью осуществляется осмотр всей обследуемой обстановки. Результаты подобного осмотра могут быть весьма полными и эффективными. Необходимость повторного осмотра возникает лишь в случае сомнения в полноте и тщательности первичного осмотра.

В. Е. Эминов к обстоятельствам, которые вызывают необходимость повторного осмотра, относит следующие:

а) производство первоначального осмотра в неблагоприятных метеорологических и иных условиях (к примеру, когда первоначальный осмотр осуществлялся ночью либо в дождливую погоду, т. е. недостаточное искусственное освещение);

б) во время первоначального осмотра не применялись необходимые для обнаружения следов преступления технические средства;

в) получение в период расследования доказательств либо оперативно-розыскных данных, делающих рациональным повторный следственный осмотр объекта;

г) указание на необходимость повторного осмотра конкретного объекта, данное прокурором либо руководителем следственного органа в ходе расследования или в случае возврата дела на дополнительное расследование;

д) сомнения во всесторонности, тщательности и качества ранее произведенного следственного осмотра объекта [10].

В зависимости от объема следственный осмотр делятся на основной и дополнительный. Следователь должен произвести осмотр места происшествия качественно и полно, чтобы исключить необходимость дополнительного осмотра. В дополнительном осмотре возникает необходимость только в том случае, если в ходе расследования выясняется, что в ходе первичного осмотра какой-либо объект, участок места происшествия при первичном осмотре оказались не обследованными. В данном случае будет осмотрена не вся территория места происшествия, а только та часть, где установлены пробелы в осмотре в процессе расследования.

Приведем пример. На первоначальном этапе расследования дела о получении взяток преподавателями колледжа были изъяты и осмотрены письменные экзаменационные работы ряда студентов. В результате отклонений от нормы (дописок другим почерком, поправлений чернилами иного цвета либо оттенка, не относящихся к содержанию работы записей и т. п.) не было обнаружено.

Позднее преподаватель Р. П. Смирнов, разоблаченный в получении взяток, разъяснил, что по его установке студенты, т. е. взяткодатели, зашифровали свои работы (чтобы Р. П. Смирнов смог их разыскать среди прочих работ и взять себе на проверку именно данные работы для завышения им оценки впоследствии), не ставя порядковый номер при записи текста второго по счету задания. Данный факт послужил причиной повторной проверки этих показаний Р. П. Смирнова, т. е. необходимо повторно произвести осмотр письменных работ названных им абитуриентов — взяткодателей. Осмотр выступает в качестве дополнительного, не носящий характер осмотра всего объекта (всей работы), а лишь только установления факта отсутствия в них порядкового номера перед записью текста второго по счету задания [11].

Появление понятия «осмотр места происшествия» в советской криминалистике связано с именами таких ученых, как И. Н. Якимов, В. И. Громов, А. И. Винберг. Последний предложил рассматривать осмотр места происшествия, как «следственное действие, направленное к изучению механизма происшествия, фиксированию обстановки преступления для обнаружения, сохранения и последующего изучения следов преступления, а также различных объектов, предметов,

документов и прочего, имеющего по делу значение доказательств в целях установления обстоятельств происшедшего события» [12].

Осмотр места происшествия чаще всего является неотложным следственным действием. Поэтому неслучайно действующий УПК РФ допускает проведение осмотра места происшествия до возбуждения уголовного дела. Такое исключение для данного следственного действия законодателем сделано, потому что зачастую именно благодаря осмотру места происшествия можно установить наличие признаков преступления и принять решение о возбуждении уголовного дела. Важным моментом является то, что только при осмотре следователь с помощью своих органов чувств убеждается в существовании и характере фактов, имеющих доказательственное значение.

Практика свидетельствует о том, что место преступления не всегда совпадает с местом наступления его последствий и местом обнаружения последних. Так, при осмотре места происшествия по факту обнаружения трупа с признаками насильственной смерти установлено, что труп был одет в трусы, носки, другая одежда отсутствовала. При осмотре обращено внимание на следующее обстоятельство: носки не имели загрязнений и повреждений, характерных для ходьбы без обуви. Это послужило основанием для версии, которая впоследствии подтвердилась, что убийство совершено в другом месте [13].

Рассмотрим один пример. В ходе распития спиртных напитков в комнате общежития между двумя мужчинами произошла ссора, в ходе которой один нанес другому удары ногами в область головы, причинив потерпевшему закрытую черепно-мозговую травму. В итоге причинил тяжкий вред здоровью по признаку опасности для жизни. Смерть потерпевшего наступила в комнате общежития. Далее мужчина с целью сокрытия преступления переместил труп потерпевшего на общий балкон восьмого этажа общежития и накрыл его полимерной клеенкой, где впоследствии труп потерпевшего и был обнаружен [14].

Осмотр места происшествия производится в двух случаях:

- если преступление уже совершено и осмотр необходим в целях обнаружения следов и других вещественных доказательств, выяснения обстановки места происшествия, а равно иных обстоятельств, имеющих значение для дела;
- если имеются подозрения о совершенном преступлении и в ходе осмотра требуется установить, что именно произошло в действительности, самоубийство или убийство, пожар вследствие неисправности электропроводки или поджог и т. д.

Осмотр места происшествия осуществляется на основе единых принципов, к которым относятся неотложность; полнота и всесторонность; объективность; целеустремленность; использование научно-технических средств и методов, а также помощи специалистов; соблюдение криминалистических правил обращения с исследуемыми объектами; последовательность; методичность; привлечение сотрудников оперативных подразделений и использование информации, полученной оперативным путем; единое руководство осмотром [15]. Можно выделить следующие основные признаки осмотра места происшествия:

- осмотр места происшествия — это незаменимое следственное действие, так как его нельзя заменить никаким иным. Безусловно, для определения обстановки места происшествия можно допросить очевидцев, пострадавших, подозреваемых, однако ни один допрос не сможет целиком заменить личное восприятие следователем всей картины случившегося события;
- осмотр места происшествия — первоначальное и неотложное следственное действие, его результаты позволяют прогнозировать перспективы дальней-

шего расследования, они используются при выработке следственной версии, тем самым устанавливая верное направление в расследовании;

- осмотр места происшествия должен производиться должностным лицом, который обладает процессуальными полномочиями по производству следственных действий.

С учетом вышеизложенного можно отметить, что осмотр места происшествия является одним из необходимых следственных действий, своевременное и качественное проведение которого часто является залогом быстрого раскрытия преступления. Его результаты — начало расследования и во многих случаях единственный источник информации о преступлении.

Литература

1. Волохова О. В. Криминалистика: учебник. М.: Проспект, 2015. С. 261.
2. Кубанов В. В., Грязева Н. В. Криминалистика: учеб. пособие. Самара, 2016. С. 161.
3. Макаренко Н. П. Техника расследования преступлений. Одесса, 1925. С. 20.
4. Овчинников В. В. Осмотр места происшествия как часть процесса расследования // Актуальные проблемы уголовного права, процесса и криминалистики: материалы всерос. науч.-практ. конф. Уфа, 2018. С. 85.
5. Дубина В. М. Особенности тактики производства осмотра места происшествия по делам об изнасиловании // Развитие юридических наук: проблемы и перспективы: материалы междунар. науч.-практ. конф. М., 2015. С. 101.
6. Бабкин Л. М., Булатецкий С. В., Сушло Е. А. Осмотр места происшествия: цели, задачи, тактика // Центральный научный вестник. 2017. Т. 2, № 2. С. 35.
7. Архив дел подразделений ГСУ МВД России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области: уголовное дело № 2441587.
8. Уголовно-процессуальный кодекс РФ от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (с изменениями на 27 декабря 2018 г.) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52. Ст. 4921.
9. Савельева М. В. Следственные действия: учебник. М.: Юрайт, 2015. С. 33.
10. Эминов В. Е. Следственные действия — основа раскрытия преступлений: психолого-криминалистический анализ: практ. пособие. М.: НИЦ ИНФРА-М, 2015. С. 208.
11. Архив дел подразделений ГСУ МВД России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области: уголовное дело № 185897.
12. Винберг А. И. Криминалистика: учебник для высших учебных заведений. Ч. II. М.: Государственное изд-во юрид. литературы, 1950. С. 3.
13. Архив дел подразделений ГСУ МВД России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области: уголовное дело № 3856382.
14. Архив дел подразделений ГСУ МВД России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области: уголовное дело № 3816991.
15. Андреев А. С., Лазаренко О. Н. Осмотр места происшествия // Актуальные проблемы теории и практики раскрытия и расследования преступлений: сборник науч. ст. по материалам межвузовского науч.-практ. семинара. М., 2017. С. 19.

Е. Ю. Одинокова, Е. А. Зорина

Понятие национальной безопасности и правовые меры по ее обеспечению

*Е. Yu. Odinokova, E. A. Zorina. The Concept of National Security
and Legal Measures to Ensure It*

В статье проанализированы вопросы правового содержания термина «национальная безопасность» и приводятся мнения некоторых авторов в отношении указанного понятия. Освещены интересы и приоритеты обеспечения национальной безопасности в Российской Федерации, основные угрозы данным приоритетам, а также проанализированы меры по обеспечению некоторых интересов и приоритетов.

Ключевые слова: безопасность, национальная безопасность, стратегия национальной безопасности, интересы национальной безопасности, приоритеты национальной безопасности, правовые меры обеспечения национальной безопасности.

Контактные данные: 196105, Санкт-Петербург, Московский пр., д. 149; (812) 369-96-37; e-mail: zorina_lena@mail.ru.

The article analyzes the legal content of the term national security and provides the views of some authors on this concept. The interests and priorities of ensuring national security in the Russian Federation, the main threats to these priorities are highlighted, and measures to ensure certain interests and priorities are analyzed.

Keywords: security, national security, national security strategy, national security interests, national security priorities, legal measures to ensure national security.

Contact Details: Moskovskiy Ave 149, St. Petersburg, Russian Federation, 196105; (812) 369-96-37; e-mail: zorina_lena@mail.ru.

В современном мире в процессе существования человек сталкивается с острыми проблемами различного характера. Одной из них является проблема обеспечения национальной безопасности.

Несмотря на политику государства, различные реформы и преобразования, все же существуют разного рода негативные явления, а их количество постоянно увеличивается. Положение экономики, некачественный уровень организации государственной власти и гражданского общества, социально-политическая разрозненность общества, наличие угрозы терроризма и экстремизма, коррупция, криминализация общественных отношений, обострение межнациональных и международных конфликтов — все это, несомненно, влияет на нашу безопасность, а также создает определенный диапазон внутренних и внешних угроз безопасности любого государства. По этой причине вопросы сохранения и укрепления

Елена Юрьевна Одинокова — доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского университета Государственной противопожарной службы Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий, кандидат педагогических наук.

Елена Андреевна Зорина — начальник кафедры трудового права Санкт-Петербургского университета Государственной противопожарной службы Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий, кандидат юридических наук, доцент.

© Одинокова Е. Ю., Зорина А. Е., 2019

национальной безопасности, противодействия ее угрозам всегда актуальны. Чтобы решить данную проблему, имеющую первостепенное значение, необходимо использовать все ресурсы государства и общества, применять в совокупности мероприятия политического, экономического, социального, законодательного и нормативно-правового характера, в частности уголовно-правовые средства, а также постоянно совершенствовать все существующие меры обеспечения приоритетов и интересов национальной безопасности Российской Федерации. Только государство способно обезопасить нашу страну путем противодействия современным угрозам и гарантировать безопасность и защиту национальных интересов.

На волне различных негативных явлений, перечисленных выше, обостряется социальная напряженность и, соответственно, происходит развитие уголовной преступности, которая является одним из факторов угрозы национальной безопасности. Данные явления могут появляться извне, как источники внешних угроз национальной безопасности, к которым относятся, например, ослабление политического и экономического влияния на международном уровне, снижение оборонного потенциала страны, активизация иностранных разведывательных организаций на территории нашей страны, распространение оружия массового поражения, возникновение вооруженных конфликтов. Так, к сожалению, и внутри страны находятся источники угроз национальной безопасности, в частности коррупция, снижение научно-технического потенциала, различные виды преступлений, экономический кризис и др. Президент Российской Федерации в Послании Федеральному Собранию преимущественно обозначил вопросы внутренней политики страны, которая является, несомненно, важным элементом системы обеспечения национальной безопасности. Президент РФ подчеркнул: «Работать на стратегические цели надо сегодня. Время спрессовано. Времени на раскачку нет. При этом хочу подчеркнуть и повторить: наши проекты развития — не федеральные и тем более не ведомственные. Они именно национальные» [1]. Поэтому данные аспекты должны быть объектами уголовно-правового контроля, а это требует усовершенствования системы уголовно-правовых средств обеспечения национальной безопасности.

Вопросы обеспечения безопасности давно стали объектом научного исследования. Потребность человечества в обеспечении своей безопасности появилась с момента появления человеческого общества, она относилась и будет относиться к числу его основных мотивов деятельности. Именно стремление к ней способствовало формированию различных общественных образований, таких как род, племя, религиозные объединения, а также государственных структур (армии, органов власти и др.)

В советский период безопасность отождествлялась с государственной безопасностью. Термин «государственная безопасность» лишь отражала точку зрения руководства страны. В 1936 г. данное понятие вошло в текст Конституции СССР [2] и стало официально употребляться в различных актах и в юриспруденции, однако никаких разъяснений о значении данного понятия не было. В данный период все должны были придерживаться положений о том, что безопасность государства находится в приоритете над безопасностью личности и общества, а права человека и гражданское общество находятся под четким контролем государства. Советские власти и ученые предпочитали использовать термины «безопасность» и «государственная безопасность».

В современной науке термин «безопасность» и его отдельные составляющие, виды («национальная безопасность») используется достаточно часто и развит достаточно широко. Впервые термин «безопасность» лишь упоминается, но не раскрывается в Федеральном законе от 20 февраля 1995 г. № 24-ФЗ «Об информа-

ции, информатизации и защите информации» [3]. Ныне данный нормативный акт не действует. Основным и первостепенным источником, в котором содержалось понятие безопасности являлся Закон от 5 марта 1992 г. № 2446-1 «О безопасности» [4]. В нем под безопасностью понималось «состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз». Данный нормативный акт утратил силу. В настоящее время действует новый, сменивший прежний Федеральный закон «О безопасности» от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ [5]. Четкого определения безопасности в нем нет. Но тем не менее, изучив первую статью данного нормативного акта, можно отметить, что в ней определены основные принципы безопасности, полномочия органов власти в области ее обеспечения, а также содержание деятельности по ее обеспечению. Указывается, что обеспечение безопасности в целом означает обеспечение безопасности государства, общества, личности, экологической безопасности и иных видов, национальная безопасность является термином достаточно широким и включает в себя все виды безопасности. В данном документе «безопасность» и «национальная безопасность» считаются тождественными терминами.

Впервые термин «национальная безопасность» раскрывается в Послании по национальной безопасности Президента Российской Федерации Федеральному Собранию [6]. Определено, что «национальная безопасность понимается как состояние защищенности национальных интересов от внутренних и внешних угроз, обеспечивающее прогрессивное развитие личности, общества и государства». По сравнению с существующим определением на тот момент «жизненно важные интересы» стали отождествляться с «национальными» и стал подчеркиваться аспект не только безопасного существования личности, общества и государства, но и их развития.

Исследуя «эволюцию» данного термина можно отметить, что в ныне действующей Концепции национальной безопасности, утвержденной Указом Президента РФ от 10 января 2000 г. № 24 «О Концепции национальной безопасности Российской Федерации» [7], также рассматривалось исследуемое понятие. Под национальной безопасностью Российской Федерации понимается безопасность ее многонационального народа как носителя суверенитета и единственного источника власти в Российской Федерации. Стоит отметить, что по сравнению с настоящим временем, в значении данного термина не включают понятия «государство» и «государственные интересы», т. е. на тот момент главный акцент при определении значения исследуемого термина был на социальной составляющей, на народе.

Существует базовый документ стратегического планирования, который определяет национальные интересы, национальные приоритеты РФ, а также цели и задачи внутренней и внешней политики государства на долгосрочную перспективу. В настоящее время действует Указ Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». В Стратегии под национальной безопасностью понимают «состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, которое позволяет обеспечить конституционные права, свободы, достойные качество и уровень жизни граждан, суверенитет, территориальную целостность и устойчивое развитие Российской Федерации, оборону и безопасность государства» [8]. На наш взгляд, данный термин четко отражает действительное понимание национальной безопасности. Она включает в себя оборону страны и все виды безопасности, предусмотренные Конституцией Российской Федерации и законодательством Российской Федерации, т. е. содержание термина «национальная безопасность» значительно расширилось.

Существует много подходов к пониманию термина «национальная безопасность». Например, М. В. Александров считает, что национальная безопасность — это «совокупность факторов, обеспечивающих жизнедеятельность государства в системе международных отношений, его способность отражать возникающие внешние угрозы и действовать в соответствии со своими национальными интересами» [9]. Теоретик отождествляет национальную безопасность с государственной, упуская, на наш взгляд, очень важные социальные составляющие, общество и личность. Но в то же время такой подход в принципе возможен. В международном праве «нацию» отождествляют с «государством» и «страной», существует универсальная международная организация, которая так и называется Организация Объединенных Наций. Она включает в себя все государства-члены, и Россия не исключение. С этой точки зрения правовед считает, что государственная и национальная безопасность — термины равнозначные.

Таким образом, анализируя понятия, предложенные теоретиками и нормативными актами, можно сделать вывод, что термин «национальная безопасность» является многоаспектным и сложным понятием, его объект достаточно широк. Объект включает в себя не только общество, нации, проживающие на территории нашей страны, но и непосредственно государство с входящими в него институтами, его экономическую систему, обычаи, язык и традиции. Соответственно, понятие безопасности является более узким понятием. Исходя из рассмотренных нормативных актов и определений различных теоретиков, понятие национальной безопасности включает в себя оборону и все виды безопасности, которые находятся под надежной уголовно-правовой охраной. Уголовный кодекс РФ и различные меры уголовно-правового характера помогают бороться с преступлениями в данных сферах и обеспечивать безопасность нашей страны.

Обеспечение национальной безопасности является одной из самых главных задач нашего государства. Для того, чтобы выработать меры по обеспечению безопасности в Российской Федерации, необходимо обозначить приоритеты и интересы нашей страны в данной сфере. Существует базовый документ, который определяет приоритеты и интересы национальной безопасности в Российской Федерации. Данные вопросы регулируются Стратегией национальной безопасности, которая по сравнению с предыдущей, утратившей силу Стратегией, имеет бессрочный характер, что подчеркивает важность интересов и приоритетов как в настоящее время, так и в перспективе, а также опасность современных угроз. В соответствии со ст. 6 раздела «Общие положения» определяется, что «национальные интересы Российской Федерации — объективно значимые потребности личности, общества и государства в обеспечении их защищенности и устойчивого развития», а стратегические национальные приоритеты Российской Федерации определяются как «важнейшие направления обеспечения национальной безопасности».

Согласно разделу 3 ст. 30 указа Президента от 31 декабря 2015 г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» к национальным интересам на долгосрочную перспективу относятся:

1. Укрепление обороны страны, обеспечение незыблемости конституционного строя, суверенитета, независимости, государственной и территориальной целостности Российской Федерации.
2. Укрепление национального согласия, политической и социальной стабильности, развитие демократических институтов, совершенствование механизмов взаимодействия государства и гражданского общества.
3. Повышение качества жизни, укрепление здоровья населения, обеспечение стабильного демографического развития страны.

4. Сохранение и развитие культуры, традиционных российских духовно-нравственных ценностей.
5. Повышение конкурентоспособности национальной экономики; закрепление за Российской Федерацией статуса одной из лидирующих мировых держав, деятельность которой направлена на поддержание стратегической стабильности и взаимовыгодных партнерских отношений.

Чтобы обеспечить указанные национальные интересы, необходимо постоянно реализовывать национальные приоритеты. Это возможно с помощью специальных правовых мер. Раскроем некоторые приоритеты государства и правовые меры по их реализации. Так, в соответствии с Федеральным законом от 31 мая 1996 г. № 61-ФЗ «Об обороне» под обороной понимается «система политических, экономических, военных, социальных, правовых и иных мер по подготовке к вооруженной защите и вооруженная защита Российской Федерации, целостности и неприкосновенности ее территории» [10]. Это — важная функция, которая обеспечивает безопасность нашего государства от потенциальных внешних и внутренних угроз.

Стратегией предлагаются различные меры по обеспечению указанного приоритета, к которым относятся меры политического, военного, дипломатического, экономического, информационного, военно-технического и иного характера. Они предусматривают необходимость постоянного совершенствования военной организации путем оснащения вооруженных сил, наращивания оборонного потенциала, повышения мобилизационной готовности, готовности сил и средств гражданской обороны. Помимо военных средств и мер, в приоритете в первую очередь должны стоять миротворческие начала, средства невоенного реагирования, механизмы дипломатии и международное сотрудничество. Также очень важным в деле обеспечения данного направления представляется своевременное выявление военных опасностей и угроз, что поможет усовершенствовать военную организацию государства и вовремя принять то или иное решение.

На пути обеспечения государственной и общественной безопасности существует большое количество угроз, которые нарушают безопасность государства и общества. К таким относят разведывательную деятельность специальных организаций, которая наносит ущерб национальным интересам, деятельность преступных, террористических и экстремистских организаций, коррупцию, стихийные бедствия и катастрофы и др. К нормативным правовым актам, регулирующим отношения в сфере государственной и общественной безопасности, относятся Федеральный закон «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» от 21 декабря 1994 г. № 68-ФЗ, Федеральный закон «О пожарной безопасности» от 21 декабря 1994 г. № 69-ФЗ, Федеральный закон «О противодействии коррупции» от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ, Федеральный закон «О противодействии терроризму» от 06 марта 2006 г. № 35-ФЗ [11–14], Уголовный кодекс РФ, который предусматривает ответственность за совершение общественно опасных посягательств на государственную, общественную безопасность и безопасность личности, и другие акты. Многие современные научные статьи исследуют данную тему, что подтверждает неподдельный научный интерес [15; 16].

В настоящее время для обеспечения государственной и общественной безопасности и пресечения вышеуказанных угроз необходимы следующие меры: усиление роли государства как гаранта безопасности, совершенствование структуры органов и повышение эффективности их деятельности, повышение роли системы профилактики борьбы с преступностью, создание механизмов нейтрализации конфликтов, как социальных, так и межнациональных, а также совершенствование систем выявления и оценки угроз по различным видам национальной безопасности. Например, безопас-

ность в сфере защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера обеспечивается с помощью единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций. Необходимо постоянно совершенствовать и развивать данную систему, обновлять оборудование, внедрять современные новейшие средства оповещения населения, а также взаимодействовать с аналогичными иностранными системами, что помогает черпать что-то новое и полезное из опыта зарубежных стран.

Правовое регулирование в области обеспечения национальной безопасности представлено большим разнообразием нормативных правовых актов. Законодательство содержит понятие национальной безопасности, ее составные элементы, которые представлены различными ее видами. Например, государственная, общественная, информационная, экологическая, экономическая, транспортная, энергетическая и иные виды безопасности. Однако в настоящее время в законодательстве отсутствует легальное определение понятия безопасности, что является, на наш взгляд, проблемой в правовом регулировании данного вопроса. Поскольку есть разность в понятийном объеме терминов «безопасность» и «национальная безопасность». Современный ФЗ «О безопасности» № 390, являясь общим отправным законом для остальных законов, к сожалению, не содержит такого понятия, что может создать проблему противоречий между различными актами. Таким образом, существует множество негативных факторов, которые оказывают наибольшее отрицательное влияние на обеспечение национальных интересов. Положительным моментом данной проблемы является тот факт, что государство закрепило законом национальные интересы и приоритеты, а значит, провозглашая их, оно готово встать на их защиту и реализацию. Поэтому для каждого направления предлагаются определенные меры, которые гарантируют обеспечение национальной безопасности.

Литература

1. Послание Президента РФ В. В. Путина Федеральному Собранию РФ от 20 февраля 2019 г. // Российская газета. 2019. 21 февр.
2. Статья 14 главы 2 Конституции (Основной закон) СССР (утв. постановлением Чрезвычайного VIII Съезда Советов СССР от 5 дек. 1936 г.)
3. Об информации, информатизации и защите информации: федер. закон от 20 февр. 1995 г. № 24-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1995. № 8. Ст. 609 (утратил силу).
4. О безопасности: закон РФ от 5 марта 1992 г. № 2446-1 (ред. от 26.06.2008) // Российская газета. 1992. 6 мая (утратил силу).
5. О безопасности: федер. закон от 28 дек. 2010 г. № 390-ФЗ (ред. от 05.10.2015) // Российская газета. 2010. 29 дек.
6. О Послании по национальной безопасности Президента Российской Федерации Федеральному Собранию: постановление СФ ФС РФ от 8 авг. 1996 г. № 326-СФ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 34. Ст. 4059 (утратило силу).
7. О Концепции национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента РФ от 10 янв. 2000 г. № 24 // Собрание законодательства РФ. 2000. № 2. Ст. 170 (утратил силу).
8. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента РФ от 31 дек. 2015 г. № 683 // Собрание законодательства РФ. 2016. № 1 (ч. II). Ст. 212.
9. Александров М. В. О концепции национальной безопасности нашей страны // Международная безопасность. Национальные и глобальные аспекты. Дайджест 1. М., 1990. С. 28–29.
10. Об обороне: федер. закон от 31 мая 1996 г. № 61-ФЗ (ред. от 03.08.2018) // Российская газета. 1996. 6 июня.
11. Российская газета. 1994. 24 дек.

12. Собрание законодательства РФ. 1994. № 35. Ст. 3649.
13. Собрание законодательства РФ. 2008. № 52 (ч. 1). Ст. 6228.
14. Российская газета. 2006. 10 марта.
15. *Немченко С. Б.* Стратегические направления развития функции государства по предупреждению и ликвидации чрезвычайных ситуаций // Право и политика: теоретические и практические проблемы: сб. материалов IV Междунар. науч.-практ. конф., посвященной 100-летию Рязанского гос. ун-та им. С. А. Есенина. Рязань, 2015. 104 с.
16. *Малько А. В., Немченко С. Б., Смирнова А. А.* Правовая политика в сфере обеспечения пожарной безопасности, гражданской обороны, чрезвычайных ситуаций и ликвидации последствий стихийных бедствий (обзор материалов «круглого стола») // Государство и право. 2015. № 5. С. 118–125; № 6. 123 с.

А. Б. Черных

Проблема соотношения института коммерческой тайны и смежных правовых категорий

А. В. Chernykh. The Problem of Correlation Institute Commercial Secrets with Adjacent Legal Categories

В статье рассматривается правовая проблема соотношения правового института коммерческой тайны и смежных правовых категорий. Информация, обладающая коммерческой ценностью, с позиции получения конкурентного преимущества — это не вся совокупность коммерческой информации, а лишь ее часть. Анализ дефиниций «конфиденциальная информация» и «коммерческая тайна» позволил определить их как целое и часть и обосновать необходимость нормативного закрепления понятия «конфиденциальная информация» в качестве родового по отношению к понятию «коммерческая тайна».

Ключевые слова: конфиденциальная информация, коммерческая тайна, служебная тайна, перечень сведений, составляющих коммерческую тайну.

Контактные данные: 190103, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 44/а; (812) 313-02-40; e-mail: antonina_komar@mail.ru.

The article deals with the legal problem of correlation of the legal institution of trade secrets with related legal categories. Information with commercial value, from the position of obtaining a competitive advantage, is not the whole set of commercial information, but only a part of it. The analysis of the definitions of confidential information and trade secrets allowed us to define them as a whole and part and justify the need for normative consolidation of the concept of confidential information as generic in relation to the concept of trade secret.

Keywords: confidential information, trade secret, official secret, list of information constituting a commercial secret.

Contact Details: Lermontovskiy Ave 44/A, St. Petersburg, Russian Federation, 190103; (812) 313-02-40; e-mail: antonina_komar@mail.ru.

Предпринимательская и производственная деятельность основывается на использовании различного рода экономической, технической и правовой информации: это может быть информация о процессе производства, так называемом ноу-хау, патенты и полезные модели, представляющие собой промышленную собственность; это может быть различного рода инсайдерская информация, различные базы данных, клиентские базы и другое.

Информация, используемая предприятиями и организациями в их коммерческой деятельности, достаточно разнообразна. Можно выделить следующие группы:

- информация, непосредственно связанная с субъектом предпринимательской деятельности (общие данные о размере и составных частях уставного капитала, данные об учредителях);
- сведения о видах деятельности, лицензиях, месте регистрации и нахождении компании и ее филиалов, контактные данные;

Антонина Борисовна Черных — доцент кафедры трудового права и социального обеспечения Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики, кандидат социологических наук.

© Черных А. Б., 2019.

- статистические данные о составе и количестве персонала, подразделений, выпуске продукции, количестве партнеров и прочем;
- информация, связанная с технологиями производства товаров, услуг либо как с технологиями производства торговых операций (комплексное описание самих технологий, описание отдельных технологических операций, приемов, способов, методов и прочего);
- финансовая и планово-экономическая информация;
- аналитические данные, результаты маркетинговых исследований, данные SWOT-анализа и другие;
- иная информация (клиентские базы и деловая переписка).

Ценность коммерческой информации для получения конкурентного преимущества различна. Вся совокупность информации, используемой для хозяйственной деятельности, можно условно разделить на три больших раздела:

- сведения, находящиеся в открытом доступе;
- сведения, распространение которых ограничено какими-либо условиями;
- засекреченные сведения.

Следовательно, информация, обладающая коммерческой ценностью, с позиции получения конкурентного преимущества — это не вся совокупность коммерческой информации, а лишь ее часть. В особом правовом режиме нуждается только та информация, которая имеет ценность в связи с ее неизвестностью третьим лицам. Таким образом, понятие «коммерческая информация», по роду описываемых им объектов более обширное по отношению к понятию «коммерческая тайна». Именно обладание подобной информацией зачастую определяет конкурентные преимущества на рынке и обеспечивает успех деятельности хозяйствующих субъектов. Установление специального режима охраны для информации, составляющей коммерческую тайну, есть инструмент сохранения правообладателем своего монопольного права на владение ею, что обеспечивает сохранение ее коммерческой ценности.

Список сведений, составляющих коммерческую тайну, каждый правообладатель определяет самостоятельно. В ряд этих сведений чаще всего входит информация, касающаяся содержания и хода производимых хозяйствующим субъектом исследований и научно-производственных разработок, результатов экспериментальной деятельности и результатов тестирования нового оборудования, его конструктивных характеристик, некоторые формулы либо алгоритмы технологических процессов, детальная информация о составе и описание промышленных образцов и полезных моделей, способы защиты результатов интеллектуальной деятельности, кодовые комбинации охраняемых систем для обеспечения охраны физических объектов, условия заключения контрактов, данные о составе и объеме сырья, некоторые статистические данные и другое. Данные сведения подлежат засекречиванию, если потеря или разглашение этой информации неизбежно приводит к потере конкурентного преимущества перед контрагентами на рынке, наносит ущерб имущественным интересам, способствует появлению затрат, которых в ином случае можно было бы избежать, ведет к потере прибыли или росту себестоимости производимых предприятием товаров или услуг, приводит к репутационным потерям и другим негативным последствиям.

В условиях жесткой конкуренции возможно неправомерное использование информации, определяющей конкурентные преимущества. Это может не только создавать угрозы экономической безопасности хозяйствующих субъектов, но и поставить под удар существование бизнеса. Таким образом, только та коммерческая информация, которая определяет успешность бизнеса, используется в бизнес-процессах, или имеет некоторую коммерческую ценность, нуждается в за-

щите, и может быть определена ее обладателем как коммерческая тайна. Информация, составляющая коммерческую тайну, — явление специфического характера, представляющее собой инструмент добросовестных конкурентных отношений хозяйствующих субъектов. Правовое закрепление института коммерческой тайны продиктовано объективной необходимостью и спецификой рыночных отношений.

Информация, составляющая коммерческую тайну, представляет собой (наряду с информацией, составляющей служебную тайну) особую категорию конфиденциальной информации. В четвертой части Гражданского кодекса Российской Федерации она определена как секреты производства (ноу-хау).

Отличием понятия «коммерческая тайна», закрепленного законодательно, является то, что перечень конфиденциальных сведений и сведений, составляющих тот или иной вид служебных тайн, нормативно регламентирован, а перечень информации, составляющей коммерческую тайну, определяется каждым собственником индивидуально. Решение о включении либо невключении той или иной информации в коммерческую тайну принимается правообладателем в зависимости от коммерческой ценности этой информации для хозяйствующего субъекта, в плане обеспечения ему конкурентных преимуществ. Вслед за современными требованиями практики реализации прав собственности на коммерческую тайну, а также прикладного характера правоприменения следует определить понятие коммерческой тайны и выделить ее среди ряда объектов интеллектуальной собственности и разновидностей информационных ресурсов.

Согласно ст. 128 Гражданского кодекса РФ [1] к объектам гражданских прав относятся и охраняемые законом результаты интеллектуальной деятельности, и приравненные к ним средства индивидуализации (интеллектуальная собственность), т. е. коммерческую тайну как объект интеллектуальной собственности можно отнести к объектам гражданских прав. Для обеспечения охраноспособности интеллектуальной собственности отечественное законодательство предоставляет целый спектр инструментов. Примером может служить патентное право. Тем не менее институт коммерческой тайны не идентичен институту интеллектуальной собственности и, соответственно, требует разработки, дальнейшего совершенствования специфических инструментов своей защиты.

При анализе категории «коммерческая тайна» следует обратить внимание на ряд существенных особенностей. Во-первых, объекты интеллектуальных прав или результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации всегда обладают той или иной действительной ценностью, в отличие от объектов коммерческой тайны. Коммерческая тайна — это сведения, которые могут иметь потенциальную ценность, определить которую в стоимостном эквиваленте зачатую возможно лишь приблизительно. Иными словами информационные объекты, составляющие коммерческую тайну, могут в дальнейшем влиять на возможность приобретения правообладателем конкурентных преимуществ. Во-вторых, следует отметить, что информация, составляющая коммерческую тайну, может и не представлять собой результат интеллектуальной деятельности ее обладателя. Это могут быть сведения статистического характера, иные комбинированные сведения. К таким сведениям, например, можно отнести различные базы данных, которые представляют собой лишь перечень информации, находящейся в открытом доступе и являющейся общественным достоянием. Тем не менее многие хозяйствующие субъекты могут понести значительные потери при разглашении подобных баз данных. Возникает предположение, что подобная информация, составляющая коммерческую тайну, не может являться объектом исключительных прав что коренным образом отличает ее от результатов интеллектуальной деятельности и

средств индивидуализации. Имеющаяся у правообладателей интеллектуальной собственности монополия на создание и использование объекта у субъектов права на информацию, составляющую коммерческую тайну, не возникает.

В практике правоприменения все это «вылилось» в проблему реализации права судебной защиты коммерческой тайны: существует разночтение в понимании содержания понятия «коммерческая тайна» у судов общей юрисдикции и арбитражных судов. В частности, Федеральный арбитражный суд Поволжского округа не признал клиентскую базу в качестве сведений, составляющих коммерческую тайну [2]. Решением мирового судьи судебного участка № 4 Красногорского района города Каменск-Уральска подобная база была признана таковой, а сотрудник, воспользовавшийся сведениями клиентской базы без согласия владельца, был признан виновным [3].

Качественным отличием института коммерческой тайны, на наш взгляд, является то, что результаты интеллектуальной деятельности, охраняемые в рамках института исключительных прав, вещественно закреплены в какой-либо форме на материальном носителе, и законом охраняется именно эта форма их закрепления. Между тем коммерческая тайна свою ценность содержит в составе самой информации, а не в ее форме закрепления. Потеря обладателем монополии на состав, содержание самой информации, составляющей коммерческую тайну, приводит к потере ее коммерческой стоимости и, как следствие, к потере хозяйствующим субъектом конкурентного преимущества на рынке. Таким образом, проявляется еще один признак: субъектом права на коммерческую тайну может выступать только хозяйствующий субъект, в отличие от прав на результаты интеллектуальной деятельности.

В-третьих, если понятие интеллектуальной собственности предполагает известный перечень объектов — результатов интеллектуальной деятельности (полезные модели, изобретения, промышленные образцы, товарные знаки и другие объекты) то к коммерческой тайне может быть отнесен достаточно широкий спектр сведений, которые не представляется возможным описать заранее, без относительно к конкретным условиям коммерческой деятельности конкретного хозяйствующего субъекта, а следовательно, невозможно данный перечень не только составить, но и закрепить законодательно. Это могут быть сведения, связанные с производством технической, организационной, технологической и экономической информации. И еще одно важное условие — все эти сведения становятся коммерческой тайной, если:

- 1) обладают коммерческой ценностью;
- 2) имеют монопольного правообладателя и не являются общественным достоянием;
- 3) правообладатель предпринимает ряд разумных мер в правовом поле для ограничения доступа к сведениям, составляющим коммерческую тайну;
- 4) не попадают в ряд сведений, ограничение доступа к которым запрещено законодательно.

В-четвертых, определение перечня сведений, относящихся к коммерческой тайне, относится к правам самого хозяйствующего субъекта. Никто за него не может определить, какая именно информация будет охраняться, каков перечень мер охранительного характера. Более того, перечень сведений, составляющих коммерческую тайну, всегда будет индивидуален и будет зависеть от конкретных условий и коммерческих обстоятельств, т. е. всегда будет носить прикладной характер. Соответственно, в случае, если правообладатель по каким-либо причинам не хочет патентовать в установленном законом порядке и каким-либо образом обнародовать некоторые субъективно важные, или ключевые для выжива-

ния бизнеса результаты интеллектуальной деятельности, то коммерческой тайной вполне может быть объявлен объект, вполне попадающий под патентные требования и в иных случаях могущий быть запатентованным.

После введения в законодательство понятия коммерческой тайны неоспоримым его преимуществом перед патентным инструментом сохранения конфиденциальной информации как совокупности сведений, относящихся к секретам производства, является неограниченность срока ее охраны. Само понятие коммерческой тайны действительно до тех пор, пока сохраняется фактическая монополия собственника на информацию, ее составляющую, и предпринимаются разумные, правовые, меры по ее охране.

Как уже было указано, совокупность сведений, составляющих либо могущих обеспечить конкурентное преимущество своим правообладателям на высококонкурентном рынке — это есть информация, по своей природе нематериальный объект. Речь идет о правой проблеме, поскольку юридическая наука пока не может предложить эффективных правовых инструментов для ограничения доступа и обеспечения конфиденциальности, так как информация не может сама по себе служить объектом, на который за кем-либо может быть закреплено исключительное право. Если к информации уже имеется доступ, то она является всеобщим достоянием и не может быть никоим образом монополизирована каким-либо конкретным лицом.

Категория «коммерческая тайна», если рассматривать ее как объект гражданских прав имеет ряд сходных признаков с категорией «информация». В частности, коммерческая тайна, как и информация, имеет нематериальный характер, обладает признаком универсальности, трансформируемости и непотребляемости, способностью к копированию, воспроизведению и накоплению. Информация, как и коммерческая тайна, может быть сохранена у передающего субъекта и зафиксирована на материальных носителях. Таким образом, коммерческая тайна обладает всеми признаками, присущими информации. Следовательно, коммерческой тайной как объектом гражданских прав может быть признана только та информация, которая зафиксирована на материальном носителе, поскольку хранение, распространение этой информации может осуществляться только с помощью материальных носителей. В этом смысле информация, представляющая собой коммерческую тайну, ничем не отличается от объектов интеллектуальных прав как разновидности информационных ресурсов.

Определение понятия «конфиденциальная информация» закреплено в ст. 2 Закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ [4], где под конфиденциальной информацией понимают определенные сведения, которые не подлежат без согласия их обладателя передаче и распространению лицом, получившим к ней доступ. Конфиденциальной становится та информация, доступ к которой ограничен законодательно. Коммерческую тайну можно отнести к конфиденциальной информации, поскольку коммерческая тайна становится таковой только в случае обеспечения собственником режима тайны. Законодателем в законе «О коммерческой тайне» от 29 июля 2004 г. № 98-ФЗ [5] установлено право и обязанность обладателя к принятию по отношению к ней мер охранительного характера. В п. 5 Перечня сведений конфиденциального характера (утв. указом Президента РФ от 06 марта 1997 г. № 188) [6] (далее — Указ Президента РФ № 188) коммерческая тайна определена как информация, связанная с коммерческой деятельностью, доступ к которой ограничен в соответствии с ГК РФ и федеральными законами.

Специфика термина коммерческая тайна определяется в ст. 3 закона «О коммерческой тайне» от 29 июля 2004 г. № 98-ФЗ, где коммерческая тайна тракту-

ется как режим конфиденциальной информации, позволяющий ее обладателю получить конкурентное преимущество на рынке, увеличить доходы, избежать неоправданных расходов, получить иную коммерческую выгоду. Следовательно, коммерческую тайну составляют сведения о коммерческой и предпринимательской деятельности хозяйствующего субъекта. При этом состав информации, составляющей тайну, может быть определен только ее обладателем и именно на обладателя коммерческой тайны законом возлагается обязанность предпринимать достаточные и разумные меры по ее охране.

Можно сформулировать основные отличия дефиниций «конфиденциальная информация» и «коммерческая тайна» следующим образом:

- 1) коммерческую тайну составляют сведения, связанные с хозяйственной деятельностью и направленные на получение прибыли ее обладателем, в то время как конфиденциальная информация — это более широкое понятие, включающее в себя информацию любого рода с ограниченным доступом (персональные данные, служебную тайну, профессиональную тайну и проч.).
- 2) перечень конфиденциальной информации закреплен законодателем (указ Президента РФ № 188) [6], а перечень сведений, составляющих коммерческую тайну (за исключением сведений, которые не могут быть засекречены (ст. 5 Федерального закона № 98-ФЗ) [5] может быть определен только ее обладателем (ст. 4 Федерального закона № 98-ФЗ) [5] поскольку при определении данного перечня требуется учитывать специфику коммерческой деятельности хозяйствующего субъекта, применяемые им технологии, особенности взаимодействия с контрагентами, конъюнктурные рыночные интересы конкурентов и другое.

В рамках норм отечественного законодательства мы можем обнаружить около сорока разновидностей охраняемой законом информации, т. е. тех или иных тайн. Тайна — это в правовом отношении некое ограничение для граждан в получении, использовании и распространении информации, т. е. информация с ограниченным доступом. Примерами могут служить государственная тайна, адвокатская тайна, врачебная тайна, нотариальная и другие.

Категория «коммерческая тайна» достаточно близка к категории «служебная тайна». К сожалению, в современной отечественной правовой системе не существует специального закона, определяющего категорию служебной тайны. Тем не менее предпринимаются соответствующие попытки. В частности, на заседание государственной думы вынесен депутатами В. В. Бобыревым, А. Н. Волковым, М. И. Гришанковым, В. В. Дятленко, В. И. Илюхиным, Н. С. Леоновым, В. В. Маргеловым, А. М. Розуваном проект Федерального закона № 124871-4 «О служебной тайне» (ред., внесенная в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 24.12.2004) [7]. Предполагалось, что данный Федеральный закон будет регулировать отношения, возникающие в связи с отнесением сведений к служебной тайне, их защитой и снятием ограничений на доступ к указанным сведениям в целях обеспечения прав, свобод и законных интересов граждан и организаций, осуществления установленных законодательством Российской Федерации полномочий федеральных органов государственной власти и органов государственной власти субъектов Российской Федерации.

В статье 2 данного законопроекта определяется термин «служебная тайна» как «конфиденциальные сведения, образующиеся в процессе управленческой деятельности органа или организации, распространение которых препятствует реализации органом или организацией предоставленных ему полномочий, либо иным образом отрицательно сказывается на их реализации, а также конфиденциальные сведения,

полученные органом или организацией в соответствии с их компетенцией в установленном законодательством порядке». [7] Таким образом, служебная тайна — это еще один из видов информации, законный доступ к которой ограничен кругом лиц, в рамках исполнения ими должностных обязанностей и несения особых функций государственных либо муниципальных служащих. Исходя из категоричности должностных лиц, имеющих доступ к информации ограниченного доступа, можно определить некоторую специфику подразделения служебных тайн на различные категории: военная тайна, тайна следствия, налоговая тайна и другие. Статья 6 прим. 1 данного законопроекта определяет круг сведений, которые не могут быть отнесены к категории служебная тайна. Это сведения, содержащиеся в законах и правовых актах, т. е. обязательно раскрываемые сведения о чрезвычайных ситуациях, происшествиях и катастрофах, угрожающих безопасности широкого круга лиц, экологические, сведения о льготах и мерах обеспечительного характера отдельным категориям граждан, сведения об использовании бюджетных средств и иные.

Следует отметить, что в данном законопроекте сделана попытка описания общей процедуры принятия мер охранительного характера для служебной тайны. По мнению автора, высокая дифференциация и специфика применения служебных тайн в различных областях государственного управления не позволяет определить сколько-нибудь общую процедуру. В современном законодательстве процедуры работы со служебной информацией ограниченного распространения в зависимости от сферы ее применения регулируются специальными нормативными актами. Среди них:

- приказ СК России от 23 декабря 2014 г. № 109 (ред. от 25 декабря 2017 г.) «Об утверждении Порядка отнесения служебной информации к разряду ограниченного распространения и обращения с документами, содержащими служебную информацию ограниченного распространения, в системе Следственного комитета Российской Федерации» (зарегистрировано в Минюсте России 17 февраля 2015 г. № 36068) [8];
- приказ Минобрнауки России от 30 февраля 2010 г. № 2233 (ред. от 10 августа 2012 г.) «Об утверждении Инструкции о порядке обращения со служебной информацией ограниченного распространения в Министерстве образования и науки Российской Федерации»; Приказ Росавтодора от 17 марта 2014 г. № 78 (ред. от 21 ноября 2014 г.) «Об утверждении Инструкции о порядке обращения со служебной информацией ограниченного распространения в Федеральном дорожном агентстве» [9];
- постановление Правительства РФ от 03 ноября 1994 г. № 1233 (ред. от 18 марта 2016 г.) «Об утверждении Положения о порядке обращения со служебной информацией ограниченного распространения в федеральных органах исполнительной власти, уполномоченном органе управления использованием атомной энергии и уполномоченном органе по космической деятельности» [10];
- приказ ФМБА РФ от 21 января 2009 г. № 20 «Об утверждении Инструкции о порядке обращения со служебной информацией ограниченного распространения в ФМБА России» [11] и другими.

Если рассматривать действующее законодательство, то категория «служебная тайна» закреплена в Постановлении Правительства РФ от 03 ноября 1994 г. № 1233 (ред. от 18 марта 2016 г.) «Об утверждении Положения о порядке обращения со служебной информацией ограниченного распространения в федеральных органах исполнительной власти, уполномоченном органе управления использованием атомной энергии и уполномоченном органе по космической деятельности» в п.1.2. как «служебная информация ограниченного доступа». Данная

информация должна быть связана с деятельностью организаций, носить несекретный характер, а ограничения на ее распространение должны быть продиктованы именно служебной необходимостью, либо это ограничение должно быть оговорено федеральным законодательством. Указом Президента РФ от 30 ноября 1995 г. № 1203 (ред. от 02 марта 2018 г.) «Об утверждении Перечня сведений, отнесенных к государственной тайне» [12] определен список именно секретной информации, отнесенной к государственной тайне. Эти данные не могут быть отнесены к служебной тайне в силу нормативного закрепления их секретности и касаются военной сферы, сферы внешней политики, противодействия террористическим актам, сферы оперативно-розыскной деятельности, сферы внешней разведки.

Указ Президента РФ от 06.03.1997 № 188 (ред. от 13.07.2015) «Об утверждении Перечня сведений конфиденциального характера» [13] определяет список сведений конфиденциального характера: информация о персональных данных граждан, о фактах и обстоятельствах их частной жизни, сведения, составляющие тайну следствия и судопроизводства, сведения, связанные с профессиональной и коммерческой деятельностью, а также сведения о сущности изобретений до официальной публикации о них. К служебной тайне относится только та часть конфиденциальной информации, доступ к которой ограничен Гражданским кодексом РФ и федеральными законами.

В действующей редакции ГК РФ [1] отсутствует статья, напрямую регулирующая вопросы служебной тайны, хотя до 1 января 2008 г. действовала ст. 139 «Служебная и коммерческая тайна», не разграничивающая категории служебной и коммерческой тайн. Тем не менее в некоторых других нормах ГК РФ дается указание на тот или иной вид служебных тайн: в ст. 857 в рамках категории банковской тайны закреплены сведения о клиенте и банковском вкладе, определен перечень лиц, имеющих к ней доступ; в ст. 946 определяется понятие страховой тайны (сведения о застрахованных лицах, выгодоприобретателях, страхователе, состоянии их здоровья и составе имущества); в ст. 1123 ГК РФ описывается тайна завещания; в иных нормах ГК РФ (ст. 727, 771 и др.). Кроме того, некоторые нормативные акты закрепляют отдельные виды информации как информацию ограниченного служебного доступа: Федеральный закон № 98-ФЗ от 29 июля 2004 г. «О коммерческой тайне» [5]; Налоговый кодекс РФ (ст. 102 посвящается налоговой тайне, ст. 313 определяет данные налогового учета как информацию, относящуюся к налоговой тайне) [14]; аудиторская тайна определяется в ст. 9 Федерального закона «Об аудиторской деятельности» от 30 декабря 2008 г. № 307-ФЗ [15], тайна связи — ст. 63 закона «О связи» от 07 июля 2003 г. № 126-ФЗ [16], ст. 15 Федерального закона «О почтовой связи» от 17 июля 1999 г. № 176-ФЗ [17] и др.

По своим основным признакам в правовом поле понятия «коммерческая» и «служебная тайна» достаточно близки. В то же время оба вида закрытой информации уязвимы и теряют свою ценность при разглашении третьим лицам. К обоим видам тайны как служебной, так и коммерческой, могут быть применены сходные алгоритмы защиты, в частности оценка актуальности сведений, их действительной и потенциальной ценности, оценка степени уязвимости, прогнозирование возможных угроз, применение сходных мер, затрудняющих доступ к охраняемой информации третьих лиц и прочее.

Анализ дефиниций «конфиденциальная информация» и «коммерческая тайна» позволил определить их как целое и часть, обосновать необходимость нормативного закрепления понятия «конфиденциальная информация» в качестве родового по отношению к понятию «коммерческая тайна». При этом под конфи-

денциальной информацией следует понимать информацию, зафиксированную на материальном носителе, доступ к которой ограничивается в соответствии с законодательством Российской Федерации.

Для этого предлагается изложить Федеральный закон «Об информации, информатизации и защите информации», Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ (ред. от 23 апреля 2018 г.) [4] «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» ст. 9 п. 2: «Обязательным является соблюдение конфиденциальности информации, доступ к которой ограничен федеральными законами» в следующей редакции: «*Конфиденциальная информация (тайна) — информация, зафиксированная на материальном носителе, доступ к которой ограничивается в соответствии с законодательством Российской Федерации*». Для реализации положений, выносимых на защиту, необходимо дополнить ст. 9 п. 3 следующим «Конфиденциальная информация в зависимости от вида информации и установленных в законодательном порядке условий ограничения доступа к ней подразделяется на различные виды тайн».

Из вышеизложенного следует, что создание и совершенствование специального института защиты коммерческой тайны в отечественном законодательстве является требованием практики общественных правоотношений и является неизбежным, поскольку категория коммерческой тайны имеет ряд особых родовых признаков, присущих только ей. Коммерческая тайна, по описываемым объектам, лишь частично совпадает с понятиями «коммерческая информация», «конфиденциальная информация», «служебная тайна», «интеллектуальная собственность».

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) [Электронный ресурс]: федер. закон от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 23 мая 2018 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 12.06.2019).
2. О взыскании упущенной выгоды [Электронный ресурс]: постановление ФАС Поволжского округа от 10 июля 2012 г. по делу № А57 — 11021 / 2011. URL: <http://faspo.arbitr.ru> (дата обращения: 17.04.2019).
3. Приговор мирового судьи судебного участка № 4 Красногорского района г. Каменска-Уральского Свердловской области по уголовному делу по обвинению гр. Н. по ч. 2 ст. 183 УК РФ. [Электронный ресурс]. URL: http://krasnogorsky.svd.sudrf.ru/modules.php?name=info_court&rid=7 (дата обращения: 17.04.2019).
4. Об информации, информационных технологиях и о защите информации [Электронный ресурс]: федер. закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ (ред. от 23 апреля 2018 г.). Доступ из справ. правовой системы «Консультант-Плюс» (дата обращения: 12.06.2019).
5. О коммерческой тайне [Электронный ресурс]: федер. закон от 29 июля 2004 г. № 98-ФЗ (ред. от 18 апреля 2018 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 12.06.2019).
6. Об утверждении Перечня сведений конфиденциального характера [Электронный ресурс]: указ Президента РФ от 06 марта 1997 г. № 188 (ред. от 13 июля 2015 г.) . Доступ из справ. правовой системы «Консультант-Плюс» (дата обращения 12.06.2019).
7. О служебной тайне [Электронный ресурс]: проект Федерального закона № 124871-4 (ред., внесенная в ГД С РФ, текст по состоянию на 24 декабря 2004 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=PRJ;n=39972#07811681963394557> (дата обращения: 12.06.2019).
8. Об утверждении Порядка отнесения служебной информации к разряду ограниченного распространения и обращения с документами, содержащими служебную информацию ограниченного распространения, в системе Следственного комитета Российской Федерации [Электронный ресурс]: приказ СК России от 23 декабря 2014 г. № 109 (ред.

- от 25 декабря 2017 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 12.06.2019).
9. Об утверждении Инструкции о порядке обращения со служебной информацией ограниченного распространения в Министерстве образования и науки Российской Федерации [Электронный ресурс]: приказ Минобрнауки России от 30 декабря 2010 г. № 2233 (ред. от 10 августа 2012 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 12.06.2019).
 10. Об утверждении Положения о порядке обращения со служебной информацией ограниченного распространения в федеральных органах исполнительной власти, уполномоченном органе управления использованием атомной энергии и уполномоченном органе по космической деятельности [Электронный ресурс]: Постановление Правительства РФ от 03 ноября 1994 № 1233 (ред. от 18 марта 2016 г.) . Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 12 июня 2019 г.).
 11. Об утверждении Инструкции о порядке обращения со служебной информацией ограниченного распространения в ФМБА России [Электронный ресурс]: приказ ФМБА РФ от 21 января 2009 г. № 20. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 12.06.2019)
 12. Об утверждении Перечня сведений, отнесенных к государственной тайне [Электронный ресурс]: указ Президента РФ от 30 ноября 1995 г. № 1203 (ред. от 02 марта 2018 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 12.06.2019).
 13. Об утверждении Перечня сведений конфиденциального характера [Электронный ресурс]: указ Президента РФ от 06 марта 1997 г. № 188 (ред. от 13 июля 2015 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 12.06.2019).
 14. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) [Электронный ресурс]: федеральный закон от 31 июля 1998 г. № 146-ФЗ (ред. от 19 февраля 2018 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 12.06.2019).
 15. Об аудиторской деятельности [Электронный ресурс]: федеральный закон от 30 декабря 2008 г. № 307-ФЗ (ред. от 23 апреля 2018 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 12.06.2019).
 16. О связи [Электронный ресурс]: федеральный закон от 07 июля 2003 г. № 126-ФЗ (ред. от 18 апреля 2018 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 12.06.2019).
 17. О почтовой связи [Электронный ресурс]: федеральный закон от 17 июля 1999 г. № 176-ФЗ (ред. от 06 июля 2016 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 12.06.2019).

Г. Н. Уткин

Особенности проявления связи безусловного и условного в сфере законотворчества

G. N. Utkin. Peculiarities of Connection of Unconditional and Conditional Law Enforcement

В статье обосновывается, что с внешней, формальной стороны правоприменение характеризуется сложным сочетанием в нем безусловного и условного. С внешней, формальной стороны оно предстает безусловным (императивным, категоричным и однозначным), а с внутренней, содержательной стороны — условным (целесообразной, обусловленной и вариативной деятельностью). В качестве самостоятельного рассматривается вопрос о том, каким образом особенности связи в правоприменении безусловного и условного должны учитываться при решении проблем повышения его эффективности.

Ключевые слова: безусловное, условное, применение права, правоприменительная деятельность, правоприменительное усмотрение, процессуальная регламентация правоприменительной деятельности, правоприменительное отношение.

Контактные данные: 119991, Москва, Ленинский пр., д. 14; (495) 938-03-09; e-mail: utkin-gn@yandex.ru.

The article substantiates that the external, formal side of law enforcement is characterized by a complex combination of unconditional and conditional. With the external, formal side of it as unconditional (mandatory, categorical and unambiguous); with the internal, substantive side, the conditional (appropriate, due to the variable activity). As an independent, the question of how the features of connection in the law enforcement of unconditional and conditional should be taken into account in solving the problems of increasing its effectiveness is considered.

Keywords: unconditional, conditional, law enforcement, law enforcement activity, law enforcement discretion, procedural regulation of law enforcement activity, law enforcement attitude.

Contact Details: Leninskiy Ave 14, Moscow, Russian Federation, 119991; (495) 938-03-09; e-mail: utkin-gn@yandex.ru.

Использование понятий безусловного и условного, которые выражают важные моменты причинно-следственных, функциональных, структурных, генетических и иных типов связей, обнаруживающих зависимость одних явлений и процессов от других, в интерпретации различных сфер действия права позволяет увеличить содержательность знаний о них. Сказанное в полной мере справедливо по отношению к сфере правоприменения. Полагаем, что установление особенностей проявления в правоприменении связи безусловного и условного позволяет дать ему более полную и всестороннюю характеристику как с точки зрения внутренних закономерностей его развертывания, так и в контексте его зависимости от того юридического, идейного, политического и социального контекста, в котором оно осуществляется.

Чаще всего правоприменение ассоциируется с властной деятельностью [1, с. 21–22; 2, с. 8]. Это вполне закономерно. Именно властный характер

Григорий Николаевич Уткин — помощник-референт вице-президента РАН (Москва), кандидат юридических наук.

© Уткин Г. Н., 2019.

позволяет правоприменению быть средством точного, неукоснительного воплощения нормативных правовых предписаний в жизнь, придает ему инструментальную значимость в качестве составляющей механизма правового регулирования.

Как и любой другой властной деятельности, правоприменению свойственны императивность, категоричность и однозначность, что указывает на большую значимость в его характеристике тех сторон, которые позволяют определить его как безусловное. Однако в качестве императивного, категоричного и однозначного правоприменение характеризуется лишь с внешней, формальной стороны. С точки зрения содержания его, в отличие от правотворчества, описывают как «вторичное», «последующее» [3, с. 36]. И действительно, рассматривая содержание правоприменения в аспекте соотношения в нем целеполагающего и целесообразного, не имеющего условий и обусловленного, инвариантного и вариативного, можно обнаружить, что речь идет о деятельности, отличающейся целесообразностью, обусловленностью и вариативностью.

Безусловность властной деятельности в ее абсолютном выражении может иметь место лишь там, где власть носит надзаконный характер. Но вне зависимости от того, носит ли правотворческая деятельность подзаконный или надзаконный характер, правоприменитель всегда действует подзаконно. Правоприменение не имеет значения самодостаточного и целеполагающего, осуществляется исключительно для достижения определенных нормами материального права целей в рамках правового регулирования отношений конкретного вида. Собственно, для достижения таких целей правоприменение и включается в механизм правового регулирования в качестве его факультативной стадии.

Сочетание в правоприменении императивного, категоричного и однозначного с целесообразным, обусловленным и вариативным придает ему двойственность, что порождает споры относительно целого ряда моментов, значимых как для его понимания, так и для практического осуществления. Одним из наиболее сложных оказывается вопрос о том, что следует считать правоприменением в ситуации, когда действующий закон носит неправовой характер, — обеспечение точной и неукоснительной реализации норм закона или тех воспринимаемых обществом в качестве права принципов справедливости, которым неправовой закон противоречит. С одной стороны, как небезосновательно отмечал Г. Радбрух, «профессиональный долг судьи заключается в том, чтобы приводить в действие «волю действия», заложенную в законе... Ему надлежит спрашивать лишь о том, что соответствует закону, и никогда о том, является ли это одновременно справедливым» [4, с. 100]. С другой стороны, сам Г. Радбрух «после разгрома фашистской Германии ... отказался от такой трактовки соотношения действующего позитивного права и его применения, поскольку признал ошибочность и политическую опасность теории юридического позитивизма» [3, с. 36].

Сочетанием в характеристике правоприменения безусловного и условного предопределяется двойственность критериев оценки его эффективности. Если формально-юридическая оценка применения права как составляющей механизма правового регулирования определяется тем, способно ли оно быть безусловным (на что указывает, в частности, гарантирование его императивности, категоричности и однозначности посредством государственного принуждения), то социально-правовая оценка правоприменения во многом зависит от того, чем обуславливается его содержание. Множественность и разнообразие факторов, способных повлиять на содержание правоприменения, делает любую социально-правовую оценку его эффективности относительной, а критерии такой оценки — сложно формализуемыми.

Говоря о содержании правоприменения как об обусловленном, важно понимать, что как об определяющих его следует вести речь отнюдь не только о правовых нормах. Правоприменение — это творческая по своему характеру деятельность. Осуществляющие ее субъекты обладают свободой усмотрения, которая предполагает «возможность субъекта применения права самостоятельно принимать решение, определяющее порядок, способ и форму использования правовых средств, для достижения указанной в законе цели» [5, с. 16].

Творческий характер правоприменительной деятельности подразумевает, что на ее ход и результаты оказывает существенное влияние правосознание правоприменителя. При этом «обстоятельство, что субъективная сторона правоприменительной деятельности непосредственно связана с функционированием правосознания, с учетом того, что последнее включает не только рациональный, идеологический, но и психологический, чувственный компонент, предопределяет невозможность сведения ее к совокупности осмысленных субъективных феноменов. Функционирование правосознания в рамках правоприменения — это не просто интеллектуальный процесс обработки информации и ее оценки, это также воспроизводство определенных ощущений, чувств, эмоций, образов...» [6, с. 254].

Вариативность присуща правоприменению не только в силу того, что у его субъекта как у носителя властных полномочий всегда существует возможность действовать по своему усмотрению, но и потому, что правоотношение, в рамках которого оно осуществляется, предполагает реализацию всеми без исключения участниками правоприменительного производства взаимных прав и обязанностей. Реализация обязанностей (ее порядок, способы, формы и т. д.) во многом определяется способом предъявления прав, содержанием и степенью активности управомоченного субъекта, а полнота, порядок и следствие реализации прав — характером действий обязанной стороны. Значит, вне зависимости от того, является ли правоприменительная деятельность для субъекта, ее осуществляющего, правом или обязанностью, ее содержание и результаты всегда в той или иной мере обусловлены не только действиями правоприменителя, но и поведением других участников правоприменительного отношения, а значит, и их правосознанием.

Степень обусловленности правоприменения активностью участников правоприменительного отношения оказывается особенно высокой в ситуации предоставления им так называемых «безусловных» процессуальных прав [7, с. 36–40], т. е. таких прав, в осуществлении которых стороне нельзя отказать, кроме случая, когда это будет прямо записано в законе. Содержание правоприменения обусловлено не только субъективными, но и объективными факторами. «Нельзя рассматривать правоприменение только как юридическое прилагательное к нормативному существительному» [8, с. 20]. Правовая жизнь характеризуется сложными, разнообразными процессами, и это не позволяет говорить о возможности абсолютного соответствия между моделью, заданной нормативными правовыми предписаниями, и реальными правоотношениями, реальным эффектом от реализации той или иной нормы.

Так как связь между действием любого из факторов и содержанием правоприменения не носит характера детерминирующей, гипотетически существует возможность ослабления или усиления их влияния на ход и результаты правоприменения. Это обстоятельство предопределяет возникновение идеи о том, чтобы обеспечить за счет такого ослабления и/или усиления повышение эффективности правоприменения, причем чаще всего речь идет об эффективности не только в формально-юридическом, но и в социально-правовом смысле.

Способом решения обозначенной задачи в современных условиях, как правило, оказывается изменение процессуальной регламентации правоприменительной деятельности. Однако последняя объективно имеет ограниченный потенциал в обусловливании правоприменительной деятельности.

Во-первых, как справедливо подчеркивает В. Д. Зорькин, «мы можем и должны умирять хаос, отстаивая порядок. Но мы при этом должны отдавать себе отчет в том, что хаос — это невероятно сложная и мощная вещь. И ему нельзя просто приказать исчезнуть или стать порядком — так можно получить не желанный результат, а прямо противоположное» [8, с. 21]. Процессуальная регламентация правоприменения не равнозначна его упорядочению; упорядоченность правоприменения, как и любой другой сложной системы, не является исключительно результатом организации извне, любая сложная система предполагает переход из хаотического состояния в упорядоченное, в том числе и за счет того, что обладает способностью к самоорганизации.

Во-вторых, процессуальная регламентация способна влиять лишь на внешнюю, формальную сторону правоприменения. Но в качестве властной деятельности оно эффективно как раз тогда, когда характеризуется большей значимостью моментов, придающих ему безусловность. Чем больше количество процессуальных норм, регулирующих правоприменение, и чем более строгой является его регламентация, тем в большей мере правоприменение предстает разрешенным и/или ограниченным, а значит, обусловленным и целесообразным. Следовательно, чем более детальной и строгой является процессуальная регламентация правоприменения, тем менее значимым в его характеристике оказывается то, что позволяет интерпретировать его в качестве безусловного с внешней, формальной стороны.

Негативный характер влияния избыточной процессуальной регламентации на эффективность правоприменения предопределяется существованием еще одной закономерности. Результаты функционирования сложной системы являются оптимальными, если данная система сохраняет способность к адаптивному поведению. Существование названной способности, в свою очередь, обусловлено действием механизма самоорганизации, эффективного, по крайней мере, в той же мере, что и оказываемое на поведение системы управленческое воздействие. Если внешнее упорядочивающее воздействие является слишком интенсивным, система оказывается неспособной к самоорганизации, а значит, и к эффективному функционированию. То, что справедливо для любой сложной системы, справедливо и в отношении правоприменения: избыточная, излишне детальная процессуальная регламентация снижает степень адаптивности, следовательно, негативно влияет на эффективность.

Полагаем, что способность правоприменения как системы к «адаптивному поведению», а значит, и его эффективность, во многом зависят от адекватности функционирования правосознания правоприменителя. С одной стороны, адекватное функционирование правосознания правоприменителя позволяет поддерживать содержательную связь между применяемой нормой и выносимым юридически значимым решением, в том числе в ситуациях, когда реализуемая норма является диспозитивной, содержит оценочные понятия, относительно определенную либо альтернативную санкцию или какие-либо другие особенности самой нормы допускают различные варианты ее реализации. С другой стороны, будучи включенным в систему факторов, оказывающих влияние на содержание правоприменения, правосознание осуществляющего его субъекта способно повлиять на то, какими будут степень и характер обусловленности этого содержания иными факторами. При этом высокая вариативность поведения правоприменителя в условиях свободы усмотрения позволяет среди прочего эффективно находить

новые возможности для преодоления негативного влияния, в том числе таких факторов, которые не носят характера широко распространенных (не являются типичными). Таким образом, вне зависимости от того, какие средства использует правоприменитель, если он действует на основе своего усмотрения, то в условиях адекватного функционирования его правосознания появляется высокая вероятность эффективного решения задачи обеспечения точной реализации нормы права.

Признавая значимость адекватного функционирования правосознания правоприменителя для обеспечения эффективности правоприменения как целесообразного, обусловленного и вариативного в содержательном плане, одновременно следует учитывать, что разнообразие факторов, влияющих на содержание правоприменения, позволяет в определенной мере стабилизировать систему, обеспечить ее адаптивность в тех ситуациях, когда правосознание правоприменителя не функционирует адекватно.

Разнообразие факторов, способных оказывать влияние на поведение системы, не только снижает степень упорядоченности и предсказуемости ее функционирования, но и увеличивает степень ее адаптивности, позволяет системе более чутко и адекватно реагировать на происходящие изменения. Если вести речь о правоприменении, то его адаптивность, в частности, во многом поддерживается за счет существования у участников правоприменительного производства, заинтересованных в исходе юридического дела, возможности повлиять на ход и результаты правоприменения посредством реализации своих процессуальных прав.

Итак, будучи властной организующей творческой деятельностью, осуществляемой в рамках правоотношений особого рода, правоприменение характеризуется сложным сочетанием в нем безусловного и условного. Для его характеристики с внешней, формальной стороны наиболее значимы такие свойства, как императивность, категоричность и однозначность, для понимания его внутренней, содержательной стороны — целесообразность, обусловленность и вариативность. Для обеспечения эффективности правоприменения в формально-юридическом смысле более значимы свойства, придающие ему безусловность, для обеспечения его эффективности в социально-правовом плане — свойства, характеризующие его в качестве условного.

Избыточность процессуальной регламентации неизбежно оказывает негативное влияние на эффективность правоприменения как в формально-юридическом, так и в социально-правовом смысле. Эффективность правоприменения обеспечивается не детализацией процессуальной регламентации, а обеспечением адекватного функционирования правосознания правоприменителя в условиях сохранения влияния на ход и результаты правоприменения иных факторов, прежде всего — активности других участников правоприменительного отношения в реализации предоставленных им процессуальных прав.

Литература

1. *Вопленко Н. Н.* Реализация права. Волгоград: Изд-во Волгоградского государственного университета, 2001. 48 с.
2. *Ядринцева О. В.* Индивидуально-договорное правоприменение: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2006. 28 с.
3. *Корнев В. Н.* Правотворчество, правоприменение и содержание права // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 2008. № 8. С. 35–41.
4. *Радбрух Г.* Философия права. М.: Международные отношения, 2004. 238 с.

5. *Бойко Д. В.* Правоприменительное усмотрение, законность и произвол // Общество и право. 2009. № 3. С. 16–20.
6. *Лановая Г. М.* К вопросу о субъективной стороне применения норм права // Проблемы развития государства и права в современном российском обществе. Динамика современной правовой жизни / под ред. В. П. Малахова, К. Е. Сигалова. М.: Московский университет МВД России, 2008. С. 245–258.
7. *Мурадян Э. М.* О единстве судебного законодательства. О безусловных процессуальных правах. Об условных процессуальных действиях // Современное право. 2001. № 3. С. 36–40.
8. *Зорькин В.* Правоприменение как стратегическая проблема // Право и правоприменение в России: междисциплинарные исследования / под ред. В. В. Волкова. М.: Статут, 2011. С. 15–24.

Н. Г. о. Халыгов

Проблема определения понятия «злоупотребление правом» в контексте современных теорий

N. G. o. Khalygov. The Problem of Defining the Concept of “Abuse of Law” in the Context of Modern Theories

В статье рассматриваются основные теоретические подходы в изучении феномена злоупотребления правом. Показано, что формулируемые в них определения не соответствуют критерию универсальности. Предлагается новое, синтетическое определение понятия «злоупотребление правом», лишенное недостатков предшествующих дефиниций.

Ключевые слова: злоупотребление правом, принципы права, проблема, теория.

Контактные данные: 190103, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., 44а; (812) 451-19-10; e-mail: namig73@mail.ru.

The article discusses the main theoretical approaches in the study of abuse of law. It is shown that the definitions formulated in them do not meet the criterion of universality. A new, synthetic definition of the concept of “abuse of rights”, devoid of the shortcomings of the previous definitions, is proposed.

Keywords: abuse of rights, principles of law, problem, theory.

Contact Details: Lermontovskiy Ave 44/A, St. Petersburg, Russian Federation, 190103; (812) 451-19-10; e-mail: namig73@mail.ru.

В современной науке о праве имеется немало оригинальных теорий и концепций о феномене злоупотребления правом. Общей в этих учениях является идея признания сложности в идентификации данного распространенного явления и недостаточности государственно-правовых средств для существенного ограничения и минимизации его конкретных проявлений.

В теоретическом плане важными для современного понимания феномена злоупотребления правом остаются две доктринальные концепции: «теория противоречия субъективного права его социальному назначению» и «теория пределов осуществления субъективного права». Конечно, данные учения следует понимать не столько как стандартные научные теории, а скорее как некое теоретическое ядро, вокруг которого выстраиваются те или иные теоретические дополнения, гипотезы и выводы. По сути, в настоящей статье нами рассмотрено так называемое ядро соответствующих двух научно-исследовательских программ (в смысле И. Лакатоса).

В рамках первой теории определение понятия «злоупотребление правом» как противоречия субъективного права его социальному назначению ориентирует мысль к следующей модельной ситуации: субъект реализует свое право в форме поступка или поведения. Однако такое деяние явно не соответствует или вступает в противоречие с некими ценностями, которые культивируются в данном обществе и применяются как оценочные критерии к рассматриваемому деянию этого субъекта. Такими ценностями зачастую становятся абстрактные понятия «разумность», «справедливость», «общее благо», «добрая воля», «нравственность» и т. д. При этом суть злоупотребления правом понимается в данном случае, со-

Намиг Гурбанали оглы Халыгов — аспирант кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики.

© Халыгов Н. Г. о., 2019.

гласно известной формуле Ш. Монтескье, как противоречие между «буквой закона» и «духом закона» [1]. «Буквой закона» выступает в первую очередь субъективное право (т. е. формально определенное правомочие), предоставляемое лицу или признанное ему законом, а под «духом закона» понимается особая правовая культура, присущая той или иной стране на определенном этапе ее истории. Правовая культура оформляется («объективируется») прежде всего в научно-теоретических текстах, архивных материалах, художественных и литературных произведениях и иных материальных носителях, в которых в той или иной степени отображаются и закрепляются общие цели (предназначения), ценности и/или принципы наличного права. Наличие такой культуры («духа законов») — важнейший фактор функционирования и развития права на протяжении всей истории человечества [2].

Представителями первой теории являются такие правоведы, как М. М. Агарков [3; 4], Я. Янев [5], О. О. Милетич [6], О. Н. Бармина [7] и многие другие. В рамках этой концепции формулируются важные тезисы, касающиеся признаков и природы феномена «злоупотребление правом». Изначально все деяния такого рода являются правомерными актами, поскольку совершаются правоспособными субъектами (лицами) при реализации их субъективных прав (точнее, правомочий). Юридическая квалификация таких деяний в качестве злоупотреблений правом в каждом случае возможна лишь *a posteriori* (от лат. «после опыта») — в результате судебного, третейского или административного разбирательства и решения.

Будучи правомерными актами, такие деяния вряд ли являются правонарушениями и потому не влекут за собой каких-либо мер юридической ответственности — в лучшем случае в качестве юридического последствия может быть принято судебное решение об отказе злоупотребляющему лицу в защите принадлежащего ему права [8, ст. 10 п. 2]. Такой отказ носит процессуальный характер и во многом аналогичен судебным решениям при рассмотрении гражданских дел, связанных с оспоримым сделками².

В некоторых работах с позиции этой теории было показано, что деяния, подпадающие под общие критерии правозлоупотреблений, образуют особый, хотя и весьма обширный класс квазиправовых явлений, не совпадающий ни с правомерными актами, ни с правонарушениями [5, с. 181–182]. Известная критика указанной выше первой теории (точнее, целого ряда соответствующих концепций) породила значительный ряд контраргументов. Укажем один, но весомый довод, который касается введения неформализованных оснований и критериев, используемых в определении феномена «злоупотребление правом» и при судебной оценке его различных проявлений. Так, еще в 1940-е гг. сторонник данной теории М. М. Агарков предупреждал, что «широкое признание злоупотреблений правом на законодательном уровне повлечет за собой нарушение всего правопорядка, поскольку оно сводится к судебскому усмотрению, в рамках которого и предполагается ответ на главный вопрос: имеет ли быть место правозлоупотребление или конкретное деяние является лишь осуществлением права?» [3, с. 426–429].

Другая часть цивилистов-прагматиков возражает утверждая, что нельзя «среднему» участнику конкретных (скажем, экономических) отношений вменять в обязанность сопоставлять свою цель или способ своей деятельности с какими-то

¹ Применительно к властным субъектам их правомочия обычно называют *полномочиями*.

² На тесную связь недействительных (оспоримых) сделок и различных злоупотреблений правом в гражданском праве указывает и законодатель: «Заявление о недействительности сделки не имеет правового значения, если ссылающееся на недействительность сделки лицо действует недобросовестно, в частности если его поведение после заключения сделки давало основание другим лицам полагаться на действительность сделки» [8, ст. 116 п. 5].

абстрактными принципами права или иными ценностями, принятыми в обществе. «Технология» злоупотребления правом, — пишет в этой связи А. В. Волков, — предполагает постановку и осознание как минимум двух целей, из которых первая — внешняя, т. е. на виду и оправдывает действующее средство, а вторая — скрытая, вредная, незаконная цель, отдаленная по времени и с усложненной причинно-следственной связью, но действительная, реальная для субъекта злоупотребления правом. Отсюда логический вывод: если «средний» участник гражданского правоотношения в состоянии планировать и сопоставлять как минимум две цели, из которых первая — открытая — является средством для достижения второй — скрытой, то этот же «средний» участник способен осознать и сопоставить свою цель с общей целью (ценностью) права. Следует добавить, что «средний» субъект в гражданском праве сам редко додумывается до злоупотребительных действий. Обычно этим занимаются юристы-профессионалы, которые имеют представление о целях и задачах гражданского права, о его функциях и даже о высшем благе права и вряд ли его отрицают, но по разным причинам не выбирают. Переложить в такой ситуации груз ответственности злоупотребляющему субъекту не на кого» [9, с. 89]. Заметим также, что «средний» участник злоупотребления вряд ли способен осознавать и оперативно учитывать общую цель (ценность-принцип) — хотя бы потому, что она очень слабо формализована в юридических источниках страны (например, ст. 10 ГК РФ).

Итак, можно сделать вывод, что с точки зрения данной теории любое злоупотребление правом — это практически всегда правомерный поступок, асоциальный характер и вредоносность которого можно установить лишь *a posteriori* (от лат. «после опыта»), т. е. лишь «задним числом». Но в истории существует устойчивая тенденция: возрастающее число специальных формально-юридических составов деяний, которые также характеризуются как злоупотребления правом и за которые назначаются те или иные санкции. Все это указывает на то, что, казалось бы, внешние социокультурные критерии правозлоупотреблений могут все-таки учитываться в судебных решениях и в отдельных случаях могут быть конкретизированы в виде нормативных понятий и составов правонарушений.

Вторая теория, сложившаяся в отношении разнообразных правозлоупотреблений, обобщенно может быть названа теорией «пределов осуществления субъективных прав». К представителям этой концепции можно отнести таких правоведов, как В. П. Грибанов [10; 11], С. Г. Зайцева [12], В. А. Волков [9; 13], А. Малиновский [14], В. И. Крусс [15], А. Е. Наумов [16] и многие другие. По своей методологической основе их концепции ориентированы преимущественно на стандарты юридического или социального (социально-факторного) позитивизма. Суть данной теории состоит в признании наличного коллизионного противоречия между субъективным и объективным правом, которое и находит свое практическое и массовидное воплощение в различных злоупотреблениях правом. Наличие необходимого (но не достаточного) формального запрета, закрепленного в виде закона или соответствующего нормативно-правового акта, и есть то основание, которое, с точки зрения сторонников данной теории вновь возвращает мысль в сугубо юридическую плоскость. Другими словами, данная теория исходит из того, что в ходе правозлоупотребления субъективное право реализуется в такой форме¹ (способе осуществления), которая вступает в логико-юридическое противоречие с содержанием этого субъективного права. «Схематично роль и место

¹ Обычно объективные формы реализации субъективного права устанавливаются Законом или договорами — в виде *запретов* или *ограничений* (особенно, если речь идет о свободных лицах, действующих по принципу «разрешено все, что не запрещено законом»).

способа в процессе осуществления права можно изобразить следующим образом: субъективное право → усмотрение субъекта по выбору одного из способов осуществления права → поведение по осуществлению права → достижение цели, обусловленной предназначением субъективного права (удовлетворение конкретной потребности)» [14, с. 159–160].

Возможны и иные, но сходные с этой схемой дихотомии, когда юридически корректная форма (субъективное право или свобода) сочетается с неправовой целью, неправовым интересом, неправовыми средствами и методами, неправовыми условиями реализации права и др. Последние при этом должны быть запрещены законом. Во многом такое понимание природы злоупотреблений правом перекликается с существующим законодательством и известной судебной практикой в РФ. Так, широкое признание получила дефиниция, которую предложил в постановлении Федеральный арбитражный суд Северо-Кавказского округа от 18 июня 2009 г.: «Злоупотребление гражданским правом заключается в превышении пределов дозволенного гражданским правом осуществления своих правомочий путем осуществления их с незаконной целью или незаконными средствами, нарушая при этом права и законные интересы других лиц» [17].

Точно и развернуто основные положения данной теории выражены в концепции, предложенной В. А. Волковым [9] на основе изучения злоупотреблений гражданскими правами:

1. «Злоупотребление правом — это юридический акт правопользования, правореализации, правоосуществления, характеризующийся признаками гражданского правонарушения.
2. Злоупотребление правом — это проявление системного «сбоя» норм в гражданском праве, который тем не менее предупреждается и удаляется другими системными средствами права.
3. Носитель права нарушает содержащуюся в его субъективном гражданском праве единственную обязанность — добросовестно использовать свое субъективное право; он не признает и не уважает права других участников правоотношений, проявляя «злую», несвободную волю.
4. При злоупотреблении правом субъекты права находятся в состоянии правоотношений, в которых нарушитель свою незаконную цель оправдывает с помощью внешне законного средства — гражданского права (либо правомочия).
5. Умысел нарушителя направлен на внутреннюю сущность права — создание средствами права неравенства, а не на конкретный имущественный ущерб. Материальный вред в этой связи не является обязательным признаком злоупотребления правом.
6. В ситуации злоупотребления правом применение специальных норм, четко и понятно регулирующих злоупотребительное поведение, невозможно. В этом случае «работает» только норма-принцип, т. е. ст. 10 ГК РФ, а специальная норма (чаще всего являющаяся средством злоупотребления) не в состоянии своим содержанием справиться с возникшей проблемой.
7. В качестве средства для злоупотребления субъектом используется формальное гражданское право (можно говорить *субъектное*, но не *субъективное* гражданское право!) в его самом узком, догматическом смысле.
8. Злоупотребление правом — это искусственная ситуация, которая не может не сознаваться правонарушителем и характеризуется, следовательно, как умышленное, намеренное поведение субъекта, имеющего скрытую незаконную цель, а отсюда и незаконное, хотя внешне правомерное средство — гражданское право.

9. Средством злоупотребления может быть не только гражданское право, но и гражданско-правовая обязанность, всегда содержащая в себе определенные возможности (правомочия) для обязанного субъекта».

К сказанному автор добавляет еще три существенных квалификационных признака, правда, характеризующих действия нарушителя в качестве правозлоупотребления в области гражданского права [13]:

- 1) «недобросовестное использование гражданского права (обязанности) при создании видимости, легальности осуществления своего права (исполнения обязанности), что определяет прямой умысел нарушителя;
- 2) наличие скрытой, незаконной цели, проявляющейся в эгоистическом намерении, направленном на нарушение юридического равенства участников гражданских правоотношений;
- 3) отсутствие либо невозможность использования специальной, «родной» нормы, регулирующей спорное правоотношение, что вызывает к действию статью 10 ГК РФ».

Итак, важной особенностью и достоинством этой теории является признание того важного обстоятельства, что полагаемые законом или договором пределы осуществления субъективного права вполне формализуемы, и, следовательно, допускают юридическую квалификацию злоупотреблений правом в виде их вполне конкретных юридических составов, что позволяет дополнительно вводить и применять соответствующие правовые средства и методы для охраны, защиты прав и интересов различных лиц и/или привлечения виновных к юридической ответственности в случае нарушения ими субъективных прав или требований Закона — в виде злоупотребления своими правами.

Известная критика указанной выше второй теории злоупотреблений правом также предоставила нам значительный ряд контраргументов. Остановимся на главных.

Во-первых, определения злоупотреблений правом, которые присущи этой теории, разнообразны и даже многозначны (бивалентны), что явно не соответствует логико-теоретическим стандартам, сложившимся в современной науке в отношении дефиниций. Действительно, обобщая законодательство о злоупотреблениях правом и судебный опыт рассмотрения соответствующих дел, научная мысль, движущаяся в указанном русле к обобщающему определению, приходит как минимум к двуединой дефиниции. Теперь природа (структура и/или причина) такого рода явления рассматривается двояко:

- 1) как противоречие «сомнительного» содержания субъективного права, осуществляемого на практике, легальной форме его реализации, которая характеризуется со стороны используемых при этом средств, способов, результатов или последствий¹;
- 2) или, наоборот, как использование «сомнительной» с точки зрения Закона формы реализации субъективного права, содержание которого при этом не вызывает возражений².

Во-вторых, данная теория, признающая необходимость формальных ограничений и запретов в отношении содержания (целей) и/или форм реализации субъективных прав, идет вразрез с устойчивой традицией рассмотрения злоупо-

¹ Понятно, что классическая *шикана* (ст. 10 п. 1 ГК РФ) будет подпадать под данное определение злоупотребления правом.

² Показательным примером применения второго определения могут служить несанкционированные манифестации политической оппозиции на улицах Москвы летом 2019 года.

треблений правом в сфере судебных инстанций уже совершенных «сомнительных» действий. Действительно, акции политической оппозиции летом 2019 г. на улицах Москвы еще до начала этих «гуляний» (т. е. на стадии их планирования, согласования и публичного призыва к участию в них) рассматривались государственной властью и многими СМИ в качестве организованного массового правонарушения, направленного на захват государственной власти (по крайней мере, в законодательном органе г. Москвы) и осуществляемым в виде *злоупотребления правом*, признаваемым статьей 31 Конституции РФ¹ [18] — но при ожидаемом нарушении требований Федерального закона РФ «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» [19] и других законов.

В-третьих, сторонники данной («второй») теории даже при допущении, что они будут руководствоваться «бивалентным» определением понятия о злоупотреблениях правом, вынуждены рассматривать и подводить под это понятие такие юридические понятия и составы, которые имеют несовпадающий и даже противоречивый нормативный смысл. Например, в состав понятия «шикана» как одной из форм злоупотребления правом включается субъективный (целевой) признак — «исключительно с намерением нанести вред другому лицу» [8, ст. 10 п. 1], тогда как в другом законе в состав понятия «злоупотребление свободой массовой информации» включается признак, указывающий на реальное свойство особого объекта — «информации, которая может воздействовать на подсознание людей» и др. [20, ст. 13.15].

В-четвертых, в рамках данной теории судебные оценки деяний на основе некоего «духа законов» выглядят излишней традицией, поскольку судебные оценки в отношении уже совершенных деяний логически не уместны при наличии уже сформулированных юридических составов конкретных видов правозлоупотреблений. Соответствующие нормы вполне доступны «среднему» субъекту, осуществляющему таким образом свое право².

В-пятых, данная теоретическая позиция, тяготеющая к юридической формализации признаков тех или иных видов злоупотреблений правом, игнорирует текущее российское законодательство, которое во многих случаях допускает судебное усмотрение «иных форм злоупотребления правом» по основаниям, представляющим собой по сути социокультурные ценности и/или весьма абстрактные императивы — разумность, добросовестность, порядочность, общественное благо, безопасность и т. п.

Итак, вторая теория — «теория пределов осуществления субъективного права» — имеет неоспоримое преимущество над первой теорией («теорией противоречия субъективного права его социальному предназначению») в том смысле, что она носит вполне юридический характер, так как она констатирует в любых злоупотреблениях правом их важнейший элемент — противоречие между субъективным правом и юридически установленной объективной формой его реализации.

Напрашивается обобщающий вывод, что в современной юридической науке сохраняется давний дуализм в теоретическом понимании феномена «злоупотребление правом», который в настоящее время выражается в доминировании двух актуальных теоретических подходов — «теории противоречия субъективного

¹ Согласно этой статье «граждане Российской Федерации имеют право собираться мирно, без оружия, проводить собрания, митинги и демонстрации, шествия и пикетирование».

² Если же они не известны праводеспособному лицу, то это обстоятельство не освобождает его от юридической ответственности («незнание законов не освобождает от ответственности»).

права его социальному назначению» и «теории пределов осуществления субъективного права». Причем каждая из этих теорий имеет определенные ограничения в описании и объяснении соответствующего нормативно-правового и эмпирического (юридико-практического) материала.

Представленный обзор современной научной литературы по заявленной теме выявил отсутствие общепризнанного и универсального определения злоупотреблений правом, которое бы охватывало не только известные виды и формы злоупотреблений, но и позволяло бы идентифицировать такие (сходные) явления в будущем. Напомним, что в рамках доминирующих ныне теоретических подходов представлено множество дефиниций, касающихся злоупотреблений правом; но все они, на наш взгляд, редуцируются в следующих вариантах:

- 1) злоупотребление правом осуществляется в противоречии с социальным назначением права (т. е. в противоречии с «духом законов»);
- 2) злоупотребление правом осуществляется в формах, противоречащих нормативному содержанию права (т. е. в противоречии «букве закона»).

В данной ситуации воспользуемся диалектическим методом («триадой») Гегеля, предполагающей движение мысли от «тезиса» к «антитезису», а от него — к «синтезу» [21]. Синтетический вариант определения понятия «злоупотребление правом» будет включать в себя и первое определение, и второе определение, но как подчиненные моменты. По сути, новое искомое понятие должно содержать и «формально-нормативный», и «социально-культурный» (ценностный) моменты.

Думается, что такими взаимодополнительными признаками могут обладать особые конструкции — правовые принципы, известные в теории права и используемые в юридической практике. Особенность правовых принципов состоит, как известно, в том, что они не только обладают определенной нормативной силой, востребованной обществом, но и одновременно соответствуют «духу времени», т. е. новому социокультурному контексту [22]. Будучи формально закрепленными в преамбулах (общих или вводных частях) конституций и/или законов, правовые принципы в плане своего содержательного понимания, в отличие от обычных юридических норм, всегда нуждаются в соответствующей доктринальной интерпретации; результаты такого толкования обычно общеизвестны и культивируются внутри юридического сообщества, а также находят свою легитимность вовне: среди политических кругов, гражданской общественности и широких слоев населения.

Суть правовых принципов и состоит в том, что они привносят в ту или иную отрасль права те социальные ожидания и императивы («социальное назначение»), которые складываются в общественном правосознании под влиянием новых условий и потребностей общественной жизни и закрепляются в культуре данного общества, которая, в свою очередь, наследует многим историческим традициям и придает правосознанию людей устойчивый и кумулятивный («накопительный») характер². Правовые принципы дополняют собой действие конкретных норм права в качестве общенормативных условий, которые должны учитываться всеми субъектами права, в том числе теми, кто осуществляет свои права и обязанности в рамках деяний, именуемых как «злоупотребления правом».

При этом надо учитывать, что правовые принципы в силу своей общности (и высокой абстрактности) вряд ли обладают теми функциями, которыми

¹ Под *доктриной* мы понимаем такую теорию или концепцию, которая принимается в качестве истинной и практически значимой большинством населения, теми, для кого она и предназначена.

² Часто *правовая культура* трактуется как совокупность таких знаний, идеалов, ценностей, норм и образов, которые выражают некий интегрированный правовой опыт разных поколений людей и самых различных обществ в прошлом и настоящем.

обычно обладают отраслевые нормы. Среди основных функций конкретных норм права, как известно, фигурируют *обязывание, запрещение, и дозволение*. Что касается правовых принципов, то для них характерные, по-видимому, несколько иные функции *интегративная, систематическая, целевая, ценностная (аксиологическая)* и некоторые другие [23; 24]. Думается, что в этом ряду стоит и *селективная* функция, смысл которой чаще всего связан не с утверждением некоего общерегулятивного правила, а скорее, наоборот, с действием некоего общезапрещающего правила, в ходе применения которого происходит селекция (отбрасывание, отказ) тех или иных негативных вариантов возможного поведения, при этом остается некое небольшое (ограниченное) множество положительных вариантов. Понятно, что в качестве таких вариантов для селекции могут выступать и возможные нормы объективного и субъективного права, включая и права (правомочия), которые может осуществлять то или иное праводеспособное лицо.

В качестве принципов права, которыми запрещаются злоупотребления правом в современном обществе, выступают прежде всего общеправовые принципы, закрепленные в конституциях и/или общепризнанных актах международного права, а также общеправовые принципы, выраженные чаще всего в кодексах — основополагающих актах отраслевого права. Справедливости ради хотелось бы отметить, что на важность обращения к конституционным принципам для разработки современной теории злоупотреблений правом впервые обратил внимание В. И. Кросс в своей работе «Злоупотребление правом» [15]. Однако его понимание природы конституционных принципов носит формально-прикладной характер и не учитывает корреляцию этих принципов с ценностями, присущими правовой культуре и правосознанию в современной России.

Аналогично о роли правовых принципов в определении злоупотреблений правом как особых правовых явлений высказывается и В. А. Волков, но он не рассматривает их в качестве общих признаков злоупотреблений правом и, кроме того, ограничивается рассмотрением злоупотреблений правом лишь в гражданском праве [9].

Итак, с учетом особой роли правовых принципов в правовой системе страны мы приходим к следующему определению понятия «злоупотребление правом»: *злоупотребление правом — это деяние праводеспособного лица (субъекта права), реализующего свое правомочие в противоречии с принципами права, закрепленными в конституции и/или основных отраслевых законах (кодексах)*. Данное определение имеет важные преимущества по отношению к вышеприведенным дефинициям, обладающим, как ранее указано, определенными выше недостатками и изъянами.

Во-первых, это определение носит весьма общий и универсальный характер, поскольку допускает существование как формально-юридических составов для

¹ К неосновным функциям норм права относятся *правопредоставление (правопризнание), правовая квалификация (идентификация и оценка), карательная, коллизионная, обеспечительная* и некоторые другие.

² *Ценностная* функция, на наш взгляд, позволяет сделать определенный выбор одного (ценностно-значимого) или нескольких вариантов из множества возможных; такой выбор осуществляется по тому или иному ценностному основанию — значимости, важности, необходимости и т. п.

³ С логической точки зрения *ценностная* функция принципов права выступает антиподом их *селективной* функции.

⁴ При этом правовые принципы выступают в качестве своеобразных *метанорм* в отношении конкретных норм отраслевого права.

конкретных видов злоупотреблений правом в различных правовых отраслях, так и таких злоупотреблений правом, которые не урегулированы законодателем. Во-вторых, для своего применения такое определение понятия правозлоупотребления предполагает достаточно высокий уровень правосознания и правовой культуры, которым должны обладать прежде всего судьи. Поэтому предпочтительным для идентификации того или иного злоупотребления правом остается режим судебного рассмотрения и оценки такого деяния после его совершения (т. е. *post factum*)¹. В-третьих, данное определение понятия правозлоупотребления информативно и эвристично, поскольку из него логически следуют многообразные классификации и иные дедуктивные следствия. В частности, оно подводит к такому новому, не рассматриваемому в научной литературе делению этого понятия (как родового) на такие его виды, как *злоупотребление общим правом*² и *злоупотребление отраслевым правом*.

В-четвертых, это определение логически допускает и дальнейшую формализацию понятия «злоупотребление правом», что подтверждается и известной исторической тенденцией в виде нормативных понятий и соответствующих норм, которые применяются в отношении конкретных видов злоупотреблений правом. Причем речь идет не только о формах осуществления субъективного права, но и о других моментах, например, об определенных результатах, а также социально вредных последствиях таких деяний, которые могут включаться в состав конкретного вида злоупотребления правом. Такая формализация расширяет временные границы для правовой оценки соответствующего деяния обычно после его совершения (т. е. *post factum*), так и заранее (т. е. *ante factum*). В то же время юридическая формализация не отменяет существенного признака любого правозлоупотребления — несоответствия или противоречия его наличным принципам права, присущим определенным историческим эпохам и правовым культурам и закрепленным в соответствующих нормативно-правовых актах.

В-пятых, в отличие от первого варианта дефиниции понятия «злоупотребление правом», ранее представленного в научной литературе, предлагаемое в данном параграфе определение этого понятия использует не какие-нибудь неопределенные для обычных юристов ценности (философские идеи, религиозные догматы, морально-этические максимы и т. п., служащие содержательному наполнению используемого в первом определении признака — «несоответствие злоупотребления правом его социальному назначению»), а список вполне определенных правовых принципов, закрепленных в принятых в том или ином обществе и государстве конституциях или законах (кодексах).

Так, согласно Конституции РФ [18], «осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц». Запрещается также экономическая «деятельность, направленная на монополизацию и недобросовестную конкуренцию». Утверждается, что «владение, пользование и распоряжение землей и другими природными ресурсами осуществляются их собственниками, если это не нарушает прав и законных интересов иных лиц». Конституция РФ гарантирует также равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоя-

¹ С этим теоретическим выводом согласуется и законодательное положение — *презумция добросовестности и разумности* сделок в гражданском праве [8, ст. 10 п. 5].

² Под *общим правом* подразумеваются основные права и свободы человека, а также иные конституционные правомочия (полномочия).

тельств. Запрещаются любые формы ограничения прав граждан по признакам социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности.

Данные и ряд иных положений Конституции РФ, на наш взгляд, следует рассматривать как воплощение и конкретные формулировки основополагающего принципа недопустимости злоупотребления правом. При этом стоит волноваться, что данный конституционный принцип не нашел своего закрепления в тексте действующей Конституции, где также отсутствует и принцип презумпции невиновности (он, как известно, представлен в Конституции РФ в виде более конкретных и взаимодополняющих формулировок).

Литература

1. *Лядов А. О., Евсеев А. В., Халыгов Н. Г.* Проблема злоупотребления правом и коллизионное право // Роль интеллектуального капитала в экономической, социальной и правовой культуре общества XXI века: сб. Междунар. науч.-практ. конф. СПб.: СПбУ-ТУиЭ, 2018. С. 578–583.
2. *Евсеев А. В.* К вопросу о правовой культуре в российской правопонимании // Правовая Россия: проблемы и перспективы развития законодательства: материалы Между-гор. науч.-практ. конф. СПб.: Астерион, 2009. С. 33–38.
3. *Агарков М. М.* Проблема злоупотребления правом в советском гражданском праве // Избранные труды по гражданскому праву. В 2-х т. Т. 2. М.: ЮСТ-Статут, 2002. 535 с.
4. *Агарков М. М.* Проблема злоупотребления правом в советском гражданском праве // Известия Академии наук СССР. Отделение экономики и права. 1946. № 6. С. 426–429.
5. *Янев Я.* Правила социалистического общежития (их функции при применении правовых норм). М.: Прогресс, 1980. 270 с.
6. *Милетич О. О.* Формы злоупотребления правом: общетеоретический аспект исследования // Историческая и социально-образовательная мысль. 2012. № 6. С. 260–264.
7. *Бармина О. Н.* Злоупотребление правом как общеправовая категория: теоретико-правовой анализ: дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2015. 186 с.
8. Гражданский кодекс РФ. Ч. 1. (принят 21.11.1994; в ред. 18.03.2019) // Консультант-Плюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 01.10.2019).
9. *Волков В. А.* Злоупотребление гражданскими правами. Проблемы теории и практики. М.: Волтерс Клувер, 2009. 464 с.
10. *Грибанов В. П.* Пределы осуществления и защиты гражданских прав. М.: Юридическая литература, 1972. 284 с.
11. *Грибанов В. П.* Осуществление и защита гражданских прав. 2-е изд. М.: Статут, 2001. 411 с.
12. *Зайцева С. Г.* «Злоупотребление правом» как правовая категория и как компонент нормативной системы законодательства Российской Федерации. Рязань, 2002. 147 с.
13. *Волков А. В.* Принцип недопустимости злоупотребления гражданскими правами в законодательстве и судебной практике (анализ более 250 судебных дел о злоупотреблении правом). М.: Волтерс Клувер, 2010. 960 с.
14. *Малиновский А. А.* Злоупотребление субъективным правом (теоретико-правовое исследование). М.: ЮрЛитИнформ, 2007. 352 с.
15. *Крусс В. И.* Злоупотребление правом: учеб. пособие. Тверск. гос. ун-т. М.: Норма, 2010. 176 с.
16. *Наумов А. Е.* Злоупотребление правом: юридическая природа явления // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2009. № 6. С. 102–108.
17. Постановление Федерального арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 18 июня 2009 г. по делу № А63-9403/2006 («Заявление о признании недействительным постановления о предоставлении земельного участка удовлетворено, поскольку действия заинтересованных лиц по межеванию и последующему предоставлению обществу спорного земельного участка нарушают права заявителя в сфере предпринимательской деятельности, лишенного возможности использовать арендуемый участок по целевому

- назначению) // КонсультантПлюс. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ASK&n=50119#06387890555620821> (дата обращения: 01.10.2019).
18. Конституция РФ (принята всенародным голосованием 12.12.1993; с учетом поправок, внесенных законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Государственная система правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201408010002> (дата обращения: 01.09.2019).
 19. О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях: фед. закон РФ № 54-ФЗ (принят 19.06.2004; ред. 11.10.2018) // КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_48103/ (дата обращения 01.10.2019).
 20. Кодекс РФ об административных правонарушениях (принят 30.12.2001; ред. 02.08.2019) // КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (дата обращения: 01.10.2019).
 21. Гегель В. Г. Ф. Логика // Энциклопедия философских наук. в 3-х т. / пер. с нем. Т. 1. М.: Мысль, 1990. 453 с.
 22. Евсеев А. В. Конституция РФ как фактор правовой культуры в образовательном процессе // Социология и право. 2013. № 22. С. 66–69.
 23. Принципы права: вопросы теории и методологии [Электронный ресурс] // Студенческая библиотека онлайн «Studbooks». URL: https://studbooks.net/883023/pravo/printsipy_prava_voprosy_teorii_i_metodologii (дата обращения: 14.09.2019).
 24. Фролов С. Е. Принципы права: вопросы теории и методологии: дис. ... канд. юрид. наук. Кострома, 2001. 168 с.

Д. А. Швец

Налоговая политика как функция современного российского государства

D. A. Shvets. Tax Policy as a Function of the Russian State

В статье рассмотрены основные проблемы системы фискальных платежей как части функций государства в части налоговой политики. Рассматриваемые автором проблемы вызваны отсутствием четко определенной системы налогообложения на законодательном уровне. Следовательно, возникают проблемы в правоприменении в судебной и административной практике при выборе режима правового регулирования указанных платежей. Существуют некоторые проблемы классификации фискальных сборов. Автор определяет, что должна быть исчерпывающим образом определена система сборов путем инкорпорации фискальных сборов в законодательство о налогах и сборах, что предопределено значимостью применения в правовом регулировании идентичных по своей правовой природе платежей единых правил, согласно п. 5 ст. 3 Налогового кодекса РФ.

Ключевые слова: функции государства, налоговая политика, налог, сбор, фискальные платежи.

Контактные данные: 190103, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., 44а; (812) 415-19-10; e-mail: 5555z@mail.ru.

In the article the main problems of the system of fiscal payment as part of the functions of the state in terms of tax policy related to the lack at legislative level accurately built system of fiscal charges, in connection with which law enforcement and judicial practice, there are ambiguities in the resolution of problems related to the choice of the mode of legal regulation of the said payments. There are also some problems with the classification of fiscal charges. The existing procedure for regulating fiscal fees should be changed through the incorporation of fiscal fees in the tax code, which is primarily due to the need to apply in the legal regulation of payments identical in their legal nature of uniform rules, as well as the requirements of paragraph 5 of article 3 of the tax code.

Keywords: functions of the state, tax policy, tax, collection, fiscal payments.

Contact Details: Lermontovskiy Ave 44/A, St. Petersburg, Russian Federation, 190103; (812) 415-19-10; e-mail: 5555z@mail.ru.

Налоговая политика как одна из функций государства занимает важное место в экономике государства и в стране в целом. Она — одна из важнейших инструментов государственного регулирования экономики. Надежность налоговой политики зависит от многих составляющих. Одним из основных факторов является эффективное функционирование налогообложения страны в целом.

Процесс реформирования системы налогообложения в нашем государстве, уже не носит в современной России радикального характера. Однако требуется продолжение правовой работы в части закрепления системы налогов и сборов, модернизации дефиниций и правовых характеристик фискальных платежей и сборов. Решению проблем правовой идентификации фискальных сборов уделяется повышенное внимание. Налоги, пошлины и сборы являются обязательными

Дмитрий Александрович Швец — аспирант кафедры конституционного и международного права Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики.
© Д. А. Швец, 2019.

платежами (изъятиями), установленными государством в Налоговом кодексе Российской Федерации (НК РФ) [1]. В данном случае имеют место не договорные, а административные отношения, основанные на властном подчинении плательщика государству. Дефиниция налога является наиболее проработанной, а понятие и юридическая природа сборов менее изучена современной юридической наукой.

Несмотря на сходство, все же есть некие различия в понятиях сбора, пошлины и налога. Во-первых, налог, в отличие от сбора или пошлины, уплачивается с определенной периодичностью. Во-вторых, уплата взноса не требует обязательной денежной формы, налог же подразумевает только денежную форму платежа. В-третьих, относительно пошлины и сбора законодатель не определяет целью уплаты финансовое обеспечение деятельности государства (либо муниципального образования). В-четвертых, выявим тонкую грань между понятиями сбора и пошлины, а именно: сбор — платеж за обладание особым правом (право на осуществление определенной деятельности, лицензия, право пользования объектами животного мира и т. д.); пошлина — плата за совершение в пользу плательщиков юридически значимых действий (государственная регистрация права на недвижимость, совершение нотариальных действий и т. д.).

Отдельного внимания требуют так называемые, квазиналоги. Система неналоговых платежей (квазиналоги) неоднородна, поскольку включает в себя как фискальные сборы, так и другие обязательные платежи, не являющиеся источником формирования доходов бюджета. Квазиналог — это обязательный платеж, у которого отсутствует какой-либо юридический признак налога, поскольку такой платеж, как правило, является возмездным [2, с. 4]. К квазиналогам можно отнести: страховые взносы в государственные внебюджетные фонды, патентную пошлину, портовый сбор, консульский сбор, парафискалитет и др. [3; 4, с. 56].

Фискальные платежи являются неналоговыми платежами, следовательно, фискальные платежи обладают всеми признаками неналоговых платежей. Термин «фискальный сбор» в рамках доктрины пытались определить многие исследователи. С. Г. Пепеляев определяет фискальный платеж как принудительный платеж, внесение которого является условием доступа к праву, получения права или возможности реализовать право, порождающий встречное обязательство государственного органа перед плательщиком и сопоставимый с объемом и характером этого обязательства, служащий фискальным целям публичного субъекта [5, с. 26]. Д. В. Винницкий и Е. В. Воскресенская более полно раскрывают встречное предоставление: обусловленное совершением публичным образованием в пользу плательщика действий, имеющих юридическое значение и основанное на принципах равенства и соразмерности [5, с. 42; 6 с. 230]. Е. Л. Васянина также сформулировала определение фискального сбора: «Обязательный платеж, взимаемый с физических лиц и организаций, не являющийся налогом, поступающий как в бюджет, так и в иные учреждения публично-правового характера, как в целях покрытия расходов уполномоченных органов на совершение действий публично-правового характера, так и в целях защиты прав и интересов определенной группы субъектов» [7, с. 25].

Учитывая, что иные определения фискальных сборов имеют сходство с теми, которые приведены выше, можно выделить основные признаки фискальных сборов, отмечаемые в литературе (обязательность уплаты, индивидуальная возмездность платежа, проявляющаяся в получении доступа к праву, получении права или возможности реализовать право; наличие встречной обязанности государства по осуществлению юридически значимых действий), что служит фискальным

интересам публично-правового образования, установившего платеж [8]. При этом может иметь и иные цели, в том числе защиту определенной группы лиц.

Для сравнения можно выделить те признаки фискальных сборов, которым Конституционный Суд РФ уделял свое отдельное внимание [9]: уплата сбора является условием для совершения в отношении лица определенных юридически значимых действий либо предоставления права (индивидуальная возмездность); санкцией за неуплату сбора является неполучение права либо несовершение в отношении лица юридически значимых действий, а также предоставление либо непредоставление определенного права; может иметь свойство индивидуализации в связи с расчетом платы для конкретного плательщика; имеет денежную форму отчуждения собственности; основные элементы сбора должны быть установлены законом, в то же время частично регулирование может содержаться в подзаконных нормативно-правовых актах; имеет целевую направленность (обусловленную интересами определенных групп населения либо отраслей хозяйства или ведомств); имеет компенсационный характер; иногда отмечается также и стимулирующий характер платежа (например, необходимость перехода на наиболее экологически чистое производство в связи с уменьшением платы за загрязнение окружающей среды); основной целью является фискальная цель (пополнение бюджета соответствующего уровня), такие платежи всегда являются доходом соответствующего бюджета РФ; остальные признаки неналоговых платежей, например, установление специального вида ответственности (например, административной), специального порядка контроля, отчетности, обеспечения исполнения уплаты и т. д.

В целом доктринальное понимание фискального сбора и те признаки, которые выделяет Конституционный Суд РФ, достаточно схожи. При этом и в литературе, и в практике Конституционного Суда РФ применительно к фискальным сборам отдельно выделяется наличие фискальной цели (получение бюджетом соответствующего неналогового дохода, например, от уплаты таможенных платежей). Именно указанная цель позволяет разделить неналоговые платежи на фискальные и паракфискальные (нефискальные), что также порождает и иные отличия паракфискальных (нефискальных) платежей.

Статья 39 Бюджетного кодекса Российской Федерации (БК РФ) [10] указывает на три вида законодательства о формировании доходов бюджетов: бюджетное законодательство; законодательство о налогах и сборах; законодательство об иных обязательных платежах [11]. Следует отметить, что «законодательство об иных обязательных платежах» не включает в себя нефискальные платежи, так как все доходы соответствующих бюджетов должны зачисляться на единые счета соответствующих бюджетов. Все фискальные платежи являются неналоговыми доходами соответствующих бюджетов, в связи с чем бюджетное законодательство содержит исчерпывающий перечень таких доходов в статьях 51, 57 и 62 БК РФ [12, с. 156].

Среди фискальных платежей, являющихся доходом федерального бюджета, можно отметить лицензионные сборы, таможенные сборы, плата за негативное воздействие на окружающую среду, консульские сборы, патентные пошлины, утилизационный сбор. В качестве примера фискальных сборов, которые являются доходом бюджетов субъектов РФ, можно привести декларационный платеж и плату за снятие запрета на реконструкцию, строительство зданий, строений, сооружений на земельном участке. Следует отметить, что в БК РФ прямо не названы все фискальные платежи, так как некоторые из них имеют достаточно обобщенную формулировку, например, доходы от платных услуг, оказываемых муниципальными казенными учреждениями. Согласно статьям 298 Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ) [13] и 161 БК РФ доходы, полученные

в том числе от оказания платных услуг, поступают в соответствующий бюджет бюджетной системы РФ.

Учитывая отсутствие кодификации фискальных платежей в России, такие платежи устанавливаются в отраслевом законодательстве (в сфере экологического права, дорожного права, интеллектуального права) и могут содержать дополнительное регулирование в подзаконных нормативно-правовых актах [14], например, устанавливая специальную отчетность, ставки и т. п. Как в литературе, так и в практике Конституционного Суда РФ прослеживается различный подход к каждому фискальному сбору. Ввиду отсутствия системности возможно появление и иных признаков фискального платежа. Конституционный Суд РФ также отмечал, что законодатель обладает определенной дискрецией в определении элементов и признаков конкретного сбора в зависимости от условий и целей установления платежа.

Установление конструкции фискального сбора, определение его элементов, контроль за его уплатой и прочие признаки напрямую зависят от тех целей (помимо фискальной), которые хочет реализовать законодатель при введении такого публичного платежа, а также причин его введения. Законодатель может руководствоваться целью пополнения бюджета, но в условиях невозможности администрирования своих доходов. Примером платежа, появившегося в таких условиях, является декларационный платеж [15]. Суть декларационного платежа заключалась в том, что в течение года физическое лицо могло уплатить 13 %, платеж за любой доход, с которого такое физическое лицо не уплатило ранее доход. В сущности, такой платеж являлся примером налоговой амнистии, исключаящей обязанность по уплате налогов с доходов (пп. 6 п. 3 ст. 45 НК РФ). Такой сбор является идеальным примером дискреции законодателя, так как при его установлении законодатель отказался от контроля, ответственности за его неуплату, обеспечения уплаты и т. п. Это пример свободы усмотрения плательщика сбора, поскольку при уплате такого сбора лицо освобождалось от ряда негативных последствий, в числе которых налоговая и уголовная ответственность. В связи с добровольным характером уплаты было невозможно взыскать его в принудительном порядке [16].

Среди фискальных платежей можно выделить патентную пошлину [17]. Обязанность взимания указанной пошлины установлена в ст. 1249 ГК РФ. Интересно то, что в рамках ст. 333.30 НК РФ установлена государственная пошлина, являющаяся налоговым сбором, которая имеет аналогичные функции с патентной пошлиной, являющейся фискальным платежом [18]. В связи с тем, что существуют достаточно схожие налоговый сбор и неналоговый сбор, следует указать на их различия. Как отмечал Верховный Суд РФ [19], указанный платеж имеет признаки индивидуальной возмездности, а также компенсационный характер, проявляющийся в компенсации государству издержек в связи с оказанием государственной услуги. Как указал Верховный Суд РФ, решая вопрос законности существования подзаконного нормативно-правового регулирования, существенные признаки такого сбора (субъекты-плательщики, объект обложения и облагаемая база) определяются федеральным законом, а остальные признаки в соответствии с практикой Конституционного Суда РФ могут быть установлены в подзаконном нормативно-правовом регулировании.

Следует отметить, что указанный фискальный сбор, как и предыдущий, связан со свободой выбора: «при наличии интереса в приобретении интеллектуальных прав каждое лицо само разрешает вопрос о необходимости обращения в Роспатент в установленном порядке». В отличие от налоговых сборов, когда уплата сбора является единственно возможным способом реализации своего пра-

ва (например, на обращение в соответствующий государственный суд), в данном случае лицо имеет возможность иначе реализовать свои права, так как неуплата фискального сбора не лишает патентообладателя, являющегося автором изобретения, его права авторства в соответствии со статьями 1356, 1358 ГК РФ [9].

В отличие от налогового платежа, негативным последствием неуплаты платежа (либо если лицо перестает его платить) является приостановление защиты соответствующего интеллектуального права. В то же время регулирование данного фискального сбора предусматривает установление отсрочки и рассрочки платежа. При этом регулирование установлено таким образом, что момент уплаты при отсрочке не может наступить позднее совершения юридически значимых действий, в связи с чем не существует порядка взыскания пошлины либо специфической ответственности за неуплату такого сбора. Что касается обеспечения исполнения обязанности по уплате, то важно подчеркнуть, если в отношении налоговых сборов действуют те способы, которые прямо указаны в Налоговом кодексе РФ, то в отношении неналоговых сборов чаще всего применяются пени, урегулированные статьей 395 ГК РФ, хотя встречаются и пени, установленные отраслевым законодательством. Как способ обеспечения исполнения обязанности по уплате неналогового сбора в определенных случаях может выступать запрет на осуществление какой-либо деятельности до уплаты неналогового сбора. В связи с характером ряда отношений, например, в ситуации с профессиональным самообложением, приостановление членства можно рассматривать как способ обеспечения.

Фискальные платежи являются неналоговыми платежами, следовательно, фискальные платежи обладают всеми признаками неналоговых платежей. Все фискальные платежи как форма отчуждения частной собственности предполагают возможность принуждения к уплате. Различия способов и мер принуждения в совокупности с другими критериями создают массив признаков, позволяющих признать известную обособленность части фискальных платежей и выделить ее в отдельную категорию. Однако это не дает оснований говорить о различной природе налогов и сборов. Это публично-правовые обязательные платежи, они устанавливаются государством и обеспечиваются принудительными мерами. Сборы, обязанность по уплате которых закреплена ст. 57 Конституции РФ [20], в зависимости от правовой природы делятся на две категории: 1) сборы, правовая природа которых соответствует признакам, закрепленным в п. 2 ст. 8 НК РФ, — фискальные сборы; 2) так называемые парафискалитеты, т. е. сборы, не обладающие вышеуказанными признаками, непосредственно регулируемые Таможенным кодексом РФ (ТК РФ) [21], и фискальные сборы, урегулированные федеральными законами, которые не входят в состав ни налогового, ни таможенного законодательства.

Итак, в отличие от системы налогов, в действующем законодательстве отсутствует четко выстроенная система фискальных сборов, единый правовой акт, в котором закреплялись бы все платежи, обладающие признаками фискальных сборов. Таким образом, следует внести дополнения в главу 25.3 НК РФ в виде положений, исчерпывающим образом определяющих юридически значимые действия, за которые действующим законодательством предусмотрена уплата фискальных сборов. Определив элементы обложения таких сборов, изложенные положения, с нашей точки зрения, позволят избежать неустранимых неясностей и коллизий, возникающих в сфере правового регулирования фискальных сборов.

В качестве основного вывода следует представить тезис о том, что можно выявить единые для всех публичных платежей признаки, проявляющиеся в каждом налоговом или неналоговом сборе. При этом, если все публичные платежи представляют собой единую систему платежей, то законодателю следует, по мнению

автора, более системно подходить к регулированию вновь возникающий фискальных и парафискальных сборов.

Итак, в литературе достаточно давно ведутся дискуссии о том, что следует все неналоговые платежи включить в НК РФ. Можно сделать вывод о том, что регулирование парафискальных платежей, связанное в том числе с широким делегированием полномочий государства и нефискальным характером таких платежей, не позволит включить данный вид неналоговых сборов в Налоговый кодекс РФ. В самом делегировании полномочий государства частным лицам отсутствуют какие-либо риски при наличии должного уровня регулирования, в связи с чем практика по предоставлению полномочий частным лицам в сфере публичных платежей, на наш взгляд, должна расширяться.

Литература

1. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ (ред. от 29.09.2019) (с изм. и доп., вступ. в силу с 29.10.2019) // Собрание законодательства РФ. 1998. № 31. Ст. 3824.
2. Волков В. В. Фискальный сбор как источник неналоговых доходов бюджета: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015. 28 с.
3. Voskresenskaya E., Snetkov V., Tebryaev A. Current-day matters of administration and law in the field of high-rise construction // E3S Web of Conferences 33, 03051 (2018) doi.org/10.1051/e3sconf/20183303051.
4. Кучеров И. И. Налоговое право России. М.: ЮрИнфоР, 2013. 226 с.
5. Пепеляев С. Г. Налоги: реформы и практика. М: Статут. 2005. 288 с.
6. Научные исследования в сфере педагогики и психологии: конвергенция и генезис знаний / под ред. О. А. Подкопаева, С. В. Юртаева Самара: ООО «Поволжская научная корпорация», 2018. С. 228–237.
7. Винницкий Д. В. Налоговое право: учебник для бакалавров. 2-е изд. М.: Юрайт, 2013. 526 с.
8. Васянина Е. Л. Фискальные сборы: понятие, юридические признаки, виды // Налоги и налогообложение. 2007. № 7. С. 23–28.
9. Voskresenskaya E., Snetkov V., Tebryaev A., Askarov Z. Atypical real estate objects: legal regime and control system // MATEC WEB OF CONFERENCES. 2017. Vol. 106. Article Number 08055 DOI <https://doi.org/10.1051/matecconf/201710608055>
10. Определение Конституционного Суда РФ от 15 июля 2008 г. № 674-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Сорокина Юрия Павловича на нарушение его конституционных прав статьей 33 Патентного закона Российской Федерации, подпунктом «л» пункта 1 Положения о пошлинах за патентование изобретений, полезных моделей, промышленных образцов, регистрацию товарных знаков, знаков обслуживания, наименований мест происхождения товаров, предоставление права пользования наименованиями мест происхождения товаров, а также пунктами 1 и 2 Постановления Правительства Российской Федерации от 14 января 2002 года № 8». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&cacheid=E7C977F47D95A89D8473717276E826EE&SORTTYP E=0&BASENODE=g5&ts=197102957607270896360601184&base=ARB&n=83593&rnd=30BF0123B3083FD96F08FE7489976B90#1jor95k8ggp> (дата обращения: 24.07.2019).
11. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 № 145-ФЗ (ред. от 02.08.2019) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2019) // Собрание законодательства РФ. 1998. № 31. Ст. 3823.
12. Voskresenskaya E., Pak Khe Sun, Vorona-Slivinskaya L. Improvement of economic security management system of municipalities: methods of assessment // IOP Conference Series: Earth and Environmental Science 2017. Vol. 90.
13. Воскресенская Е. В. О правовой дефиниции российского налогового права «объект налогообложения» и соотношении со смежными категориями // Ленинградский юридический журнал. 2017. № 3. С. 155–163.

14. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 18.07.2019) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.10.2019) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
15. Об утверждении Временного регламента по организации электронного документооборота при представлении расчетов платы за негативное воздействие на окружающую среду в электронной форме по телекоммуникационным каналам связи: приказ Росприроднадзора от 31 декабря 2014 г. № 872. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&cacheid=018D94953051B17860C092274754EAFD&SORTTYPE=0&BASENODE=1&ts=486658161011544221060104598&base=LAW&n=143124&rnd=30BF0123B3083FD96F08FE7489976B90#5fehpyt0138> (дата обращения: 08.08.2019).
16. Об упрощенном порядке декларирования доходов физическими лицами: федер. закон от 30 декабря 2006 г. № 269-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2007. № 1 (1 ч.). Ст. 32.
17. Определение Конституционного Суда РФ от 16 июля 2009 N 949-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Бутрима Геннадия Алексеевича на нарушение его конституционных прав частью 1 статьи 2 Федерального закона "Об упрощенном порядке декларирования доходов физическими лицами"». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&cacheid=23A2C5BD7A3C6BD485F388AB9B5DC800&SORTTYPE=0&BASENODE=g1&ts=71718950308627968289437347&base=ARB&n=120269&rnd=30BF0123B3083FD96F08FE7489976B90#1ht302m2264> (дата обращения: 08.08.2019).
18. Волков В. В. Патентная пошлина как разновидность фискального сбора // Право и экономика. Документы, комментарии, практика: информационно-аналитический журнал по российскому законодательству для руководителей и юристов. 2008. № 8. С. 73–78.
19. Об утверждении Положения о патентных и иных пошлинах за совершение юридически значимых действий, связанных с патентом на изобретение, полезную модель, промышленный образец, с государственной регистрацией товарного знака и знака обслуживания, с государственной регистрацией и предоставлением исключительного права на наименование места происхождения товара, а также с государственной регистрацией отчуждения исключительного права на результат интеллектуальной деятельности или средство индивидуализации, залога исключительного права, предоставления права использования такого результата или такого средства по договору, перехода исключительного права на такой результат или такое средство без договора: Постановление Правительства РФ от 10 декабря 2008 г. № 941 // Собрание законодательства РФ. 2008. № 51. Ст. 6170.
20. Решение Верховного Суда РФ от 21 июня 2017 г. № АКПИ17-264 [Электронный ресурс] // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 7 (извлечение).
21. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с изм. от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. 2014. № 31.
22. Таможенный кодекс Российской Федерации (утв. ВС РФ 18.06.1993 № 5221-1) (ред. от 26.06.2008) // Российская газета. 1993. 21 июля.

Требования к оформлению рукописей статей, публикуемых в научном журнале «Социология и право»

1. Рукопись должна содержать:

- 1.1. ФИО автора(-ов) на русском и английском языках.
- 1.2. Название статьи на русском и английском языках.
- 1.3. Аннотацию объемом в 6–8 предложений.
- 1.4. Ключевые слова (5–7 слов и словосочетаний), разделенные запятой.
- 1.5. Библиографический индекс УДК.
- 1.6. Сведения об авторе(-ах): место работы (учебы для аспирантов и докторантов) с указанием почтового адреса, включая индекс, рабочий телефон и адрес электронной почты; должность, ученая степень, ученое звание, почетное звание.

1.7. Список литературы (иных источников).

2. Оформление текста статьи

2.1. Объем рукописи должен составлять от 0,4 до 1 авторского листа (1 а. л. включает в себя 40 000 знаков с пробелами).

2.2. Текст рукописи должен быть подготовлен средствами MS Word. Параметры документа:

- размер страницы — А4;
- поля — по 2 см;
- шрифт — Times New Roman;
- размер (кегель) — 14;
- междустрочный интервал — полуторный;
- абзацный отступ — 1 см;
- выравнивание текста абзаца — по ширине;
- нумерация страниц — внизу справа.

2.3. Над каждой таблицей следует помещать ее заголовок, например: *Таблица 1. Сравнительный анализ*. В тексте статьи необходимо приводить ссылку на каждую таблицу.

2.4. Формулы набираются с использованием программы MathType. Формулы в статье следует нумеровать сквозной нумерацией арабскими цифрами в круглых скобках в крайнем правом положении на строке. Ссылки в тексте на порядковые номера формул также даются в скобках.

3. Библиографический аппарат

3.1. Список литературы (иных источников) приводится в конце статьи. В список включаются только те источники, на которые даны ссылки в статье. В списке номер источника в списке указывается в квадратных скобках, через запятую — номер(-а) страницы, промежуток страниц приводится через тире, например: [4, с. 112], [5, с. 63, 67], [9, с. 45–47].

3.2. В списке литературы для каждого источника необходимо указывать объем в страницах. Для публикаций в газете, журнале, сборнике указывается через тире занимаемый ею интервал страниц. Для отдельных изданий (монографии, учебника и т. д.) указывается общее число страниц.

4. Иллюстрации

4.1. Иллюстрации (графики, схемы, диаграммы, рисунки) необходимо вставить в текст после первого упоминания, снабдить номером и названием, например: Рис. 1. Распределение миграционного потока в развивающихся странах. В тексте статьи должна быть ссылка на каждый рисунок, например (рис. 5).

4.2. Иллюстрации, созданные в программах MS Word и MS Excel и вставленные в текст, должны сохранять возможность их редактирования (изменения шрифта надписей, цвета и размера элементов и пр.). Иллюстрации, созданные в других программах, заимствованные из сети Интернет или сканированные, помимо вставки в текст, прилагаются к статье отдельными файлами в том формате, в котором были созданы или скачаны (jpg, tif, pdf, psd, indd, ai, cdr и др.).

4.3. Размер исходного изображения должен быть не меньше публикуемого в статье.

4.4. Рекомендованное количество иллюстраций в одной статье — не более трех.

The Basic Requirements to script submissions for publishers of ‘Sociology and Law’

1. Contents

- 1.1. Author’s full name in Russian and in English.
- 1.2. The headline of the article in Russian and in English.
- 1.3. Summary (6–8 sentences).
- 1.4. List of keywords (5–7 words and phrases separated by semicolon).
- 1.5. Bibliographic UDC identifier.
- 1.6. Information about the author(s): office address with zip code (or place of studies for post-graduate students), office phone number and e-mail, position, degree, academic rank and honors.
- 1.7. List of references.

2. Text layout

- 2.1. The size should not be less than 0.4 and not more than 1 author’s sheet (1 author’s sheet includes 40,000 typographical units with gaps).
- 2.2. The text should be MS Word format:
 - page size — A4;
 - borders — 2 cm;
 - type — Times New Roman;
 - size — 14;
 - line space — 1,5;
 - paragraph indentation — 1 cm;
 - text alignment — edgewise;
 - page numbering — at the right bottom of the page.
- 2.3. Every table should have a heading. Ex.: *Table 1. Comparative analysis*. There should be references for every table in the text.
- 2.4. For formulae please use MathType. The formulae in the article should be continuously numbered with Arabic figures in parentheses at the far right of the line. The references for the ordinal number of the formulae should also be in parentheses.

3. References

- 3.1. List of references should be positioned at the very end of the article. The list should contain only those sources which are mentioned in the article. In the text the number of the source should be given in square brackets, the page number should be indicated using comas and dashes. Ex.: [4, p. 112], [5, p. 63, 67], [9, p. 45–47].
- 3.2. The page size should be given for every publication mentioned in the text. In case you refer to magazine, newspaper or digest you should indicate the page number(s) and the full number of pages in case of monograph, textbook or any other publication.

4. Graphics

- 4.1. All the pictures, diagrams, tables and schedules should be positioned exactly in place they are being mentioned in the article with the number and the heading. Ex.: Pic. 1. The distribution of migration flow in developing countries. There should be references for every picture in the text. Ex.: (pic. 5).
- 4.2. It should be possible to redact Illustrations from MS Word и MS Exel inserted in the text (to change the type and size, colour, etc.) Illustrations copied from Internet as well as scanned should be placed in the text as well as sent separately in attached file using original format (jpg, tif, pdf, psd, indd, ai, cdr, etc.).
- 4.3. The size of illustrations shouldn’t be less than published in the article.
- 4.4. The recommended number of illustrations used in the article — not more than 3.

Точка зрения редакции может не совпадать с мнениями авторов статей.

При перепечатке ссылка на журнал
«Ученые записки Санкт-Петербургского университета
технологий управления и экономики» обязательна

Сведения, касающиеся изданий и публикаций,
включены в международную справочную систему по периодическим
и продолжающимся изданиям "Ulrich's Periodical Directory"

Статьи журнала включаются в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ),
доступный в сети Интернет по адресу <http://www.elibrary.ru> (научная электронная
библиотека). РИНЦ — база данных, содержащая библиографическую информацию,
извлеченную из текста статей, а также пристатейных ссылок (списков литературы)

Начальник издательства СПбУТУиЭ *О. В. Ярцева*
Выпускающий редактор *В. В. Салина*
Корректор *Е. С. Чулкова*
Компьютерная верстка *М. Ю. Шмелёв*

Учредитель издания:
ЧОУ ВО «Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики»
190103, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 44а
Тел.: (812) 448-82-50
E-mail: izdat-ime@yandex.ru
URL: <http://spbume.elpub.ru/jour>

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС77-67818 от 28 ноября 2016 г. выдано
Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзором).

Журнал издается с 2009 г.
Выходит раз в квартал.

Подписано в печать 30.12.2019.
Формат 60×90^{1/8}.
Уч.-изд. л. 8,6. Усл. печ. л. 13,95.
Тираж 500 экз. Заказ № 11.

Цена свободная

Отпечатано в типографии ООО «РАЙТ ПРИНТ ГРУПП»
198095, Санкт-Петербург, ул. Розенштейна, д. 21